
Серия АИРО-XXI
**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СССР, РФ и СНГ**

осуществляется благодаря партнерству
с Департаментом по работе с территориальными палатами
Торгово-промышленной палаты РФ

Издание подготовлено при содействии
Старооскольской ТПП
и Тамбовской областной ТПП

**АИРО
XXI**

АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
(АИРО-XXI)

Международный совет научных проектов и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ Руководитель

Карл АЙМЕРМАХЕР Рурский университет в Бохуме

Дмитрий АНДРЕЕВ МГУ им. М. В. Ломоносова

Дитрих БАЙРАУ Тюбингенский университет

Дьердь БЕБЕШИ Печский университет

Владимир БЕРЕЛОВИЧ Высшая школа по социальным наукам, Париж

Бернд БОНВЕЧ Рурский университет в Бохуме

Харуки ВАДА Фонд японских историков

Людмила ГАТАГОВА Институт российской истории РАН

Пол ГОБЛ Фонд Потомак

Габриэла ГОРЦКА Центр «Восток–Запад» Кассельского университета

Андреа ГРАЦИОЗИ Университет Неаполя

Никита ДЕДКОВ МГУ им. М.В. Ломоносова

Роберт ДЭВИС Бирмингемский университет

Стивен КОЭН Принстонский, Нью-Йоркский университеты

Алан КАСАЕВ РИА «Новости»

Андрей МАКАРОВ АИРО-XXI

Джон МОРИСОН Лидский университет

Василий МОЛОДЯКОВ Университет Такусёку, Токио

Игорь НАРСКИЙ Южно-Уральский государственный университет

Норман НЕЙМАРК Стэнфордский университет

Дональд РЕЙЛИ Университет Северной Каролины на Чепел Хилл

Борис СОКОЛОВ АИРО-XXI

Такеси ТОМИТА Сейкей университет, Токио

Татьяна ФИЛИППОВА Российский исторический журнал «Родина»

Сергей ЩЕРБИНА АИРО-XXI

Геннадий Бордюгов

Октябрь. Сталин. Победа

Культ юбилеев
в пространстве памяти

Москва
2010

СЕРИЯ
«Историческая политика и политика памяти
в СССР, РФ и СНГ»

Дизайн, верстка и подбор иллюстраций: *Сергей Щербина*

Бордюгов Г.А.

Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»). – ISBN 978-5-91022-132-5.

Почему исторические юбилейные события приобретают культовый характер? Как проявляет себя пространство памяти, в котором помещаются те или иные юбилеи? Каким образом они превращаются в символическую опору разных режимов власти? Об этих и других вопросах размышляет автор, используя оригинальную модель пространства памяти и показывая, почему юбилеи мешают критическому взгляду на современную ситуацию, реальной оценке смыслов прошлого и будущего.

ISBN 978-5-91022-132-5

© Бордюгов Г.А., 2010
© Щербина С.П., подбор
иллюстраций, 2010
© АИРО-XXI, 2010

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ОКТАБРЬ 1917: ЗАБЫТЫЙ ПРИЗРАК	15
1918: «Красная Пасха»	18
1927: а как было при царе?	24
1937: «Сталин виден даже из Мадрида»	39
1947: в поисках новой великой цели	49
1957: неоправдавшийся юбилей	57
1967: Октябрь и смена культурного кода	63
1977: главное событие XX века	68
1987: последний советский юбилей Октябрьской революции	71
1997: 9 мая – новое 7 ноября	77
2007: революция возвращается?	81
Почему революции смешались в исторической памяти	86
ДЕСЯТЬ СТАЛИНСКИХ ЮБИЛЕЕВ	90
1919: наведение фокуса биографии	92
1929: огосударствление юбилея	95
1939: неоднозначность торжества	99
1949: триумф и отчаяние	113
1959: испытание памятью о вожде	122
1969: стыдливая ресталинизация	128
1979: культ без личности	133
1989: ловушки деконструкции тоталитаризма	138

1999: в ожидании вождя	146
2009: Сталин с нами, Сталин – в нас	153
Как преодолеть плен сталинского образа?.....	163
ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА И ВЛАСТЬ.....	170
1945: подчинение памяти	170
1955: локализация пространства памяти.....	178
1965: прорыв в пространство жизни.....	183
1975: в контексте «строек коммунизма»	198
1985: в предчувствии перемен	201
1995: в пространстве симулякров	211
2005: в пространстве официального минимализма	221
2010: поиски смысла праздника продолжаются.....	229
Возможное будущее памяти о Победе	236
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	240
Указатель имен	244
Об авторе.....	249

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Пусть наградит тебя Господь юбилеями без счета!». Так приветствовал некий древний египтянин некоего фараона. Чем вызвано такое пожелание? Почему одни личные и общественные юбилеи в чести, их ждут, готовятся к ним с радостью, а от других отгораживаются словно от наваждения. Почему одни круглые даты отмечают каждое десятилетие, а о других вспоминают раз в пятьдесят, а то и в сто лет? Как трогательная подлинность праздника перерастает в отталкивающую помпезность? Самые знаковые в России старо-новые юбилеи дают возможность поразмышлять об этом.

Неотвратимая регулярность юбилеев, отмеренный цикл лет заключают в себе то «рациональное время», которое Анри Бергсон противопоставлял живой длительности, которая не повторяется, а проходит по ткани живой жизни. В чём же тогда смысл юбилея, который «подчиняет машинерии рациональности живое время»? Самое существенное, по мнению петербургского философа Бориса Соколова, случается в тишине и безвременье, а не в фанфарах и тостах. Юбилей празднует себя самого через юбиляра, а не наоборот. Отмеренное отмеряется отмериванием, но впечатление при этом такое, что сам отмеряемый владычествует над временем, фиксируя важность мо-

мента. Но отмеривание не дает никакой опоры, завтра – всегда окажется иным, череда событий идет своим путем, путем неизвестного. Может быть, смысл обретается в успокоенности? Время, встроенное в рациональную схему цикличности, дает опору, успокаивает. Но это, считает Соколов, обманчиво. Успокаиваемся мы не в себе, но в «тотальности» рациональности. Отмеренные секунды, часы времени говорят как раз о том, что не мы проживаем время, но время проживает нас, втискивая в отмеренный свой ритм. И тогда прав Бергсон, который говорил о том, что математизированное представление о длительности – время – есть свойство интеллекта, привыкшего оперировать мертвыми телами, но не жизнью, не живым.

И здесь появляется поле для «работы» культа. Может, не было бы ничего страшного в юбилеях, если бы некоторые из них не приобретали культовый характер, не обставлялись бесконечным повторением определенных ритуалов. Представляя внешнее проявление религии, культ «привлекает массы, опьяняет их иллюзорной надеждой» (Шарль Эншлен).

Известно, что само понятие «культ» происходит от латинского слова *cultus*, производного от глагола *colere* («поклоняться или воздавать почести божеству»), и имеет историю, которая началась задолго до того, как им воспользовались СМИ и гуманитарные науки в новейшее время. Однако теперь определение культа применяется не только к религиозным, но и к политическим, этническим и экономическим тоталитарным сообществам. Отдельные исторические явления, события и фигуры наделяются качествами социального бессмертия – «И юный Октябрь впереди»,

«Ленин и теперь живее всех живых», «Сталин с нами». Возникают особенные традиции почитания могил, памятников, мест мучений и смерти героев, возведенных в ранг святых. Сакрализируются не только герои и даты, но и сама среда обитания народа, сотворившего культовые события, со своими «алтарями», системой столбных градусов («городов-героев») и храмовых сооружений (мемориалов).

Появляются и пропагандисты культов. Преклонение перед юбилеями сопровождается введением людей в заблуждение по поводу тех исторических событий, которое не укладываются в праздничный сценарий. Нередко можно видеть, как для пропагандистского обеспечения юбилея демонизируются дешифраторы мифов, созданных вокруг юбилеев, нейтрализуются критики, подрываются репутации неконъюнктурных историков.

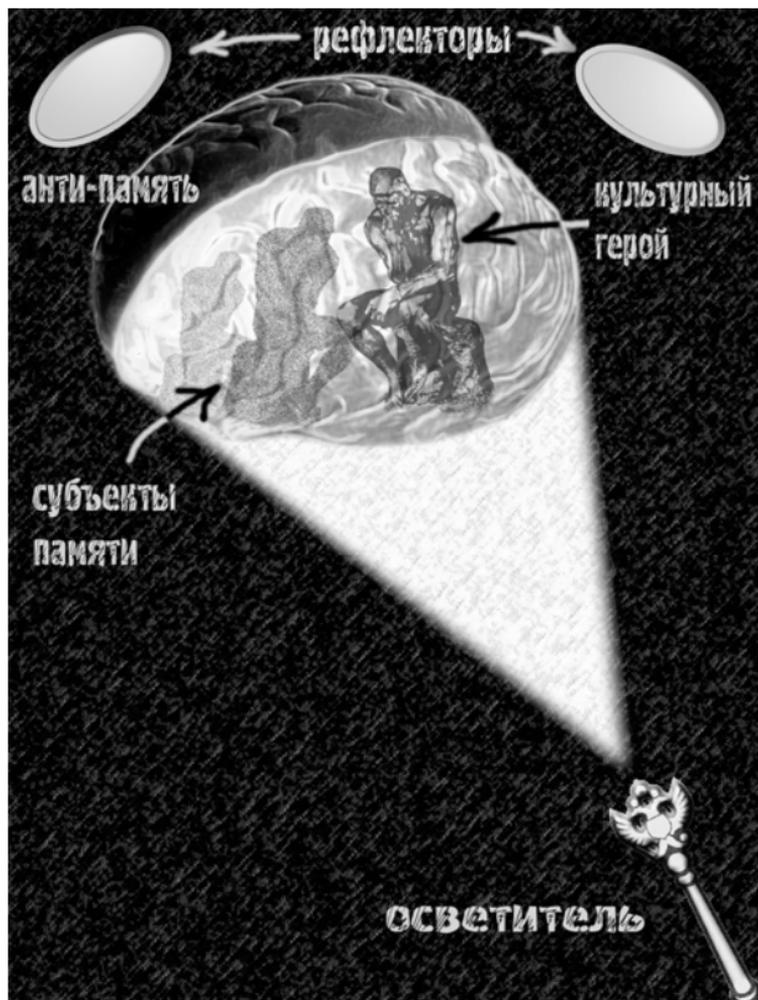
Есть разные способы постижения культов, в данном случае – культа юбилеев. Одним из таких способов может быть помещение культового события или лица в пространство памяти с главным действующим лицом в нем – власти. И здесь для нас важны замечания французского историка Пьера Нора об отчуждении между историей и памятью: «Память есть жизнь, её носители – живые группы людей. Память постоянно эволюционирует в открытой диалектике воспоминания и забвения... История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, что не имеет продолжения, что прошло, тогда как память – актуальный феномен, вечная связь с настоящим. Память – аффективна и магична, она оперирует только с теми фактами, которые удобны ей, она лелеет вос-

поминания... Память возводит воспоминание в святыню, тогда как история вытесняет воспоминание и делает его прозаическим. История непрерывно подзрительна по отношению к памяти и её настоящая миссия – подавить и разрушить память».

Понятно, что история не «работает» с юбилеями, а память, наоборот, обостряется в эти дни, торжествует, использует свой шанс на реанимацию или обновление. Поэтому пространство памяти использовалось и используется для адресной, фокусированной актуализации прошлого для нужд настоящего.словно луч прожектора, память выхватывает из тьмы минувшего сокрытые там объекты, которые часто смотрятся искажёнными. Трёхмерность становится условной, а отбрасываемая тень кажется как бы составной частью их самих. Властвует тот, кто направляет свет. Память же о прошлом так же отлична от самого прошлого, как и естественный вид освещаемых объектов – от тех очертаний, какие видятся стоящему позади прожектора.

Способ, каким властвующий субъект преподносит прошлое, локализуя или, напротив, увеличивая зону освещения, регулируя яркость «прожектора», а также направленность и интенсивность его лучей, можно назвать *проектом памяти*. Любая власть проектирует не только настоящее и будущее, но и прошлое. Точнее, конечно, не само по себе прошлое, но его интерпретации и восприятие.

Проект памяти расчленяет прошлое на две части – актуализируемую (то есть «освещаемую») и игнорируемую (как правило, преднамеренно). В свою очередь, актуализируемая часть также неоднородна. В ней

можно выделить два отличающихся друг от друга начала, которые следует обозначить *культурным героем памяти* и *субъектом памяти*.

Культурный герой памяти – это некий образ, отдельная персона или несколько личностей (а то и целая большая группа людей, выделенных из остальной массы по какому-то признаку), наконец, определённая идея или тенденция, которые преподносятся тем или иным проектом памяти в качестве главного творца «высвечиваемого» прошлого.

Однако при таком «высвечивании» под лучами волей-неволей оказываются не только подобные культурные герои, но и другие сопряжённые с ними субъекты памяти, которые, однако, не вписываются в сценарий реализуемого властью проекта. Отсюда – очевидное стремление «осветителя» минимизировать роль и значение этих субъектов.

В результате на «высвеченном» участке прошлого разворачивается противостояние между культурными героями и субъектами памяти. Первые должны отбатывать свой исключительный статус, вторым же просто приходится отстаивать собственное право на историческое существование. Данное противостояние невозможно скрыть – ведь оно происходит под лучами, направленными на культурных героев, но попадающими одновременно (и неизбежно) и на субъекты памяти.

Противостояние между культурными героями и субъектами свойственно любому проекту памяти, то есть виртуальной реконструкции прошлого. Именно поэтому в исторической действительности подобной конкуренции могло вовсе и не быть. Правда, для проекта памяти это обстоятельство не играет никакой роли. Наблюдая за схваткой культурных героев и субъектов, мы созерцаем отнюдь не картины

прошлого, но лишь отражённую в реалиях минувшего конъюнктуру настоящего.

Не «высвеченная» властью территория прошлого — это зона *антипамяти*; бесполезная или нежелатель-

ная для «проектировщика» область, в которую он норовит переместить неугодные ему субъекты, чтобы те не мешали «правильному» восприятию действительный культурного героя.

Такова принципиальная модель пространства памяти, в которую мы можем помещать то или иное юбилейное событие.

Данное исследование стало продолжением проекта, связанного с разработкой пространственного подхода к описанию исторического процесса. Он нашёл отражение в книге, написанной мной совместно с Дмитрием Андреевым «Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина» (М., 2004). Мы руководствовались тогда пожеланием Мишеля Фуко: «Стоило бы написать целую историю различных пространств (которая в то же время была историей различных видов власти)».

Пространственный подход был применен нами и по отношению к проблемам памяти о Победе 1945 г. Статья, подготовленная нами специально для журнала «Политический класс» (2005. № 5), легла в основу третьего раздела книги. Читательская реакция и заинтересованная поддержка проекта со стороны Виталия Третьякова и Алана Касаева позволили мне продолжить исследование и публиковать фрагменты его результатов в «Политическом классе» и «Московских новостях». Советы и консультации Дмитрия Андреева оставались весьма актуальными и глубокими. Он, собственно, и подтолкнул меня к замыслу и осуществлению этой книги.

ОКТАБРЬ 1917: ЗАБЫТЫЙ ПРИЗРАК

В момент совершения революции о ней мало говорят – её делают, зато потом о ней только и говорят, особенно по праздничным датам. Постепенно разговоры переходят в воспоминания, а даты становятся юбилеями. Каждое десятилетие оказывается знаковым, обрастает символами и обставляется ритуалами. Однако исторические юбилеи обладают известным коварством. Каждый раз герои и антигерои, победы и постыдные страницы празднуемого события в пространстве памяти расставляются особым образом. И чем дальше, тем лучше видно желание того или иного режима власти извлечь из торжества как можно больше для своей актуальной политики. Те или иные смысловые акценты и визуальные образы, порядок действий и зрелищ составляют своеобразную партитуру, по которой можно услышать, прочесть и понять конкретное время.

Каждое десятилетие Октября, как это ни странно, заново раскрывало «тайну» российских революций вообще и большевистских устремлений в частности. Эта «тайна» заключена в страсти к крайности при свержении и захвате власти, вере и надежде, что одним махом, разом, одномоментным напряжением сил, прорывом можно решить все проблемы, разделаться

с нежелательным старым и быстро, тут же создать новое, оказаться в светлом будущем.

К первому десятилетию революции было приурочено принятие первого пятилетнего плана, выполнение которого позволило буквально скачком совершить индустриальную модернизацию и изменить социальную структуру общества.

В год второго десятилетия было решено не только устроить массовую политическую чистку, но и путем репрессивных операций НКВД ликвидировать те «элементы», которые нарушали политическую и социальную гомогенность, вообще устранить любые препятствия для создания однородного, надежного, «правильного» народа. Третье десятилетие Октября должно было ознаменоваться принятием новой Программы ВКП(б), стержень которой составляло заявление курса на построение за 20–30 лет коммунистического общества. 40-летие однозначно соединилось с прорывом страны на космические просторы, 50-летие – с косыгинскими реформами, призванными коренным образом изменить экономику страны, 60-летие – с переходом к общенародному государству, созданием новой общности «советский народ», построением «развитого социализма» как плацдарма для нового рывка. Даже последний в СССР 70-летний юбилей революции прошел под лозунгом «ускорения». Власть не избежала нетерпения даже в 1997 году, обещая скорое возрождение страны. А в год 90-летия Октября «Единая Россия» удивила электротат «Планом Путина», рассчитанным на десять лет.

Юбилейные даты всегда сопровождались и размышлениями о причинах отклонений от первоначальной программы.

чальных замыслов творцов революции, но главное – указанием на конкретное лицо или группу лиц, виноватых в этом. Подобным ворошением прошлого занимались и власти предрежащие, и их оппоненты. Одним из первых, кто это сделал, был Лев Троцкий, заявивший на одном из заседаний Политбюро, что именно Иосиф Сталин окончательно выставил свою кандидатуру на роль «могильщика партии и революции». Легендарный разведчик-антифашист Леопольд Треппер, увидевший Москву в 1937 году, возложил вину за то, что «яркие отблески Октября всё больше угасали в сумеречных тюремных камерах», что «выродившаяся революция породила систему террора и страха», а «идеалы социализма были осквернены во имя какой-то окаменевшей догмы», на всех, кто не восстал против зловещей сталинской машины. Этот приговор Треппер распространял и на себя. «Шестидесятники» обвиняли сталинистов. Постмодернисты-«шестидесятников», прежде всего за то, что они противостояли тоталитаризму изнутри, хотя, только будучи вне его норм и структур, вне всей его парадигмы, в другом контексте можно было преодолевать этот режим. А Дора Штурман обвинила вообще всю советскую интеллигенцию как «круг, вынужденный десятилетиями подвизаться на <...> идеологической барщине» и подверженный вследствие этого «отвращению ко всякой тенденциозности», «апологии неопределенности и недействия», «всё уравнивающей иронии и беспечной игре словами».

Октябрь умер. Но умер ли? Или, может, обратился в призрак, подобный тени отца Гамлета, который продолжает посещать нас, словно бы уверен, что умер не своей смертью?

1918: «Красная Пасха»

Первая годовщина Октября невольно замеряла устойчивость нового режима и его способность внушить пролетариату уверенность в конечном успехе революционного дела. Проверялось и умение сотворить новый праздник с новыми ритуалами и обрядами при соблюдении «серьезности и строгости», поскольку «кровопролитная борьба» за победу революции ещё не была закончена.

В юбилейные дни Ленин четырежды выступал перед различными аудиториями, рассказывая о триумфальном шествии Советов. Но лишь однажды он признался во «множестве ошибок» новой власти. Горькие слова прозвучали на немногочисленном митинге-концерте ВЧК, и вина за ошибки была возложена на саму ВЧК. Не вспоминал Ленин в своих агитационных речах о разгоне Учредительного собрания, перипетиях выхода из одной войны (путем заключения «похабного мира» с Германией) и вступления в другую, более страшную, – Гражданскую. В сторону отодвинулись и воспоминания об угрозе раскола «верхов» большевистского руководства, а также заговорах, изменах и предательствах. Не была затронута и тема страшного лета 1918 года, когда в результате массового террора как способа управления власть буквально зависла на волоске, когда ход военных операций мог оказаться абсолютно иным и впору было думать об уходе в подполье при белой диктатуре.

В памяти наверняка возникали и моменты, затрагивавшие вождей революции не только как политиков, но и как обыкновенных людей – со всеми их сильными и слабыми сторонами. Вряд ли Ленин остался равнодушен к оценкам и угрозам простых людей, которые он обнаруживал в письмах в свой адрес, которые до недавнего времени были засекречены. «Я считал тебя подкупленным германцами»; «Твой труп растащат по Москве, как труп Самозванца». Непросто было отвечать и на адресованные лично ему вопросы гражданина Шевцова: «почему “диктатура пролетариата” на местах выродилась в диктатуру низов преступного типа на местах?»; «почему не дано право критики распоряжений и декретов ЦИКа, Совнаркома, Совдепов?»; «почему дело продовольствия не передается самому пролетариату?»; «почему даже в великий день годовщины Октябрьской революции не дано никаких реальных, кроме митингов, флагов, песен, фейерверков, Ваших портретов, подачек и хождений, никаких реальных прав и возможностей <...> пролетарским слоям без страха перед чека, перед обысками, связанными со злоупотреблениями, без голодовки?». «Наконец, – продолжал Шевцов, – и это главное, почему все советские работники не подведены под одну линию в смысле окладов жалования? <...> И почему вхождение в Р.К.П. связано теперь с огромной и нудной провололочкой? <...> Я прямо констатирую – Р.К.П. на местах превратилась в противно-замкнутую и отвратительно-самодержавную касту».

Это не единичное настроение в предъюбилейные и юбилейные дни. Довольно часто можно было услы-

шать: «Что тут праздновать?». Однако большевики решили отметить первую годовщину Октября. Поводы к этому они видели в остановке наступления белых и чехов на востоке Центральной России, окончательном проигрыше войны Германией и распаде Габсбургской империи, произошедших в Центральной Европе демократических революциях, опрокинувших старый порядок.

План октябрьских торжеств, представленный Луначарским, воспроизводил эмоциональную атмосферу Октябрьской революции: борьба, победа и упоение победой. Настроение сначала нарастает, затем достигает наивысшей точки, и всё заканчивается всеобщим весельем. В тон наркому просвещения Зиновьев, перефразируя замечание одного крестьянина, назвавшего Октябрь «Пасхой рабочего класса и беднейшего крестьянства», выразил надежду, что празднование «красной Пасхи» пройдет великолепно. К тому же Москва объявила 7, 8 и 9 ноября свободными днями.

Новый праздник сопровождался реформатированием визуальных образов памяти, прежде всего маскировкой или устранением символов старого режима. Крупные скульптуры и царские эмблемы на зданиях закрывались красными полотнищами или декоративными панелями. Большинство новых названий улиц и площадей, а также мостов и зданий славили революционных героев, события или институты, рожденные революцией. В Петрограде Невский проспект стал проспектом 25 октября, Литейный – проспектом Володарского, Суворовский – Советским, Дворцовая площадь – площадью Урицкого, Знаменская – площадью Восстания.

Плакат к 1-й годовщине Октября в Петрограде

В старательно очищаемом для торжества пространстве памяти не обошлось без дискуссий о том, как надлежит обозначить главного культурного героя. С самого начала, как выяснил американский историк Александр Рабинович, петроградские власти рассматривали празднование первой годовщины Октябрьской революции как возможность доказать, что именно «Красный Петроград», а не Москва является флагманом мировой социалистической революции. Отчасти эта претензия была продолжением векового соперничества между двумя столицами, которое обострилось в середине марта, когда советское правительство в спешке бежало из Петрограда в Москву. Однако ЦК большевиков в Москве едва не расстроил планы Петрограда по утверждению в ходе праздника своего первенства, назначив сначала на 5-е, а затем на 6 ноября открытие Шестого Всероссийского съезда Советов в Москве, чтобы обеспечить Ленину общенациональную трибуну для изложения

Панно на Исаакиевской площади к 1-й годовщине Октября

его взглядов на изменившиеся в связи с неожиданно скорым окончанием мировой войны международное положение Советской России и её насущные военные задачи. Зиновьев и Луначарский попытались перебить московский «kozyрь», пригласив представителей всех Советов России на торжества в Петрограде.

6 ноября в полночь, как писали газеты, громовые залпы салюта из пушек Петропавловской крепости возвестили о начале празднования первой годовщины Октябрьской революции в Петрограде. А вечером торжественное заседание Петроградского Совета, на котором присутствовали видные зарубежные социалисты, официальные правительственные и партийные лица, избранные представители советских и профсоюзных организаций, завершилось исполнением «Реквиема» Моцарта, и Григорий Зиновьев воспользовался этим, чтобы почтить память отдавших жизнь за дело революции.

С не свойственной ему откровенностью он посетовал на то, что так мало было сделано для рабочего класса в первый год советской власти. «Мы не сумели ещё одеть рабочих. Они оборванны, и на их лицах печать голода, их женам и детям тяжело», – признавался он. Однако великое достижение советской власти состояло в том, что она разбудила «братьев-пролетариев» во всем мире.

Празднование первой годовщины Октября действительно было особенным – хотя бы уже потому, что советская власть продержалась значительно дольше знаменитой Парижской коммуны. Но если одним казалось, что Русская революция становится началом новой эры, то другие понимали, что ещё реально повернуть события назад и следующей годовщины может не быть. Тогда, спустя год после штурма Зимнего дворца, какого-то единого официального проекта памяти не сложилось. «Красная Пасха» пока не обрела единственной – канонически правильной – интерпретации. Отсюда не было нужды и в зоне анти-памяти как таковой. Туманные намеки на ошибки и недоработки не требовали создания особых субъектов памяти, которых можно было бы обвинить во всех издержках первого года существования нового режима. Праздник, по сути, превратился в сплошной парад культурных героев. Всё внимание и все силы создателей такого проекта памяти свелись к проработке образов этих самых героев. На повестке дня стояла простая и, в общем-то, очевидная задача – придумать с чистого листа новый стиль. Работа велась крупными мазками, тем более что в выписывании филигранных деталей или придумывании слож-

ной драматургии борьбы культурных героев и субъектов памяти просто не было надобности.

1927: а как было при царе?

Прошедшие после революции десять лет многому научили людей. Среднее и старшее поколения прошли суровую школу Гражданской войны и «военного коммунизма», пережили голод 1921–1922 годов. В стране выросли люди, которые не знали капиталистической фабрики и эксплуатации, социального и национального угнетения, не слышали с учительских кафедр рассуждений «о Боге, царе и отечестве». Коммунисты, число которых увеличилось с 23,6 тысячи в начале 1917-го до 1.147 тысяч в 1927-м, стремились изменить домашний быт, отбрасывали старые церковные обряды. Возросшая динамика жизни объяснялась и тем, что, по данным демографической переписи 1926 года, 51,8 % населения страны составляли люди в возрасте до 24 лет. Подавляющее их большинство по своей идеологической направленности стояли на позициях Советов. Обследования 120 тысяч советских школьников указывали на то, что 97 % из них, в значительной мере выражавшие настроения своего взрослого окружения, имели, безусловно, советскую ориентацию – «Советская власть лучше другой власти». Лишь 3 % школьников выдвинули требование «изгнать коммунистов», «вернуть прежнюю власть». Определенной проверкой нового отношения к государству стали разрыв отношений с Англией и убийство в Варшаве советского

Демонстрация, посвященная 10-й годовщине революции в г. Котельнич

полпреда Петра Войкова, случившиеся в 1927 году. Со всех концов Советского Союза хлынул поток резолюций рабочих собраний и крестьянских сходов, в которых сообщалось о готовности дать отпор врагу и по первому зову советской власти выступить на её защиту. Крестьяне многих деревень говорили: «Поражение равносильно возврату старого режима».

Однако вряд ли разделяли эти настроения 7,7 % в городах и 3,3 % в деревнях жители старше 18 лет, которые были лишены избирательных прав как нэпманы и кулаки, служители религиозных культов и бывшие помещики, чиновники, офицеры белых армий, агенты царской полиции и жандармерии. В стране насчитывался почти миллион безработных, их число быстро увеличивалось – и уже не по вине «царизма и Антанты». Далека от своего завершения бы-

ла секуляризация советского общества, начатая отделением школы от Церкви и Церкви от государства. Неоднородность среды, многоукладность жизни, различия в духовном облике определяли отношение к Октябрю и рожденной им власти, культуру воспоминаний о революции.

Сравнение нового и старого режимов составляло, пожалуй, основное противоборство в пространстве памяти об Октябре. С новым строем связывались обучение грамоте 10 миллионов взрослых, строительство первых гигантов индустрии – Сталинградского тракторного завода, Туркестано-Сибирской железной дороги (Турксиба) и Запорожской электростанции (Днепрогэса), выдвижение грандиозных задач в первом пятилетнем плане. Не случайно на заочном «митинге» читателей, устроенном «Крестьянской газетой» в честь 10-летия советской власти, довольно типичными были такие высказывания: «Теперь хочется сказать и про нашу деревню, как она стала неузнаваема за десять лет революции. При царизме она наполовину была с черными избами, а теперь все 45 домов с белыми печками. <...> Школа в нашей деревне открыта <...> и теперь неграмотных в нашей деревне почти нет. <...> Также у нас уже 5 лет открыт красный уголок и два года открыты детские ясли». Или: «Советская власть наша, из нас, мы видим, что она изо всех сил стремится устроить жизнь трудового народа лучше, только на правильный путь никак не нападет, а ищет, мы видим, что ищет день и ночь, и мы верим, что найдет, сама жизнь укажет».

Но, судя по другим письмам, существовали и иные критерии сравнения старой и новой властей.

Главный из них – правда: «нужна правда», а не «зажимание рта». Предложение Калинина выступить на митинге и тем, которые осмелятся сказать, что при царе было лучше, чем теперь, принял крестьянин из Ярославской области Еличев (и его письмо было опубликовано): «Я должен сказать, что при царе было гораздо лучше поставлено торговое дело и сбыт сельскохозяйственных продуктов. Там была конкуренция, там крестьянский рубль шел таким же, как и торговый рубль, а не полтинником, как теперь». Вызов Калинина принял и Поляков из Калужской области, затронувший другие темы: «А что, разве нет новой советской религии? Есть, и мощи есть, или, вернее, существует новое идолопоклонство». Автор письма уточнял, что под мощами подразумевается Мавзолей Ленина и под идолопоклонством – огромное количество новых памятников. А в заключение предлагал: «Лучше бы на затраченные на это средства у нескольких десятков человек ликвидировать неграмотность. Это было бы лучшим памятником Ленину и притом же шаг по пути к строительству социализма».

В ходе обсуждения итогов прошедшего десятилетия были обозначены явления, корни которых находились уже в советской действительности. О коррумпированности госаппарата, об опасности «перерождения» части политических работников и руководителей, об усилении «психологии покоя» свидетельствовали на шумевшие «астраханское дело» и «смоленский гнойник». Результатом постоянного внушения рабочим идеи об их авангардной роли и представления о том, что они являются фундаментом советского государства, стало «пролетарское чванство».

Нараставшая напряженность в нэповской экономике, прокатившиеся по стране слухи о войне, вызванные пробной мобилизацией в августе 1927-го, привели к массовой закупке товаров про запас, активизации черного рынка и спекуляции. В этом контексте появляются прямые обвинения в адрес власти, прозвучавшие, в частности, в письме Степанова: «Не вы дали крестьянам землю, а крестьяне вам дали власть, чтобы вы крестьянами управляли и заботились о них.

А вы правда позаботились. Для себя устраиваете лучшее благополучие и удобства, а с крестьян последнюю рубаху сняли. Вы себя обеспечили 7-часовым рабочим днем, а за крестьянина забыли, что он работает цельные 18 часов».

В симптомах начавшегося хлебозаготовительного кризиса, способного сломать нэп, некоторые пронизательные люди увидели грядущую гибель «всего нового строя молодой республики».

Не случайно в пространстве памяти этого времени высветились прежние революционеры: «Зачем выбросили из партии работников Троцкого, Каменева, Зиновьева и других? <...> А потому, что они не способны плутовству. <...> Троцкий весь фронт держал, и всё его пропало. Нет, он своё обратно всё возьмет».

Такие настроения фиксировались, конечно, в закрытых партийных письмах и сводках ОГПУ. Сразу после смерти Ленина вокруг истории революции и её центральных фигур развернулась нешуточная борьба. В юбилейном году тенденции к управлению памятью проявились довольно отчетливо. Сначала упразднили

ли 12 марта как праздник в честь Февральской революции. А постановление ЦК ВКП(б) «Об ознаменовании 10-летия Февральской революции» было принято в 1927-м только для того, чтобы опровергнуть расхожие представления о Феврале как об «истинной», «славной», «бескровной», «народной» революции. Одновременно стали громиться кадетская, меньшевистская и другие эмигрантские версии Октябрьского переворота. А после принятия постановления ЦК «О подготовке к празднованию 10-летия Октябрьской революции» фронт критики был повернут против Зиновьева (его книги «Ленинизм») и Троцкого («Уроки Октября»), которые якобы объединились «на почве отрицания социалистического характера» революции. В директивном порядке были определены задачи для партийных ученых – опровергнуть идеи о незрелости и отсталости России, её неготовности к революции и строительству социализма, доказать историческую закономерность Октябрьской революции и роль пролетариата как её авангарда. Мощный удар наносился и по вышедшему из подполья «термидору», названному Троцким «особой формой контрреволюции» с буржуазной направленностью.

К борьбе с инакомыслием власть подключила и ОГПУ. Его работники начинают охоту за молодыми активистами с рабочих окраин, выходящими по вечерам с самодельными плакатами «Назад к Ленину», «Выполним завещание Ленина». Для этих рабочих Ленин ещё не мифическая фигура и не название города революции – Ленинград, а мерило верности принципам Октября. Это раздражало советских чиновников.

Главлит, к примеру, считал, что пролетариату не нужны книги философские, а тем более религиозные. Ни в коем случае не допустимы книги, в которых

высказываются пессимистические взгляды на судьбу рабочего класса и трудящегося большинства, а также романы, посвященные изображению исключительно любовных переживаний. Все утопические романы, не отдающие будущего в руки пролетариата, также считаются недозволенными. Что же тогда нужно пролетариату? Специальная инструкция для цензоров отвечала на это прямо: пролетариату нужна уверенность в лучшем будущем («смотри веселей»), твёрдое сознание победы рабочих, обличение язв капиталистического строя и европейского общества, реализм, атеизм. Выходящая в Париже эмигрантская газета «День» сравнила новый главлитовский документ с «Индексом святейшей инквизиции» (список запрещенных книг, издававшийся с 1559 года и аннулированный лишь в 1966 году).

Новые установки получает от ЦК и Наркомпрос – отграничиться от популярной культуры (а значит, от остального мира), изгнать из советской культуры всё упадочническое западное.

В 1927 году был пересмотрен даже характер работы сатирико-юмористических журналов. Отныне они должны были следовать двум главным направлениям. Во-первых, бичеванию пережитков старого строя и быта, предрассудков, мещанства, обывательщины. Во-вторых, разоблачению враждебной пролетариату идеологии внутри и за пределами СССР. Впрочем, вскоре на одной дискуссии в Политехническом музее прозвучит: «Сатира нам не нужна. Она вредна рабоче-крестьянской государственности. <...> Понятие “советский сатирик” так же нелепо, как понятие “советский банкир” или “советский помещик”».

К 7 ноября 1927 года, по словам современников, обстановка в Москве и Ленинграде была накалённой. Распространились слухи об альтернативной праздничной демонстрации, которую готовит оппозиция.

В 10 часов утра на Мавзолей Ленина поднялись руководители страны. Перед войсками прогарцевал «первый красный офицер» Клим Ворошилов. После военного парада по Красной площади начали движение колонны демонстрантов. В это же время совсем недалеко от Кремля началась и контрманифестация, в которой участвовали рабочие крупнейших предприятий, студенческая молодежь и курсанты высших военных учебных заведений. Она была жестоко разогнана милицией и подготовленными «пьяными хулиганами», выкрикивавшими лозунг «Бей жидов-оппозиционеров!». В Ленинграде участников альтернативной демонстрации конные милиционеры крупными лошадьми сталкивали в Лебяжью канавку, а на Марсовом поле притаившиеся в подворотнях хулиганы забрасывали манифестантов камнями. Их действия координировал лично Сергей Киров.

Обо всем этом запрещалось писать. В газетах сообщалось только о красивых, хореографически аранжированных торжественных шествиях, которые напоминали об Октябрьской революции. Анатолий Луначарский объяснял этот формат так: «Если организованные массы проходят шествием под музыку, поют хором, исполняют какие-нибудь большие гимнастические маневры или танцы, словом, устраивают своего рода парад, но парад не военный, а по возможности насыщенный таким содержанием, которое выражало бы идейную сущность, надежды, прокля-

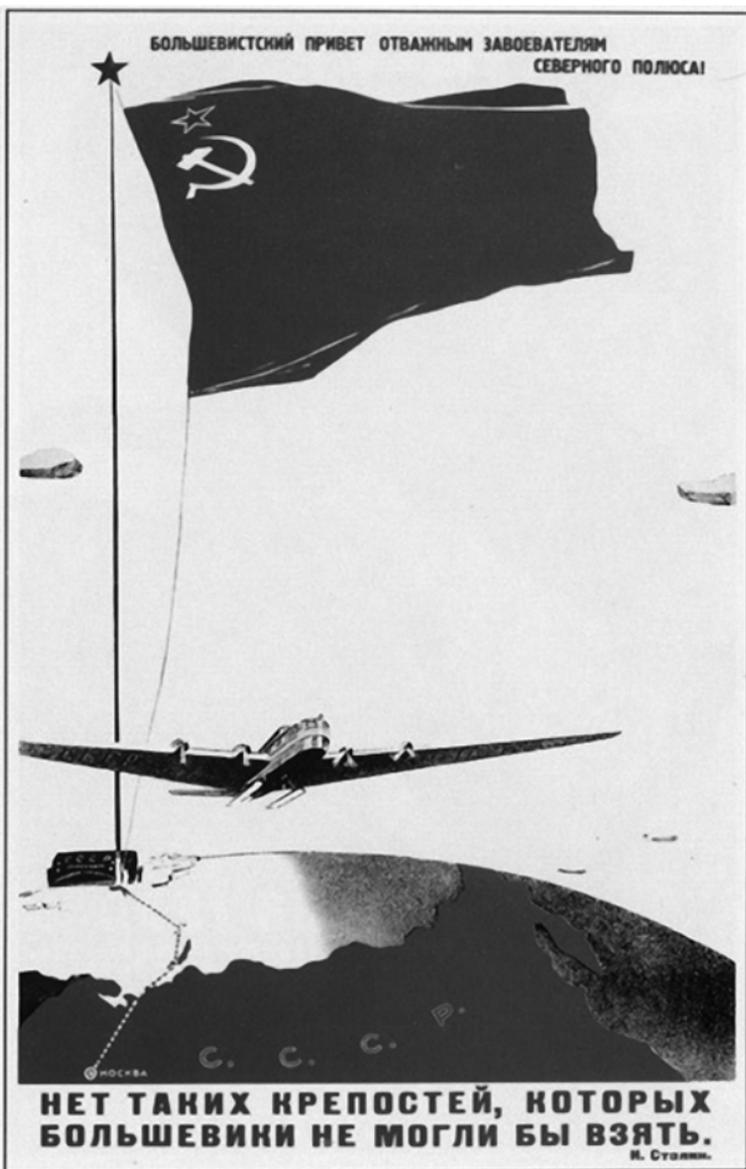
тия и всякие другие эмоциональности народа, то те, остальные, неорганизованные массы <...> сливаются с этой организованной целиком, и, таким образом, можно сказать: весь народ демонстрирует сам перед собой свою душу».

Внимание общественности фокусировалось на массовых инсценировках «Взятие Зимнего дворца», «Гимн освобожденного труда», «К мировой коммуне». Одна из распространенных инсценировок распалась на шесть частей: парад – демонстрация производительных сил; переключки заводов; интермедия – гигантские фигуры спеца-вредителя, пьяницы-прогульщика, бюрократа, хулигана, разгоняемые рабочими; рост кадров и симфония труда; военная опасность – заводы вырабатывают танки, появляется красная кавалерия; обещание рабочих выполнить пятилетку и апофеоз. В целях ритмизации масс использовались шумовые оркестры. Целые колонны, играя на губных гармошках, расческах, свистках, трещотках, ударных инструментах (металлических тарелках и тамбуринах), балалайках и флексатонах, тянулись вдоль улиц, поддерживаемые проезжающими мимо «радиоавтомобилями». Программа колонн была при этом ориентирована на исторические события, происшедшие на местах, которые они как раз миновали.

Колонны грузовых машин везли декорации кораблей, зданий, промышленных комплексов. Световые диаграммы с показательными кривыми продуктивности, помпезные электромеханические инсталляции с кинематографическими и световыми проекциями, а также пиротехнические эффекты свидетельствовали о достижении уже в 1927 году намеченной цели: «Больше техники, меньше человеческих ресурсов».

В такой праздничной атмосфере, вероятно, забывались все трудности и невзгоды. Тревожные чувства отодвигались – по крайней мере в рабочей среде – уверенностью в том, что партия придумает «какой-нибудь зигзаг», чтобы поскорее прийти к «заветной цели». Ни о каком реверсе речь уже не шла. СССР как новое государство способен был строить «социализм в одной стране».

Первый юбилей Октября со всей очевидностью выявил для власти насущную потребность в полноценном проекте памяти – в том числе и со старательно затеняемой зоной антипамяти, и с выверенным и отрежессированным постановочным противостоянием культурных героев и субъектов памяти. Последних надо было хотя бы просто «инвентаризовать», ранжировать в соответствии с их возможностями стать опасными конкурентами культурных героев. Десятилетие Октября фактически застало власть врасплох – становящийся сталинский режим самонадеянно недооценил пропагандистской мощи альтернативного проекта памяти – с совершенно другими героями и, соответственно, неизбежно сопутствующими им субъектами памяти. И в числе последних в подобном альтернативном проекте, как правило, оказывался сам советский лидер и его ближайшее окружение. Однако оплошность режима в деле создания собственного проекта памяти не стала фатально неисправимой, а творцы альтернативного проекта памяти не сумели воспользоваться реальным шансом предъявить стране иную правду об Октябрьской революции.

1937: «Сталин виден даже из Мадрида»

Если судить по официальному образу того времени, к 20-летию Октября в стране установилось спокойствие, связанное с ликвидацией классовых врагов, очищением от вредителей, двурушников, троцкистов. Целый ряд фактов выстраивался как подтверждение реализации революционных устремлений. По объему валовой продукции СССР стал второй державой в мире. В 1937 году собрали рекордный урожай. Завершился переход к всеобщему обязательному начальному образованию. В советских вузах обучалось больше студентов, чем в Англии, Германии, Франции, Италии и Японии, вместе взятых. Как демонстрация мощи страны воспринималось прохождение первых судов по 128-километровому искусственному каналу Москва-Волга. «Сухопутная» Москва стала портом трех морей: Балтийского, Белого и Каспийского. В июне–июле 1937-го весь мир потряс полет экипажей самолетов Валерия Чкалова и Михаила Громова из Москвы через Северный полюс в Северную Америку. Этими двумя перелетами из Европы в Америку были установлены два мировых рекорда беспосадочного полета – по прямой и ломаной линиям. На Северном полюсе открылась первая советская научно-исследовательская станция. И в основе всего этого – героический труд пролетариата и крестьян, представленных в величественной скульптуре Веры Мухиной «Рабочий и колхозница», венчающей советский павильон на открывшейся Всемирной выставке в Париже.

Но всё это – на поверхности событий. То, как выстраивался проект памяти об Октябре по-сталински, свидетельствует о политической нестабильности си-

туации. Власть по-прежнему не оставляла тему сравнения нового строя и старого строя. Дореволюционная Россия в пропаганде подавалась как страна бесправия и произвола, с царем – «коронованным жандармом». На этом фоне главный культурный герой памяти – большевистская партия Ленина–Сталина – приобретала религиозно-мифологические черты. Она, высвободившая народ из рабства, – в центре «священной истории», со своими «канунами» в виде «революционных событий 1905 года» (действия, дублирующие «главное» свершение и предвещающие его), своими демиургами и пророками, подвижниками и мучениками, своими ритуалами и обрядами.

Октябрьская революция, естественно, представляла в соответствии с универсальной схемой космогонии как акт творения нового мира, и, конечно, дальнейшая история связывалась с постоянной борьбой за чистоту с демонами, внутренними и внешними («продолжение классовой борьбы»), с «эпохой битв» (война с белыми армиями и интервентами). Сталин в этой идеологии – не просто продолжатель Ленина, а как бы его перевоплощение: «Сталин – это Ленин сегодня».

Под статью новым мифологемам и письмо Долорес Ибаррури из революционной и сражающейся Испании: «Нам теперь смешны клюв и когти двуглавых птиц. Ибо сейчас на кремлевских башнях сияют красные звезды, символ нового мира. <...> Библейские легенды говорят о звездах, которые объявились и повели древних волхвов. Звезды Кремля излучают свой блеск сквозь тьму капиталистического ада, рассеивая лживые сказки церкви».

Уподобление истории природе нашло отражение в каноническом «Кратком курсе» истории ВКП(б), который появился огромными тиражами в 1938 году.

В нем странным образом смешались мифы о партии и определения, претендующие на научность. Февральская революция окончательно идентифицировалась как «буржуазно-демократическая», Великая Октябрьская – как «социалистическая». Демоны обрели свои определения: Зиновьев и Каменев – «штрейк-брехеры революции»; Бухарин, Рыков, Томский – «правые капитулянты». Троцкий же склонялся на все лады. Покинувший страну летом 1937-го Вальтер Кривицкий рассказывал Льву Седову, что Сталин кроме борьбы с троцкизмом ни о чём другом не думает, что для него не существует других вопросов. Хорошо ли, плохо ли человек ведёт работу – не важно. Важно, борется ли он с троцкизмом.

Новые акценты определяли всю издательскую, научную, художественную деятельность. Главлит на целый год задержал публикацию отрывка повести Алексея Толстого «Оборона Царицына» на основании того, что в ней даётся неправильная трактовка фигуры Троцкого в начале 1918 года, преувеличивается роль и неправильно освещается позиция Троцкого в вопросе о Брестском мире и в деле организации Красной армии. Сталин лично вмешался в сценарий кинофильма «Великий гражданин». В письме Борису Шумяцкому он указал на то, что представители «оппозиции» выглядят как более старшие физически и в смысле партийного стажа, чем представители ЦК. На любой период истории распространялась и другая сталинская установка: «Дело надо поставить так, чтобы борьба между троцкистами и советским правительством выглядела бы не как борьба двух котерий (от фр. *coterie* – сплоченный кружок, группа лиц,

преследующая какие-либо общие цели. – Г.Б.) за власть, из которых одной “повезло” в этой борьбе, а другой “не повезло”, что было бы грубым искажением действительности, а как борьба двух программ, из которых первая программа соответствует интересам революции и поддерживается народом, а вторая противоречит интересам революции и отвергается народом». Хотя все юбилейные торжества осеняли ленинский и сталинский профили, в подаче взаимоотношений вождей произошли явные смещения. Сквозной линией киноленты Алексея Каплера и Михаила Ромма «Ленин в Октябре» (картина впервые была показана участникам торжественного собрания 6 ноября в Большом театре) стало постоянное обращение Ленина к Сталину: вождь революции всё время советуется, встречается, переписывается с ним. После возвращения из Финляндии первое свидание Ленина – со Сталиным (Надежда Крупская довольствуется лишь письмом). Описание этой встречи в «Правде» весьма многозначительно: «Четыре часа длится она. Лишь поздней ночью расстались Ильич и его великий сподвижник. <...> Лестница деревянного дома, слабый свет. Ленин и Сталин. Прекрасное мужественное объятие».

Ещё дальше пошел Михаил Кольцов, написавший в юбилейном номере той же «Правды»: «Сталин виден даже из Мадрида». «Он виден всему миру, он виден отовсюду, где людям хочется лучше жить». Смысл праздника в том, что «мы голосуем за Сталина, а мир голосует за нас».

Планетарный Сталин принимал 7 ноября военный парад и демонстрацию, апофеозом которых стал пролёт,

На трибуне Мавзолея, 1937 г.

несмотря на плохую погоду, более трёхсот современных скоростных самолётов и вычерченная в небе самолетами штурмовой авиабригады Военно-воздушной академии надпись: «XX лет СССР». Поразили и новые акробатические элементы спортивной части шествия. Огромное «человеческое колесо» с постоянно перекувыркивающимися, запряжёнными в одно колесо людьми должно было показать совершенство социализма.

Если внимательно присмотреться к групповой фотографии членов Политбюро, стоящих на Мавзолее, то трудно не заметить, что в самом центре находится улыбающийся Николай Ежов и значительно правее – сам Сталин. Уже четыре месяца под оперативным руководством Ежова в стране шли масштабные репрессии, направленные на окончательное решение проблемы внутренних врагов страны, то есть

на профилактическую социальную чистку в предвоенной ситуации. Она соединила в себе цепочку секретных операций, проведенных в 1937–1938 годах и позднее названных «Большим террором».

Наибольшую известность получила чистка политическая – так называемая кадровая революция, которая началась ещё осенью 1936 года. Хозяйственные руководители и партработники, военные, писатели и ученые, советская элита, представители которой оказались на скамье подсудимых во время знаменитых московских процессов, собственно, и сформировали первоначальное представление о жертвах террора. За рубежом в среде демократической интеллигенции возникло даже беспокойство по поводу существования в СССР антисталинского заговора. Стефан Цвейг писал Ромену Роллану: «Какой-то рок, какая-то метафизическая воля приводят людей к ослеплению. Так, в Вашей России Зиновьев, Каменев, ветераны Революции, первые соратники Ленина расстреляны, как бешеные собаки. <...> Вечно та же техника, как у Гитлера, как у Робеспьера: идейные разногласия именуют заговором».

Однако ключевое измерение террора было связано с выполнением операции по оперативному приказу НКВД за № 00447, утвержденному Политбюро и лично Сталиным. Этот «приказ смерти» определил «целевые группы» террора и представил их в проскрипционных списках. Среди традиционных групп «враждебной» системы («бывшие кулаки», «члены антисоветских партий», «участники повстанческих, фашистских, шпионских формирований», «церковники» и др.) появилась новая категория – уголовные

преступники (бандиты, грабители, воры, контрабандисты, аферисты и т. д.). В ноябре 1937-го активность конвейерной юстиции «троек» достигла апогея. В результате только одной этой операции в 1937 году были арестованы 555.641 и осуждены 553.362 человека. Из них 239.252 приговорены к смертной казни, остальные – к заключению.

И что удивительно, всё это легитимировалось призывами ЦК ВКП(б) к 20-летию Октября, ставшими обязательной частью праздничного ритуала. В соответствии с ними сталинская Конституция СССР была «итогом борьбы и побед Великой Октябрьской социалистической революции», «победившего социализма и подлинного демократизма». И здесь же другой тезис требовал: «Искореним врагов народа <...> шпионов и вредителей, наймитов иностранных фашистских разведок! Смерть изменникам Родины!» Всё это обращалось к массам, которым был гарантирован «подлинный демократизм».

На первый взгляд, второй юбилей Октября явился полной противоположностью первому, отмечавшемуся десятью годами ранее. Действительно, казалось, власть извлекла все возможные уроки из своей неготовности в 1927 году предъявить обществу грамотно разработанный проект памяти. Теперь всё было наоборот. Тотальная регламентация прошлого, надсадно вдалбливаемые в головы нужные акценты, оценки и интерпретации, стерилизация представлений об Октябрьской революции в соответствии с конъюнктурой борьбы с «внутренними врагами» – всё это свидетельствовало о том, что режим создал требовавшийся ему проект памяти. Однако при более

внимательном и непредвзятом взгляде на этот проект становится очевидной его своего рода инверсивность, вывернутость наизнанку. На культивирование правильных образов субъектов памяти и на изоляцию зон антипамяти затрачивались колоссальные силы и ресурсы, что неизбежно приводило к тому, что подобному негативу уделялось намного больше внимания, чем позитивным культурным героям, которых чествовали и превозносили как бы по умолчанию. А значит, последние просто не развивались, не обретали в пространстве памяти новые – отвечавшие запросам времени – черты и характеристики, «бронзовели», утрачивали былую привлекательность. Зато их оппоненты по пространству памяти непрестанно совершенствовались – пускай и в отрицательном ключе. Но уже в силу такого движения они привлекали к себе гораздо больше внимания, чем омертвевшие культурные герои. В конце концов, любое шевеление интереснее застывшей статики.

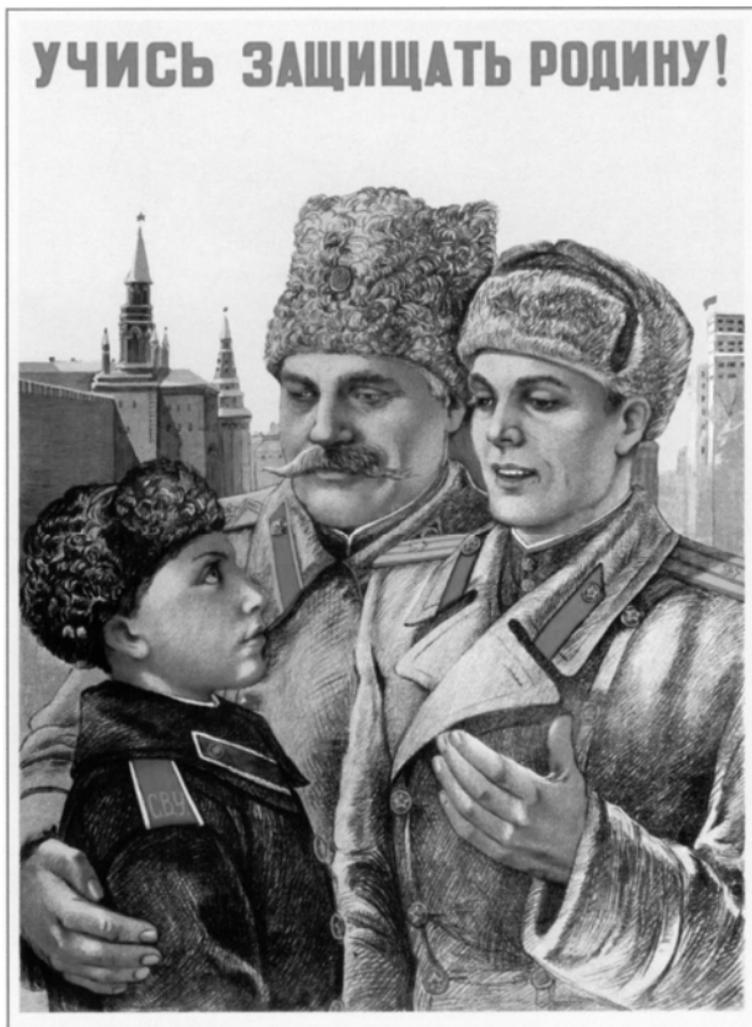
1947: в поисках новой великой цели

Великая Победа в Отечественной войне заново освятила идеалы революции и стерла классовые обиды и все иные предвоенные и военные просчеты и ошибки власти. Писательница Мариэтта Шагинян сравнивала атмосферу, царившую в то суровое и трагическое время, с воздухом «октябрьских, тех особых дней». Насколько правомерно такое сравнение, как соотности его с тем, что выигранная война стала аргументом в оправдание созданной системы? Логика здесь

такая: пусть даже Сталин делал всё неправильно, но поскольку его модель общественного устройства обеспечила победу над фашизмом, то уже хотя бы по одному этому она была целесообразна. И уже не важно было, что при строго документальном подходе обнаруживалось, что система, которая, казалось бы, создавалась для ведения войны и оправданием которой во многом было ожидание грядущих битв, — эта система в первые же недели и месяцы обнаружила свою недееспособность, и понадобилось включить совершенно иные механизмы управления страной.

Знаменитые военные парады 7 ноября 1941 года и 24 июня 1945 года, когда к Мавзолею Ленина были брошены штандарты и знамёна поверженного Третьего рейха, навсегда соединили в пространстве памяти Октябрь и Победу. Теперь одна духовная опора общества поддерживала другую. Даже эмигрантская Россия, поставив в 1942 году вопрос о том, были ли большевики органическим эпизодом русской истории, связывала ответ с признанием Октябрьской революции настоящей революцией. В статье «Правда о большевизме» Павел Милуков писал: «Нельзя за разрушительной стороной русской революции не видеть её творческих достижений. Мало того: это значит игнорировать связь русского революционного творчества с русским прошлым».

Однако спустя два года после страшной войны различные сводки о настроениях людей фиксировали растущую аполитичность общества. К примеру, не выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик волновали людей, а тема продовольственных затруднений, работы коммунальных служб и городского

хозяйства. Народ не воспринял с радостью отмену смертной казни в 1947 году, а забеспокоился, что этот шаг станет способствовать росту и без того разгулявшейся послевоенной преступности.

Как это ни парадоксально, но вина за возникавшие трудности сваливалась на ближнее «начальство». Верховная власть и её живое олицетворение – Сталин – находились вне критики. Любые непопулярные решения связывались, как правило, с «неведением» Сталина либо с некими «тёмными силами», которые «обманывают Сталина». Разнообразные слухи и глухая тревога не могли не усилиться и по факту отсутствия Сталина на торжественном заседании 6 ноября, военном параде и демонстрации 7 ноября.

В юбилейный год в стране сложилась крайне тяжёлая ситуация. Принудительные хлебозаготовки, оставившие деревню без хлеба, сокращение категорий населения, получавших гарантированный минимум продовольствия, нежелание властей расконсервировать государственный резерв, кризис снабжения вызвали голод 1946–1947 годов. Всего по СССР голодали около 100 миллионов человек, от голода и связанных с ним болезней погибли около двух миллионов человек. Все эти факты тогда скрывались советскими властями. Ситуацию могли поправить денежная реформа и отмена карточной системы, готовящиеся правительством, но они были запущены не накануне 30-летия Октября, а лишь в самом конце 1947-го. Боялись предреформенной лихорадки – всплеска спекуляции, злоупотреблений финансовых органов и, конечно, разочарования от неизбежной потери части сбережений. Кстати, все эти опасения подтвердились. Финансовая ситуация стабилизировалась медленно. Но главное, что реформа показала наличие коррупции в ВКП(б). Управление по проверке парторганов ЦК сообщало: «Некоторая часть

руководящих партийных и советских работников оказалась политически и морально неустойчивой, а отдельные коммунисты скатились в болото мелкобуржуазного перерожденчества».

Безусловно, такие оценки засекречивались. Однако в этом контексте понятно обращение к «судам чести», которые возникли в 1947 году по поручению Сталина как «новая форма воспитания» и которые были призваны бороться с инакомыслием и дисциплинировать партийно-государственный аппарат. Будучи выборными органами с правом вынесения общественного порицания, они тем не менее могли передавать дела на то или иное лицо следственным органам. Недвусмысленно в докладе Вячеслава Молотова на торжественном заседании 6 ноября прозвучали угрозы против «вредителей и шпионов», «рабOLEпия и низкопоклонства» перед Западом. Снова активизировалась цензура. Осенью 1947-го Главлит доложил в ЦК об изъятии ещё 104 вредных книг из библиотек. Получалось, что лишь спустя десятилетия цензоры углядели «положительное упоминание Троцкого» в книге Василия Князева «Современные частушки» (1923), «крайний пессимизм и оплакивание ушедшего дореволюционного прошлого» у Михаила Кузмина в «Нездешних вечерах» (1921), «клевету на коммунистическую партию и порнографические сцены» у Ильи Сельвинского в «Улялаевщине» (1931).

Безусловно, всё это представляло малоощутимую угрозу власти. Гораздо серьезнее она восприняла возникавшие по стране конспиративные кружки и группы молодежи. В автобиографической повести Анатолия Жигулина «Черные камни» рассказывается

о Коммунистической партии молодежи, возникшей в 1947 году в Воронеже. Аналогичные кружки возникли в Москве, Ленинграде, Челябинске, Свердловске и других городах. В следственных материалах они проходили как «антисоветские» и даже «террористические». На самом же деле импульсом к их появлению становилось сравнение реальной жизни с памятью об изначальных идеалах Октября, с теми положениями, которые звучали в произведениях Маркса, Энгельса и Ленина, теории социализма. Не случайно поэтому московская группа называлась Союзом борьбы за дело революции. Той революции, в которой нет диктатуры Сталина, нет государственного капитализма, при котором правящая верхушка выступает как коллективный эксплуататор. Идея «предательства интересов революции» и связанное с ней стремление «восстановить справедливость» становились конструктивным принципом романтического порыва молодых. Однако расплата была чудовищной – три члена союза были расстреляны, тринадцать – заключены в лагеря на срок от 10 до 25 лет.

Дамоклов меч новой массовой чистки нависал не только над молодым поколением, ищущим правды. Но вряд ли это могло заново скрепить послевоенное общество. Нужна была формула новой великой цели, равной по своей энергии Октябрю. Сталинское окружение понимало это. И, судя по открывшимся в 80-е годы документам, искало эту цель – построение в ближайшие 20–30 лет коммунистического общества. Для определения путей к этой невиданной цели, которая должна была стать стержневой в новой (третьей) Программе ВКП(б), была создана программ-

ная группа. В неё вошли Марк Митин и Павел Юдин, Пётр Поспелов, Дмитрий Шепилов и Михаил Иовчук, Пётр Федосеев и Константин Островитянов, Лев Леонтьев и Отто Куусинен. В отдельных проектах, в частности у последней пары, выдвигались весьма смелые по тем временам предложения, к примеру, о необходимости ограничения срока пребывания в партийных и советских выборных органах, о выдвижении нескольких кандидатов на выборах депутатов в Советы всех ступеней. В окончательном варианте проекта новой программы эти предложения приняты не были. Впрочем, и сам проект, уже отпечатанный типографским способом, был сдан в архив, а XIX съезд партии отложен.

Осенью 1947 года в ЦК ВКП(б) и в правительство был направлен проект Генерального хозяйственного плана, рассчитанного до 1965 года – время вступления страны в коммунизм. К этому моменту, то есть через 20 лет, СССР должен был перегнать главные капиталистические страны по размерам промышленного производства на душу населения, а главное, одну третью часть потребляемого народного дохода распределить по потребностям (сначала – хлеб, картофель, а затем – «почти все» продукты питания). В основу расчетов была положена «развитая товарищем Сталиным теория о возможности построения коммунизма в одной стране».

Идея нового скачка, стремление в кратчайшие сроки создать коммунистическое общество, конечно, не считались ни с реальной послевоенной действительностью, ни с желанием людей участвовать в очередном экстатическом действии, навязываемом «свер-

ху», снова выкладываться на пределе физических возможностей. И здравый смысл взял верх – проект Генплана также был сдан в архив.

С точки зрения концепции, представления о том, каким должен быть проект памяти об Октябре, тридцатилетний юбилей мало отличался от двадцатилетнего. Несмотря на такой масштабный водораздел, отделявший один юбилей от другого, как Великая Отечественная война, празднование 1947 года во многом выглядело римейком торжеств 1937-го. Поменялся «комплект» субъектов памяти и зон антипамяти. Можно даже сказать, что этот заказной негатив теперь уже культивировался не с таким изощренным усердием и тщанием – апогей послевоенной борьбы с «внутренними врагами» был ещё впереди. Вместе с тем окончательное «забронзовение» культурных героев стало считаться чем-то само собой разумеющимся – хотя бы уже по той причине, что, как считали идеологи режима, эти культурные герои прошли испытание войной. То есть официальный проект памяти ветшал – причем гораздо стремительнее, нежели сам породивший его режим.

1957: неоправдавшийся юбилей

Возникшая в июне опасность государственного переворота, а с ним и возвращения сталинизма омрачила подготовку к торжествам по случаю 40-летия Октября. Ставились под вопрос впечатляющие успехи, которые были вызваны энтузиазмом людей и освящены XX съездом партии: получение в результате

освоения целинных и залежных земель казахстанского миллиарда пудов хлеба, организация Сибирского отделения АН СССР и строительство для него научного городка близ Новосибирска, спуск на воду первого в мире судна гражданского назначения с ядерной силовой установкой – атомного ледокола «Ленин», начало работы в Дубне ускорителя протонов – синхрофазотрона, рассчитанного на энергию в 10 миллиардов электрон-вольт. В юбилейном году повышалась заработная плата низкооплачиваемым рабочим и служащим, сокращался на два часа (без снижения заработной платы) рабочий день в предвыходные дни, увеличивалась продолжительность отпусков женщинам по беременности и родам. Ошеломляющее впечатление на страну и весь мир произвел запуск первого в мире искусственного спутника Земли. Запуск же второго спутника породил необычные определения – «советская луна», «новые звезды», которые светят не только на башнях Кремля, но и во всей Вселенной.

Однако попытка членов Президиума ЦК в июне 1957-го кулуарно, втайне от членов ЦК, снять Никиту Хрущёва создала удручающую обстановку в стране.

Стремительный созыв пленума и сокрушительное поражение так называемой антипартийной группы не сумели разрядить напряженную политическую атмосферу. И дело не только в судьбе маршала Георгия Жукова. Хрущёв сделал ставку на заявление перспектив коммунистического строительства и подробное обоснование задачи за 15 лет догнать и превзойти США по объему производства. Он, сумевший переломить ход работы пленума тем, что, умело па-

рировав критические замечания Молотова, Кагановича, Ворошилова в адрес Хрущёва, перевёл разговор в иную плоскость, обвинив их в расправе в 1937 году над военачальниками, через несколько месяцев был снят со всех постов и обвинён в том, что насаждал в армии культ своей личности. Это была благодарность по-сталински.

Росло неверие молодежи, особенно студенчества, в партийно-государственные идеологические установки. Разрыв между мировоззрением молодого и старшего поколений, растущие симпатии к западному образу жизни и западным идеям были продемонстрированы во время Московского фестиваля молодёжи и студентов в 1957 году. Под воздействием XX съезда, венгерских и польских событий 1956-го по всей стране снова возникали подпольные молодёжные группы. Для них 40-я годовщина Октября прошла под лозунгом «Защитим курс XX съезда», в решениях которого они видели возврат к идеалам революции. Члены группы Льва Краснопевцева, возникшей тогда на историческом факультете МГУ, даже после ареста, в лагере, писали объёмистый труд для ЦК КПСС, для партийцев с новыми идеями. В исторической части они осуждали декабристов за поспешность и полностью принимали Октябрьскую революцию. В разделе же о современности предлагали провести реформу промышленности с предоставлением прав предприятиям, отправить в отставку Хрущёва, а руководство реформами возложить на Алексея Косыгина.

Реагируя и на угрозу ресталинизации, и на растущее разочарование молодежи, понимая, что и сравнения

ЭКСКУРСИИ ПО МОСКВЕ
SIGHTSEEING OF MOSCOW
A TRAVERS MOSCOU
FÜHRUNG DURCH MOSKAU
EXCURSIONES POR MOSCU

показателей экономического роста СССР с 1913 года уже не производят должного впечатления, Хрущёв сделал ставку на заявление перспектив коммунистического строительства и подробное обоснование задачи за 15 лет догнать и превзойти США по объёму производства. Этот лозунг, равно как и появление в президиуме торжественного заседания, посвящённого юбилею, Мао Цзэдуна, вызвали приступ бурной радости собравшихся в Большом театре. Новая цель, казалось, придавала новый смысл воспоминаниям об Октябре.

Парадоксально, но несмотря на то, что власть не сумела взять в свои руки инициативу по обновлению проекта памяти об Октябре «духом XX съезда», это произошло само собой и даже где-то вопреки стремлению режима адресно локализовать борьбу с «культом личности» и не допустить тотального пересмотра советской системы ценностей и приоритетов. Субъекты памяти и зоны антипамяти не то чтобы были радикально пересмотрены – просто о них стали говорить по-другому, а общество, в свою очередь, восприняло подобное изменение тональности как свидетельство приближающихся радикальных перемен. Обнародование последних ленинских работ в каком-то смысле «реанимировало» окончательно «забронзовевших» культурных героев. Более того, на какое-то время эти культурные герои – оживленные XX съездом и по-новому понятные – вновь стали привлекать к себе большее внимание, чем их антиподы (пускай во многом даже из-за того, что новый режим ещё не успел должным образом сконструировать таких антиподов).

1967: Октябрь и смена культурного кода

Оттепель и такие её ключевые слова, как «искренность», «личность», «правда», Петр Вайль и Александр Генис сравнивали со второй половиной 60-х годов, когда опора стала видеться в «родине», «природе», «народе». Все эти слова – однокоренные от «рода». Советский народ – «общность, накрученная на стержень общей идеи и цели» – расслаивался на нации.

Накануне 50-летия революции среди писателей и критиков, группировавшихся вокруг журнала «Молодая гвардия», вызрела идея использования в своих националистических построениях не только дореволюционных русских духовных ценностей, но и ценностей, принесенных Октябрьской революцией. Её назвали Великой русской революцией, поскольку совершена она была русским народом, который «босиком и куда уж как без приварка создал гигантскую индустрию». Однако, по мнению «молодогвардейцев», одним из последствий революции стало временное ослабление национальных начал, нигилистическое отношение к национальным святыням, и особенно к деятельности царей, полководцев и Русской православной церкви.

Подлинный перелом в этом отношении произошел, по мнению «русистов», только после 1937 года. Правда, этот вывод был провозглашён не в юбилейные дни, а через три года, в 100-летнюю годовщину Ленина, когда движение русских националистов было практически оформлено, причем не без поддержки части высшего руководства страны.

Новый идеологический поворот совпал с двумя другими тенденциями. Одна из них стала доминировать после 1965 года и была связана с формированием культа Великой Отечественной войны как новой «подпорки» Октября. Вторая тенденция обнаружилась за год до 50-летия Октября, когда три историка – Евгений Жуков, Владимир Трухановский и Виктор Шунков – выступили в «Правде» с тезисом о том, что «никакого периода культа личности не было», что это понятие «немарксистское, отдает субъективизмом, а стало быть, научно несостоятельное». Почти одновременно на большом всесоюзном совещании-семинаре идеологических работников в Москве представители Грузии предприняли беспрецедентную попытку реабилитировать Сталина. Секретарь ЦК КП Грузии Давид Стуруа прямо заявил: «Нас иногда называют сталинистами, но мы не видим в этом ничего зазорного. Мы гордимся, что мы сталинисты. Я – сталинист, потому что с именем Сталина связаны победы нашего народа».

Слова Стуруа вызвали аплодисменты примерно 70 % присутствовавших на совещании. И хотя в традиционных тезисах ЦК к 50-летию Октября в мягкой форме содержалось одобрение решения XX съезда по преодолению культа личности, линия на ресталинизацию была очевидна. Примечательно, что это совпало по времени с побегом из СССР дочери Сталина – Светланы Аллилуевой, сменой Владимира Семичастного на посту главы КГБ Юрием Андроповым, распространяемым среди интеллигенции письмом Александра Солженицына о цензурном произволе в литературе. По этому поводу Георгий Владимов пи-

сал в президиум съезда писателей: «Это происходит в пролетарском государстве. Это происходит на 50-м году Революции. <...> И вот я хочу спросить полномочный съезд – нация мы подонков, шептунов и стукачей или же мы великий народ, подаривший миру бесподобную плеяду гениев?»».

Подлинная память об Октябре ожила, пожалуй, лишь в одном месте – в театре «Современник», поставившем пьесу Михаила Шатрова «Большевики». В центре спектакля – всего лишь несколько часов истории, вместивших в себя весть об убийстве Моисея Урицкого в Петрограде, покушение на жизнь Ленина, сообщение о кулацком мятеже в Ливнах и других актах белого террора... Рядом с комнатой, где лежит тяжелораненый Ленин и врачи ещё не дают надежды на добрый исход, Совет народных комиссаров под председательством Якова Свердлова принимает решение о красном терроре. Вопрос о прерогативах власти, методах насилия и террора после государственного переворота, который был лишь умозрительной гипотезой для декабристов, шел отдаленным фоном деятельности народовольцев, встает здесь со всей неотложностью и остротой. Дискуссия ведется вокруг таких вопросов: нужна ли новой власти «слепая ярость массы», что делать с «нашими уездными Дантонами и Робеспьерами», которые делают «стенку» основным методом решения всех противоречий, какими будут последствия террора? Один из ключевых пунктов «правильного» развития революции формулирует Свердлов: «Гласность действия карательных органов. Публикация всех имён арестованных, всех имён заложников, всех смертных пригово-

ров. Классовый подбор аппарата. Неуклонное соблюдение основного принципа красного террора: это террор класса против класса руками класса во имя класса... Нам не нужны профессиональные каратели». Примечательной была и реплика Луначарского, который допускал насилие, но утверждал: «Всё-таки истинный социализм может быть насажден в мире не винтовкой и штыком, а только наукой и широким просвещением трудящихся».

На премьерной афише «Большевиков», подаренной «Современником» Шатрову, Олег Ефремов написал: «Миша, давай и дальше прославлять большевиков». Это пожелание исполнится, однако, только через 20 лет. До этого надо будет пережить успехи «развитого социализма», принятие новой Конституции, воспевание Брежнева как главного вдохновителя всех побед страны.

К полувековому юбилею Октября режим изо всех сил стремился наконец-то сконструировать оптимальный для себя и рассчитанный на более-менее длительную перспективу проект памяти о революции 1917 года. Было два возможных способа реализовать эту задачу. Первый – воспользовавшись идеологическим монополизмом, критически пересмотреть унаследованный от сталинской эпохи проект памяти и начать его модернизацию сообразно с духом вроде бы начавшейся «конвергенции» и прорывов в иное – в данном случае космическое – пространство. Второй – ничего содержательного не предпринимать, а предоставить обществу дозированную и ревностно контролируемую возможность поучаствовать в обновлении проекта памяти, что вполне укладывалось в русло

раннебрежневской либерализации. Режим предпочел второй способ – он казался более простым и, главное, избавлял от колоссальной ответственности. В то же время власть могла не беспокоиться, что общество в своем стремлении переосмыслить проект памяти пойдет слишком далеко. В конце 1960-х такое развитие событий было невозможно.

1977: главное событие XX века

60-летие Октября по масштабам празднования превзошло все предшествовавшие юбилеи революции. Под формулировку «Победа Октября – главное событие XX века», выдвинутую Брежневым, подтягивались новые победы СССР – стройки века (БАМ, Атоммаш, КамАЗ), досрочный запуск Усть-Илимской ГЭС, создание сверхзвукового пассажирского самолета Ту-144. За месяц до юбилея была принята новая Конституция, а за день до 7 ноября на Останкинской телебашне на отметке 540 метров впервые был поднят Государственный флаг страны, специально изготовленный из стопроцентной нитронной пряжи. Массовый спортивный праздник молодежи в «Лужниках», включавший и установление мировых рекордов штангистом Василием Алексеевым, демонстрировал миру, что Москва не случайно избрана столицей Олимпийских игр 1980 года. Всё это должно было подтвердить главный тезис доклада генсека на торжественном собрании: «Мы первыми на земле создали развитое социалистическое общество, мы первыми строим коммунизм».

Эти слова не воспринимались большинством людей. Их реальные доходы заметно упали, увеличились диспропорции между платежеспособным спросом населения и его товарным покрытием. Внушительных масштабов достигла спекуляция. В руках небольшой группы населения (деятелей «теневой» экономики) оседали значительные денежные средства. «Подпольные миллионеры» стали жить открыто, не стесняясь и не боясь.

Неблагоприятные тенденции в экономике совпали с обострением международной обстановки, повышением вероятности ядерного конфликта.

Идеи и цели, вдохновлявшие представителей старших поколений, утрачивали свою значимость. А настроения заметной части молодежи выразил один студент из Челябинска: «Хочу спросить: почему почти всё измеряется деньгами?! <...> Я хочу узнать: есть ли ещё что-нибудь святое, кроме денег? Что делать дальше, как жить без идеалов?»

Если все предыдущие юбилеи Октября по предъявляемым ими проектам памяти разительно отличались друг от друга, то 60-летие революции практически повторяло её 20-летие. Конечно, не содержательно, а композиционно. Оба юбилея строились вокруг проектов памяти, рассчитанных, как представлялось и в 1937-м, и в 1977-м, чуть ли не на века. Оба юбилея в каком-то смысле снимали с повестки дня уже сам вопрос о каком-либо дальнейшем совершенствовании проекта памяти. Наконец, оба юбилея оказались наиболее разработанными с точки зрения сложной архитектуры пространства памяти – и драматургии борьбы героев с субъектами, и переконпоновки доступных

и запретных зон. Однако исторический ресурс такого проекта памяти уже подходил к концу. Начавшееся в 1937-м «бронзовение» культурных героев в 1977-м привело к их омертвлению. Необходимое в ситуации борьбы с «внутренними врагами» муссирование негатива в условиях «развитого социализма» выродилось в фарс. Из объекта повышенного внимания, каким он был в 1937-м, негатив превратился в объект массового почитания – уже даже особо и не утаиваемого.

1987: последний советский юбилей Октябрьской революции

Было невероятно, что у Михаила Шатрова появилась возможность прийти к Ефремову, теперь уже во МХАТ, с новой пьесой об одном лишь дне из тех, что потрясли весь мир. В будущем спектакле под названием «Дальше... дальше... дальше!» автор вывел на сцену 24 реальных персонажа, стоявших по разные стороны октябрьских баррикад, сместил их во времени, свёл в полемике. Обсуждение пьесы Олег Ефремов подытожил такими словами: «Смысл пьесы для меня однозначен. Пока мы не скажем честно и открыто, что мешало нашему движению, пока не уясним, в чём причины ошибок, неудач и трагедий, мы не сможем двигаться вперёд». В этом же духе на страницах популярнейших «Московских новостей» рассуждал Юрий Афанасьев: «Мы ещё не в полной мере осознали, почему применительно к перестройке говорим – революция, почему сопоставляем её исто-

рическое значение с Октябрьской революцией. <...> Наше хорошее главным образом в том, что мы стали страной, способной сделать наконец решающие шаги к зрелому полному социализму, в том, что мы остались верными революционным идеалам, возненавидев то, что предавало и предаёт их, что деформировало и деформирует социализм».

Пространство памяти об Октябре начало организовываться заново. Дискуссии историков и писателей разрушили представление о монолитном единстве большевиков в октябре 1917 года. Критике были подвергнуты старые подходы, которые не давали возможности верно оценить поведение отдельных деятелей революции. Если, к примеру, считать, что Зиновьев и Каменев просто изменники, непонятно, почему после победы революции по предложению Ленина они вошли во ВЦИК. В вышедшей в сентябре 1987 года третьей по счету энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция» были приведены не сотни, а многие тысячи фамилий – полные составы ВРК во всех губерниях, организаторы Красной гвардии, подробные сведения о таких партиях, как кадеты, эсеры, меньшевики. Однако справки на Троцкого, Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Каменева были написаны весьма странно, с акцентом на их предшествующие и последующие ошибки, то есть на оценку их деятельности в момент революции накладывалось их будущее.

Неудовлетворённость существующими ответами об Октябре вызвала большой интерес к распространяемой по Москве русской версии изданной в США книги Стивена Козна «Переосмысливая советский

опыт». В ней содержалось опровержение основополагающего тезиса «тоталитарной советологии», который сводился к неразрывной преемственности между первоначальным вариантом русского коммунизма – большевизма – и сталинизма, который с неизбежностью развивался из Октября 1917 года. Одетая в смирительную рубашку этой дидактической схемы советология увязла в интеллектуальной косности, в непрерывных повторях типа: «Сталинизм – единственно рациональный, логичный и даже триумфальный итог большевистской революции».

Коэн назвал подобную хитрость заинтересованного исторического мышления «виговским принципом», имея в виду старую традицию английской школы писать летопись прошлого, исключив из рассмотрения сложности и спрямив извилистый путь исторического развития, излагать прошлое в услугу настоящему и ставить на историю заплатки текущих соображений. Конечно, замечал Коэн, историки-виги таким образом славили Британию, а виги-советологи, идя этим же путём, осуждают советское общество, но сам приём – один и тот же. Этот упрёк относится и к нашим догматикам и тем учебникам, в которых без труда можно было вычитать образ монолитной, замороженной во всех её компонентах, формах и связях системы, история которой в принципе завершена и защищена от закона перемен.

Параллельно новому освещению пространства памяти о революции и её последствиях в умах так называемых постмодернистских поэтов в 1987–1988 годах возникала совершенно иная конструкция отношения к прошлому. Поэт Тимур Кибиров, в своих стихах, казалось бы, равноудалён от сталинизма и

«шестидесятничества» (как антисталинизма), но он многовариантно возобновляет эту связку, дополняет её «досталинской эпохой», а главное – либерализацией 1987 года. Спящий тракторист, пьяница и матерщинник выступает у него вместо ожидаемого «человеческого фактора». Пустая кабина «летающего с ускорением» трактора символизирует и советскую, и постсоветскую обыденность. Художественные и общественно-политические интенции «шестидесятников» персонажируются наиболее этикетной фигурой:

Тройка мчится, мелькают
страницы,
Под дугой Евтушенко поет.

«Шестидесятничество» становится объектом безапелляционной критики за инфантилизм и конъюнктурное приспособленчество, с одной стороны, и претензий на моральную и культурную монополию, романтический «мессианизм» – с другой. Для Кибилова это – две стороны одной медали «тоталитарной чеканки». Дмитрий Пригов тоже предложил своё понимание различия между «революционным» и «сталинским» периодами. Это различие констатируется так, чтобы в ходе понятийной эквилибристики доказать «от противного» их тождественность:

Латыша стрелок латышский
Подстрелил – ай да стрелок!

А ворошиловский стрелок
Ворошилова не смог
Однако.

Протест против официального и «шестидесятнического» романтизма, конечно, распространится только в 90-е годы. Пока же в конце 80-х власти нетрудно было загнать его в подполье. Тем более что «шестидесятники» – дети XX съезда – так хотели «исправить и обучить власть», так стремились «достроить социализм». Это общее настроение выпукло передал специальный номер «Московских новостей» за 8 ноября. Все развороты газеты объединялись «Семью кадрами о семи десятилетиях», которые представляли в основном писатели-«шестидесятники» Сергей Залыгин, Анатолий Злобин, Вячеслав Кондратьев, Фазиль Искандер, Андрей Вознесенский, Даниил Гранин и Владимир Лакшин. И для нового генсека Михаила Горбачёва, выступившего в Кремле с докладом «Октябрь и перестройка: революция продолжается» юбилей был тем «моментом памяти» и «моментом размышления», которые фокусируют

прошлое в болевых точках сегодняшнего дня. Ликвидировав их, взяв из опыта революции то, что необходимо, Советский Союз снова выйдет на дорогу к «новому миру – миру коммунизма» и с этой дороги «не свернет никогда».

То, что было невозможным в 1967-м, случилось в 1987-м. Общество перехватило у власти инициативу в формировании проекта памяти. После этого мутация пространства памяти стала лишь делом времени. Символично, что именно накануне 70-летия Октября случился «казус Ельцина»: «могильщик» советской системы был подвергнут политическому остракизму именно накануне её главного праздника, окрашенного в том году ещё и в юбилейные тона. Направление мутации также было предзадано – рокировка культурных героев и субъектов памяти при превращении зон антипамяти в своего рода «зоны исторической истины». Подобная мутация означала не создание другого проекта памяти, а вытеснение существовавшего на протяжении десятилетий проекта откровенным антипроектом. Хотя нельзя не отметить, что в отличие от 1967 года, Горбачёв на первых порах всё же пытался переосмыслить Октябрь в системе координат перестройки и гласности и тем самым сохранить монополию власти на трактовку прошлого.

1997: 9 мая – новое 7 ноября

Можно ли было представить, что через десять лет «коммунизм» станет чуть ли не ругательным словом, а праздник Октябрьской революции приобретёт причудливое, но официальное название – День прими-

рения и согласия?.. Новая власть новой России, пережившая первую революционную волну 1991–1993 годов и одержавшая на деньги олигархов победу на президентских выборах 1996 года, стремительно покидала пространство памяти о революции. При Ельцине единственной духовной опорой для разных поколений останется День Победы. Именно он обретёт своего рода системообразующее для государственности значение. 9 мая станет нашим новым 7 ноября.

Повсюду развешивались гербы романовской империи, вытеснялась советская символика. Вот уже и данные фонда «Общественное мнение» показывали, что в 1997 году день 7 ноября ничего не означал для 20 % опрошенных, являлся лишь дополнительным выходным днем для 22 %, а большим революционным праздником его называли 47 % и годовщиной трагедии – 8 %. Октябрьская революция под занавес XX века оказалась нужной разве что партиям коммунистического толка и ученым левой ориентации.

Первым даже удалось 7 ноября собрать на Дворцовой площади, «колыбели революции», 35 тысяч человек – представителей более 50 левых партий и движений из стран СНГ, Балтии и «дальнего зарубежья». Вдохновленный наэлектризованной атмосферой лидер Российской коммунистической рабочей партии (РКРП) Виктор Тюлькин под одобрительный гул митингующих воскликнул: у коммунистов «уже достаточно сил, чтобы снова взять Зимний дворец, и недалек тот день, когда они смогут взять Смольный и Кремль!». Демократические партии и движения Питера проигнорировали юбилейную дату и выставили у Казанского собора лишь 40 человек с лозунгами «Убей в себе коммуниста!», «Коммунисты, покайтесь!».

Освобождённое властью пространство памяти открывало возможность спокойно, по-новому, без конъюнктурных наслоений изучать историю революции. Однако довольно быстро эта тема стала монополизироваться созданным обществом «Российские учёные социалистической ориентации» (РУСО). И как когда-то ЦК КПСС, оно даже попыталось взять на себя подготовку тезисов к 80-й годовщине Октября. Но груз старых политизированных вопросов не позволил РУСО привлечь к себе внимание общества. Кому, кроме этих учёных, было интересно приравнять Сталина к Ленину или разделять ленинский и сталинский периоды – а соответственно и две модели социализма. К тому же в это время либералы активно внедряли в массовое историческое сознание и образовательные стандарты совершенно иные идеи и мысли. Октябрьская революция – это случайно удавшийся заговор чучки политических авантюристов, которые столк-

нули Россию с нормального, цивилизованного пути развития. Октябрь, Гражданская война, радикалистская революционная политика большевиков дискредитировали популярные тогда идеи революции, социализма и социальной справедливости. Это укрепило тягу стран Запада к стабильности и порядку, способствовало консолидации либеральных и консервативных сил на антикоммунистических позициях. Наследие Октября не имеет никакого практического значения. Семь десятилетий существования советской власти – «чёрная дыра» российской истории, историческая ошибка, бесплодный роковой зигзаг, на который можно списать всё то плохое, что происходит в России сегодня.

Пожалуй, наиболее примечательная особенность восторжествовавшего в 1990-е и на полную катушку пропагандировавшегося в юбилейном 1997-м проекта антипамяти – это его ещё более очевидная nežизнеспособность, чем nežизнеспособность отвергнутого советского проекта. Рокировка культурных героев и субъектов памяти не означает их автоматического превращения друг в друга. К тому же само противостояние культурных героев и субъектов имеет смысл лишь при существовании и старательном культивировании зон антипамяти. Если же таковых зон не существует и любой оценочный подход может основываться на достаточно репрезентативной базе исторических свидетельств, то выставление одних героями, а других – субъектами выглядит неубедительным. В подобной ситуации единственным критерием оценки способен быть разве что элементарный здравый смысл, но применительно к истории Октябрьской

революции и predeterminedенной ею семидесятилетней траектории развития невозможно указать на монопольного обладателя здравым смыслом. Своя правда имеется у каждой из сторон – и у новых культурных героев (старых субъектов памяти) и «разжалованных» в субъекты прежних героев.

2007: революция возвращается?

На рубеже третьего тысячелетия казалось, что споры о революциях окончательно уходят в академические кабинеты и университетские аудитории, что через какое-то время ученые всё-таки смогут предложить обществу сбалансированный, основанный на консенсусе, корректный взгляд на Октябрь. Однако террористическая атака 11 сентября 2001 года и «цветные революции» на постсоветском пространстве резко изменили ситуацию. Для понимания природы революций XXI века (некоторые политологи поспешили назвать их управляемыми, эрзац-революциями) срочно потребовался глубокий исторический контекст, в том числе и переосмысление опыта Октября. Во-первых, встает вопрос легитимности. Что нужно для взятия власти – воля восставшего народа или правовые решения, включая признание выборов? Во-вторых, каковы обязательные условия возникновения революций. «Низы» не хотят, а «верхи» не могут или всё-таки – раскол политической элиты и завышенные ожидания людей? В-третьих, в чём состоит роль внешнего фактора. Сила примера (западного, российского) или финансовые и информационные интервенции?

Тема революции стала и предлогом для разминки различных политических сил в самом начале 2007 года. Они вызвали на телевизионный «ринг» Февральскую революцию 1917-го. Но когда дело стало сводиться к банальностям вроде пересказа старых учебников депутатом Николаем Харитоновым, на роль тяжеловеса был призван Александр Солженицын с его «Размышлениями о Февральской революции». Однако получилось так, что комментарии Натальи Солженицыной для России и мира оказались более возбуждающими, чем сам текст писателя, созданный в 80-е годы прошлого века. Статья должна служить напоминанием политическим силам России об опасности, обусловленной значительным разрывом между богатыми и бедными, а также разительным контрастом в образе жизни и нравственных установках, которые преобладают в российской столице по сравнению с гораздо менее процветающей провинцией. Через свою жену писатель передал предупреждение: «Если правительство не будет уделять внимание провинции, последствия могут быть очень тяжёлыми».

В самом же тексте внимательный читатель мог обнаружить довольно распространённое мнение о том, что Февральская революция – результат случайности, рокового стечения обстоятельств, что её сравнительно легко можно было бы упредить более внимательным отношением к делам земледелия. То, что царь и его правительство за почти три года войны ничего не смогли сделать, чтобы не возникли перебои с хлебом в Петрограде и других крупных городах, в расчёт как бы и не бралось. Наверное, не стоит придавать и роковую роль тому, что в Ставку возвратился

«больной и расслабленный» генерал Михаил Алексеев, сменивший «огневого» генерала Василия Гурко. На самом деле, Алексеев и другие генералы осознавали, что возможностей подавить революцию у них нет.

Понятно, что большинство историков революцию в феврале 1917-го рассматривают как стихийное, непредсказуемое явление, обусловленное, однако, предшествовавшими десятилетиями развития России. Но, несмотря на неуместность аналогий с 1917 годом, обратили на себя внимание некоторые другие заявления. Владислав Сурков на одном круглом столе заявил: «Революция – это прежде всего разорение, истребление. Мы плачем о демографии, а сами тоскуем по потрясениям. Нужно навсегда изъять революцию из нашей политической практики». И добавил, вспомнив большевистский лозунг поражения русского правительства в Первой мировой войне: «Не нужно желать поражения или ослабления своей стране. Если вам не нравится власть, вы можете с ней бороться, но желать своей стране поражения и ослабления – это просто безнравственно. <...> В результате революционных действий этих романтиков к власти приходят обычно маньяки и террористы».

Предотвратить революцию, однако, ещё никому не удавалось. Никто и никогда не мог предсказать, когда именно революция начнется в данной стране. Однако искусно сконструированные идеологические модели, не решающие реальные социально-экономические проблемы, а создающие иллюзию благополучия, не способны сдерживать накопление усталости и раздражения, которые в какой-то момент могут спровоцировать активную часть людей на выступления.

Последний круглый юбилей Октября так и не ознаменовался появлением очередного проекта памяти. Каждая из сторон осталась при своем проекте. Да и сама дата как-то маргинализировалась. Отчасти по банальной причине – 7 ноября стало будничным днем, передав своё пафосно-праздничное содержание главного государственного праздника Дню Победы, а выходной день – новоучрежденному 4 ноября. С достаточной долей уверенности можно предположить, что на этом история проекта памяти об Октябрьской революции завершится. То есть завершится не изучение этого события отечественной истории, завершатся не споры и дискуссии вокруг его значения для нашей страны и всего мира, а прекратится именно использование этой даты в качестве вполне определённого политического проекта памяти. Ситуацию здесь может изменить разве что резкий левый поворот в политике нынешней российской власти (или её более или менее отдаленных преемников), что – во всяком случае, сегодня – представляется маловероятным. Пока же старый советский проект памяти (некий усреднённый, с креном в сторону сталинской интерпретации, но без опостылевших абсолютно всем зон антипамяти) и новый антипроект (до недавнего времени – поистрепанная и поблекшая копия ельцинской эпохи, а сегодня – заметно подновленный разного рода знаковыми «зачистками» советского наследия, произведёнными уже в медведевскую эпоху) будут сосуществовать. И станут походить на игральную карту – соединённые в неразрывное целое и расположенные противоположным образом друг по отношению к другу.

Почему революции смешались в исторической памяти

Дискуссия о Феврале не оттесняла, а подразумевала и Октябрь 1917 года. Просто в СМИ автоматически продолжают прокручиваться избитые темы – «заговор», «октябрьский переворот» во главе с «немецким агентом» Лениным, «англо-американским» шпионом Троцким. Конечно, это будоражит больше, чем занудные объяснения о кризисе, войне, «тюрьме народов», природе насилия. Понятно, что никто из разумных людей не собирается выбрасывать Октябрьскую революцию из истории России, даже если её годовщины перестали праздноваться официально. Некоторые страны прошли это. Те же французы в течение столетий возлагали на свою Великую революцию любую ответственность за всё, что случилось во Франции потом. И у нас за 90 лет в пространстве памяти о революции возникали самые причудливые комбинации. Отсюда и разыгрывание конъюнктурных юбилейных сценариев, то есть, по существу, грубое использование истории в политических целях.

В какую же сторону сегодня пошёл маятник памяти об Октябре? На поверхности – тривиальные сюжеты в развернувшейся общественной дискуссии. Вина, как и прежде, возлагается на интеллигенцию, правда, теперь ещё и за 1991 год. Но молодежь в «коммунистический рай» уже не загнать и вообще ей не надо интересоваться «всей этой мутью – политикой». Из новых же акцентов бросилось в глаза, что революцию обозвали «проектом». Заново некоторые

историки расставляют в пространстве памяти её главных героев. Сталин теперь – не только в контексте Победы 1945-го, но и Октября 1917-го – «творческий» и «эффективный» менеджер, а Ленин – просто «марксистский догматик».

Судя по опросу, проведенному фондом «Общественное мнение» (формально – исключительно о Феврале 1917-го), в обществе возникло довольно неожиданное смешение представлений об обеих революциях. Говоря об одной из них, подразумевают другую, и наоборот. «Свержение монархии», «временное правительство», «Керенский», «Ленин пришёл к власти», «взятие Зимнего дворца», «власть Советов». Что кроется за этим? Странные aberrации памяти, слабости исторического образования или что-то другое? Тот же опрос показал, что важна не последовательность событий, не разделение революций на хорошую и плохую, с демократической или диктаторской окраской. Уже Февраль, за которым видится Октябрь, вызывает такие катастрофические ассоциации, как «беспредел и хаос», «голод», «разруха», «дурдом», «кошмар», «революция – это хаос», «лучше бы её не было». Но рядом – «борьба за справедливость», «после этого бедным жить лучше стало». То есть революция воспринимается современниками и как «социальная болезнь», и как «праздник угнетенных», и с «первородным грехом», и со «святыми идеалами». Именно так «революция продолжается» сейчас в памяти.

А значит, призрак революции ещё бродит по России. Некоторые желают его материализации и даже разыгрывают сценарии нового революционного приступа. Противостоять этому можно одним хорошо

известным, но скучным и рутинным способом – умной политикой, а также подключением к её разработке и проведению самых разных сегментов политической элиты и гражданского общества. А ещё пониманием того, что авторитарно, через режим личной власти обновление, реформы, модернизацию не обеспечить. Однако нельзя заикливаться на идейной составляющей реформаторства, надо переводить акцент на его технологическую, прикладную сторону, когда эффективность станет главным критерием оценки всего процесса преобразований.

Всё это, возможно, и способно успокоить призрак Октября. Успокоить через объяснение того, что люди, ощутившие и пережившие революцию на себе, понимают, что больше не хотят жить в эпоху радика-

листских перемен и платить за них непомерную цену, они не хотят становиться жертвами утопических представлений той или иной политической силы. Тем более что эти силы, «пожирая» друг друга, цинично используя имя революции в борьбе за власть и собственность, для необъяснимых скачков и забега-ний, фактически и не замечают, как начинают забыть о первопричинах революционных потрясений, как переходят к забалтыванию истинных движущих принципов избавления от гнета и тирании, к предательству идей свободы.

Именно так и был убит Октябрь, призрак которого должен наконец-то успокоиться.

ДЕСЯТЬ СТАЛИНСКИХ ЮБИЛЕЕВ

Каждая круглая дата рождения Сталина уже более полувека накаляет общественное мнение, сталкивает между собой исследователей и общественных деятелей по поводу политики и истории, реформирования государственной системы или наведения порядка в ней, модернизации или мобилизации экономики, места России в мире. Реанимируя образ Сталина, каждый режим власти раскрывает своё отношение к этой сложной фигуре, давая тем самым понять вектор собственного курса. По характеру обращения к Сталину можно оценивать состояние общества, его предпочтения и настроения, протесты и чаяния. Особенно заметны страдания памяти по жертвам репрессий, а значит, и всполохи требований суда над совершёнными преступлениями.

Со сталинскими юбилеями и при его жизни, и после смерти связывалось немало ключевых событий, оформление и принятие важных политических решений. Сталин участвовал в этом – сначала как вождь и живой человек, затем как определенный символ и мифический образ, позволяющий осмыслить настоящее и будущее.

Заметна определённая взаимосвязь между сталинскими юбилеями и поворотными моментами в истории страны – 1929-й, 1939-й, 1949-й годы. После

смерти вождя наблюдаются другие тенденции, связанные с десталинизацией или ресталинизацией. 1959 год зафиксировал первую тенденцию и связанные с ней нелегкие для общества последствия. 1969-й обозначил тревожные симптомы движения в обратную сторону, что окончательно подтвердил 1979 год. Затем маятник резко качнулся в другую сторону, когда в перестроечном 1989 году Горбачёв открыл шлюзы антисталинской критики. Однако к 1999 году уже в новой стране под именем Сталина выстроились колонны критиков ельцинского правления и сторонников консервативных перемен. 2009-й пока трудно вписать во все эти колебания – необходима дистанция, чтобы понять значение для России 130-летия Сталина. Очевидно лишь одно – и спустя более пятидесяти лет после его смерти мы всё ещё пребываем в сталинском плену и ищем способы выхода из него.

Характерно, что название «Десять сталинских ударов» закрепились за десятью крупнейшими военными операциями Красной армии 1944 года уже постфактум, после их успешного завершения. Скорая и уже неизбежная Победа не могла не осеняться именем вождя. В нашем случае разговор о десяти сталинских юбилеях – начиная с первого послереволюционного и до отмечаемого сейчас – это своеобразная инверсия образа, рождённого в 1944 году на фронтах Великой Отечественной войны. Тогда успех не мыслился вне связки с именем вождя – теперь же вехи его земной биографии и посмертной памяти оказываются проблемными узлами, без которых нельзя постичь нашу историю во всей её трагической противоречивости.

1919: наведение фокуса биографии

Известно, что подлинной датой сталинского рождения, раскрытой в 1990 году историком Леонидом Спириным, является 6 (18) декабря 1878 года. Об этом сделана запись в метрической книге Успенского собора города Гори Тифлисской губернии. Крестили новорожденного 17 (29) декабря. Поскольку в то время было принято праздновать не день рождения, а день ангела, люди далеко не всегда помнили дату своего рождения. Сталин колебался в выборе рождения между 1878 и 1879 годом и в дальнейшем остановился на условной дате – 9 (21) декабря 1879 года.

С двадцатилетием будущего вождя истории свяжут его изгнание из духовной гимназии, а с тридцатилетием – вхождение в когорту профессиональных революционеров, решение покинуть Кавказ и испытать свои силы в среде руководителей РСДРП.

В 40 лет Сталин – член Политбюро РКП(б), нарком по делам национальностей в первом советском правительстве и нарком Госконтроля. Он мог напрямую апеллировать к Ленину, потому что зарекомендовал себя как человек, способный быть «пожарным для безнадежных положений». Так было в Царицыне, когда к городу подошли казаки атамана Краснова, затем в Перми, который сдали войскам Колчака, в Петрограде, оказавшемся в критической ситуации перед войском Юденича, на Южном фронте в период разгрома Деникина. Разумеется, тогда никто не акцентировал внимания на том, что, к примеру, к решаю-

щим операциям против Колчака Сталин отношения не имел, что разгром Юденича проходил под руководством Льва Троцкого. Тогда ещё никто не выяснял меру чьих-то персональных заслуг в общей победе и цену допущенных просчётов. Однако заслуги Троцкого (7 ноября 1919 года ему исполнилось 40 лет) и Сталина в Гражданской войне были отмечены 27 ноября 1919 года орденом Красного Знамени. В представлении к награде Сталина отмечались его «энергичная и неутомимая работа» на критических участках сражений и способность «личным примером воодушевлять ряды борющихся за Советскую республику».

Троцкий в книге «Моя жизнь» подробно рассказал об истории этого награждения. На заседании Политбюро было решено вручить орден Троцкому за победу под Петроградом. Однако к концу заседания Григорий Зиновьев несколько смущённо предложил вручить такую же награду и Сталину. «За что?» – спросил Михаил Калинин. В перерыве Николай Бухарин в частном порядке заметил Калинин: «Как ты не понимаешь? Это Ильич придумал. Сталин не может жить, если у него нет чего-нибудь, что есть у другого. Он никогда этого не простит». Чуть позднее на торжественном собрании в Большом театре Троцкий доложил о военном положении, и затем ему вручили награду. «Когда к концу собрания, – писал Троцкий, – председатель объявил, что Сталину также присужден орден Красного Знамени, я попробовал аплодировать, за этим последовало два-три нерешительных хлопка. По залу прошел холодок недоумения, особенно явственный после предшествовавших оваций. Сам Сталин благоразумно отсутствовал».

А.И. Егоров и И.В. Сталин (осень 1919 г.)

Почему Сталин исчез в такой важный момент? Расположенные к Сталину историки, – к примеру, Лев Балаян, – не соглашаются с саркастическим Троцким – дескать, когда последний «вальяжно прохладился в Большом театре», Сталин выехал в Серпухов, в район боевых действий Южного фронта. То есть «равнодушный, не в пример Троцкому, к наградам Сталин с головой ушел в порученное ему дело, в борьбу, которая была смыслом жизни этого величайшего революционера и завершилась полным разгромом контрреволюционных Вооруженных сил Юга России».

В Серпухове, судя по архивным данным, Сталин провел и день своего рождения. Скорее всего, без новой семьи – восемнадцатилетней Надежды Аллилуевой, с которой он зарегистрировал брак 24 марта

1919 года, и сына Василия, который родился спустя пять месяцев.

Иными словами, в строгом смысле этого слова в 1919 году ни о каком проекте памяти о Сталине не было и речи. Более того, даже впоследствии события этого времени преподносились в самой общей форме: слишком велик был риск споткнуться о какой-либо неудобный факт или – ещё хуже – «недооценить» зловещей роли субъекта памяти Троцкого и его «вредоносной» деятельности вопреки и наперекор очевидному и бесспорному культурному герою Сталину. К тому же сама юбилеямания ещё не стала неотъемлемой чертой нового советского праздничного культа. Да, о Сталине писали, говорили и спорили уже тогда – но не в привязке к его сорокалетию, а в связи с совершенно другими событиями. Поэтому выбор 1919 года как своеобразной точки отсчета для анализа истории проекта памяти о Сталине является во многом данью самой юбилейной оптике – основному инструменту данной работы. Зато уже в 1919 году ясно видны очертания будущих зон антипамяти, которые впоследствии будут старательно вымарываться из разного рода «житийных» описаний биографии вождя.

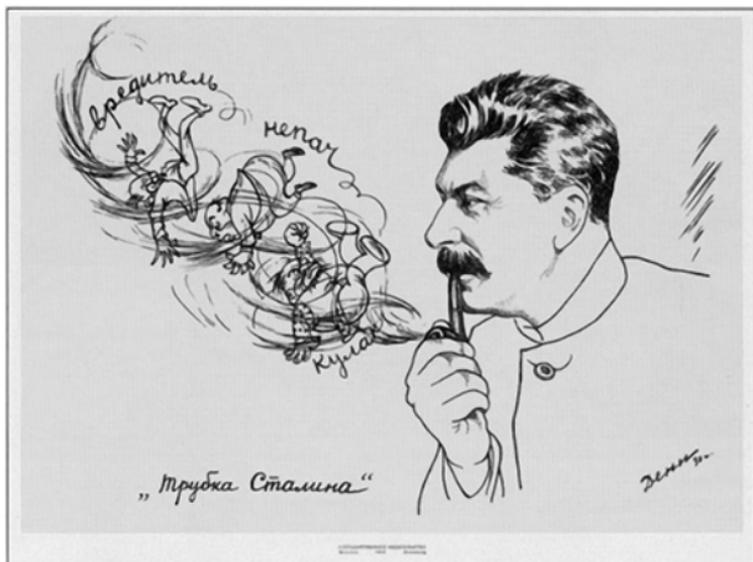
1929: огосударствление юбилея

Через десять лет никто не помешает Сталину режиссировать юбилей по-своему, сделать из него новый государственный праздник. Ленина не стало, Троцкий был выслан из страны, все внутрипартийные оппо-

зиции разгромлены, хлебозаготовительный кризис 1927–1928 годов преодолён, нэп свернут. Однако для того чтобы 50-летие стало историческим событием, Сталин сконцентрировал внимание на завершении трёх задач – иной организации пространства памяти об Октябрьской революции и Гражданской войне, изменении конструкции власти, формулировке новой стратегии движения страны в будущее.

Прежде всего генсеку понадобилось заменить Троцкого в качестве главного архитектора всех побед РККА и единоличного автора планов разгрома Колчака, Деникина и Юденича. Именно таким он и предстал в статье Клима Ворошилова «Сталин и Красная армия». Не без ведома вождя в 1929 году вышла и книга «Львов – Варшава», в которой вопреки фактам все ошибки в войне с Польшей приписывались главному Сергею Каменеву и командующему Западным фронтом Михаилу Тухачевскому.

Расправившись с оппозицией, Сталин не стал уравнивать однопартийность правом фракционной борьбы. Он также быстро научился сталкивать между собой различные слои бюрократической иерархии – каждый чиновник дышал в спину своему начальнику, вождедея занять его место. Партийно-государственную элиту расслаивала и введенная во второй половине 1920-х номенклатура должностей – вся вертикаль назначений превращалась в собственный удел власти. Регулярные кадровые перетасовки предотвращали бюрократическое обволакивание вождя. Последовательное сокращение сферы действия «коллективного руководства» позволило Сталину вплотную приступить к выстраиванию личного режима власти.

Структурная жёсткость режима личной власти и сознательно выстраиваемого культа компенсировалась масштабным, ясным и понятным мобилизационным проектом строительства социалистического будущего. В апреле 1929 года принимается первый пятилетний план, идеологически подчинённый сталинскому нетерпению «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны. 7 ноября 1929 года в газете «Правда» появляется установочная статья вождя «Год великого перелома». Это словосочетание стало широко употребляемым крылатым выражением, а сама публикация действительно знаменовала собой начало нового этапа в истории СССР. Сталин измерял счастье в тонно-километрах и процентах роста. Мотив темпов и скорости стал главным. В статье

он дважды подчеркивает мысль о вековой российской отсталости и возможности её преодоления. А завершает работу на ударной ноте – словами, которые символизировали технократическую утопию по-русски: «Мы становимся страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации. И когда посадим СССР на автомобиль, а мужика на трактор – пусть попробуют догнать нас почтенные капиталисты, кичащиеся своей «цивилизацией».

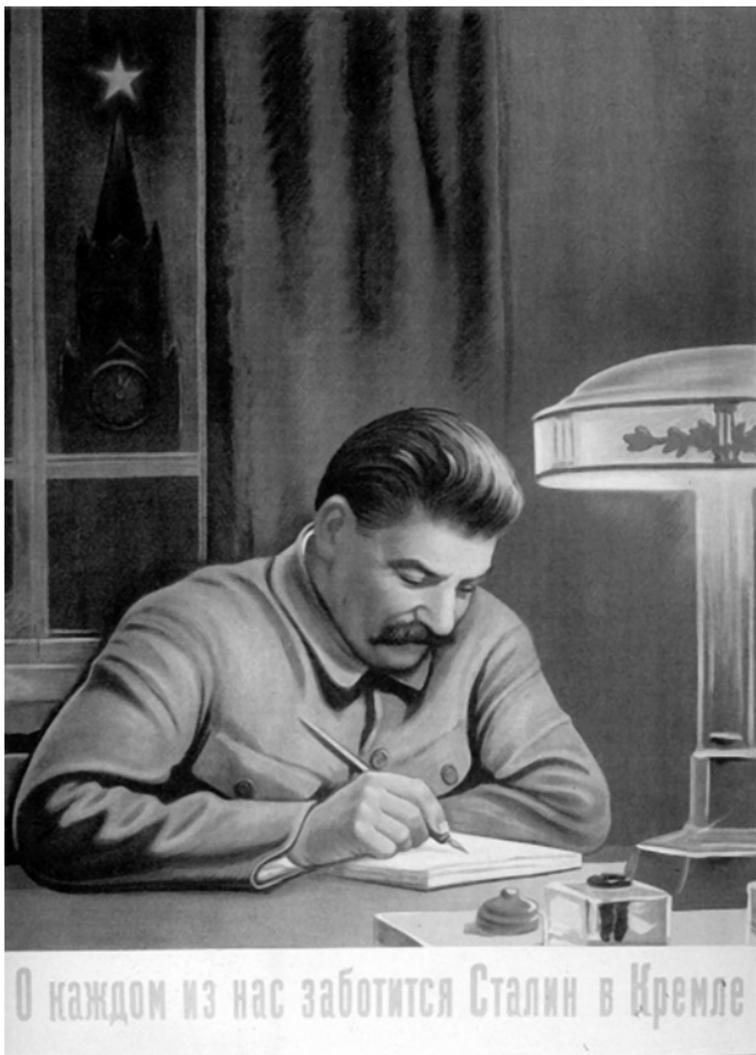
Желание какого-то перелома после кризисов нэпа и сомнений по поводу темпов индустриализации существовало и в массах. Всё громче звучали призывы «придумать какой-нибудь зигзаг, чтобы поскорей прийти к заветной цели». И Сталин уловил эту доминанту общественного настроения. Отвечая на многочисленные поздравления 22 декабря, он заявил, что «готов и впредь отдать делу рабочего класса, делу пролетарской революции и мирового коммунизма все свои силы, все свои способности и, если понадобится, всю свою кровь, каплю за каплей». Но те, которые ждали зигзага, никак не могли представить, какая цена будет заплачена за скачок и чья кровь прольётся за утопию. Юбилейный для Сталина год заканчивался тем, что 27 декабря на конференции аграрников-марксистов он провозгласил переход к сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Начиналась крестьянская Вандея. Предстоящее десятилетие станет самым трагическим в истории страны и самым тяжёлым испытанием для Сталина.

Нельзя не заметить любопытного факта – с точки зрения конструирования проекта памяти, полувек-

вой юбилей вождя оказался гораздо более удачным мероприятием, нежели отмечавшееся двумя годами ранее десятилетие Октябрьской революции. Вероятно, из неудачного и во многом провального для режима празднования 1927 года власть извлекла должный урок и успела за два года разработать более эффективный сценарий. Хотя возможно и другое объяснение столь разительной непохожести обоих юбилеев. В 1927 году режим ещё мог позволить себе эксперимент, некий объективный замер того, как он воспринимается обществом. Накануне же события, которое по своему масштабу было сопоставимо с обеими революциями 1917 года вместе взятыми, – то есть в преддверии коллективизации, которая должна была радикально переформатировать извечную крестьянскую сущность страны, – нельзя было рисковать. Кремлевский культурный герой в сером френче даже ещё и не нуждался в оттенении сонмом субъектов памяти. Он был важен сам по себе – собранный, внимательный, целеустремленный, мудрый, готовый к самопожертвованию, заботливо пекущийся об интересах каждого советского человека.

1939: неоднозначность торжества

Тональность очередному юбилею вождя задала февральская премьера оперы Михаила Глинки «Жизнь за царя» под новым названием «Иван Сусанин». За переделку бывшего неофициального династического гимна «Славься!» взялся поэт Сергей Городецкий, а за редакцию – сам Сталин. Вместо слов «Славься,

слався, наш русский царь» хор теперь пел: «Славься, слався, ты, Русь моя!» С величественными ритуалами открывался через месяц XVIII съезд партии.

При появлении вождя все стоя устроили вождю продолжительную овацию. Разносились здравицы «Да здравствует товарищ Сталин!», «Великому Сталину – ура!», с трибуны звучали определения типа «гений новой эры», «мудрейший человек эпохи» и т.д.

В этом контексте неуместными казались воспоминания об ужасах раскрестьянивания, о страшном голоде 1932–1933 годов, массовых операциях НКВД 1937–1938 годов, репрессиях против двух третей делегатов предыдущего съезда. Под аплодисменты встречались приведённые Сталиным статистические данные о том, что на руководящие посты в партии и государстве выдвинуто полмиллиона новых работников, что среди партийного генералитета сменились 293 из 333 секретарей обкомов и крайкомов, что 90 процентов новых руководителей моложе 40 лет.

Созвучными юбилею были громкие результаты выполнения второй пятилетки, открытие Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и самой красивой станции метро – «Маяковская», начало регулярного телевидения и ввод в действие Большого Ферганского канала имени вождя, учреждение Сталинской премии и стипендий имени Сталина. Указом Президиума Верховного Совета Сталину присваивается звание Героя Социалистического Труда, он избирается почётным членом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук и почётным членом Академии Наук СССР.

К празднику взрослых активно подключают детей. В специальном сборнике их стихов выделялся Саша Кобелянский:

**ПОЕЗД ИДЕТ
ОТ ст. СОЦИАЛИЗМ
ДО ст. КОММУНИЗМ**

СТ. НАЗНАЧЕНИЯ
КОММУНИЗМ

ДЕЙСТВУЮЩИЙ
ГРАФИК

ГРАФИК

ИСПОЛНЕННОГО ДВИЖЕНИЯ
БОЛЬШЕВИСТСКОГО ПОЕЗДА

НАЗВ. СТАНЦИЙ

СОЦИАЛИЗМ

ОКТАБРЬ 1917

ПРАВДА 1912

ДЕКАБРЬ 1905

ИСКРА 1900

СТ. ОТПРАВЛЕНИЯ
СОЦИАЛИЗМ

**ИСПЫТАННЫЙ
МАШИНИСТ
ЛОКОМОТИВА
РЕВОЛЮЦИИ**

Т. СТАЛИН

Празднично-радостна Красная площадь,
Высятся серые стены Кремля,
Пламенем ярким красных полотнищ
Флаги сверкают, на солнце горя.
Золотом звезды на башнях сияют,
Слышится звонкий приветственный крик.
Вот на трибуне места занимают
Наши вожди. Все приветствуют их.
Вот поднимается в серой шинели
Близкий, любимый, знакомый, простой...
Громче овации вмиг загрели:
«Да здравствует Сталин – страны рулевой!»

Однако всеобщее празднество не помешало Сталину, как и десять лет назад, сосредоточиться на ключевых моментах события – закреплении своей особой роли в истории, изменениях в режиме власти и определении очередного чертежа будущего. В то же время он осознавал уязвимость некоторых моментов торжества – беспокоили внешнеполитические проблемы и – как ни странно – культ собственной личности, его восприятие за рубежом.

За годы, предшествовавшие юбилею, Сталин не только сделал элиту ответственной за «перегибы» коллективизации, но и произвёл ротацию кадров в ходе «великой чистки». Нейтрализации подлежали и те, которые в преддверии войны воспринимались как вероятная «пятая колонна», которые «либерально» восприняли новую Конституцию страны, которые вообще мешали создавать надежное общество. Положительно оценив результаты террора, Сталин в 1939 году раскритиковал НКВД и прокуратуру за «ошибки», которые воспрепятствовали «полной побе-

де над врагами». Запретом на проведение массовых арестов и депортаций, ликвидацией внесудебных органов (троек) Большой террор объявлялся законченным. При этом снималась ответственность с партийного и государственного руководства за массовые репрессии.

Такому толкованию соответствовало обозначение Большого террора как «ежовщины». Просьба наркома НКВД Николая Ежова об отставке была весьма кстати, а новый нарком – Лаврентий Берия – сразу же заявил о «возвращении к законности». Юбилейный 1939-й был отмечен широким потоком протестов на внесудебные приговоры. Однако крайне малое количество реабилитаций в 1939–1940 годах – показатель того, что кампания по «восстановлению социалистической законности» не должна была пойти на пользу пострадавшим. Роль прокуратуры свелась к доказательству случаев нарушения закона со стороны работников НКВД и сбору ценного материала для их ареста и осуждения. Так Сталин и руководство ВКП(б) сняли с себя ответственность за репрессии, а НКВД постепенно возвратил себе прежние полномочия. Однако именно со Сталиным связалась надежда уцелеть в царстве всеобщего страха. Родилась технология «децимации наоборот»: не уничтожение каждого 10-го, а сохранение жизни каждому 10-му. Может, потому не было сопротивления, что каждый считал: я буду тем самым десятым, которого не накажут? Отсюда – усиление магнетизма фигуры Сталина: сначала он, подобно Бонапарту, балансировал между классами, теперь – между аппаратом и массой, между разобщенными служащими государства,

между членами первичных ячеек общества, охваченных страхом и надеждой людей. Для кого-то – каждого десятого, оставшегося невредимым, – он навсегда остался прав.

Перед «правильным» обществом Сталин ставил новую задачу – построение коммунизма в одной стране – Советском Союзе – при наличии капиталистического окружения, стирание «граней» между рабочими и крестьянами, а также между этими классами и интеллигенцией, завершение строительства бесклассового общества.

Безусловно, вождь понимал относительность новых стратегических планов. Внешнеполитические расклады в 1939 году менялись очень быстро. После оккупации Чехословакии германскими войсками 15 марта 1939 года в нарушение Мюнхенских соглашений ни о каком союзе между Англией, Францией и Германией, направленном против Советского Союза, не могло быть речи. 23 августа Сталин пошел на подписание с Германией соглашения о ненападении. Одни восприняли этот пакт как законное средство обеспечения безопасности СССР, а другие – как естественное продолжение имперской политики русских царей. Одни видели в пакте одновременно и ошибку, и проявление экспансионистских замыслов Сталина под идеологической оболочкой «расширения зоны социализма», другие – что, идя на соглашение с Гитлером, он рассчитывал на втягивание Германии в мировую войну с западными союзниками и на оккупацию Красной армией значительных территорий Восточной Европы. Досада на двойственность реакции по поводу пакта дополнялась неудовлетво-

рённостью ходом советско-финской войны. Переговоры с Финляндией, начатые ещё весной 1939 года, затянулись до ноября. Обе стороны зашли так далеко в своём противостоянии, что для СССР отступить было поздно и война началась 1 декабря. Сталин рискнул санкционировать эту войну, считая, что Красная армия сумеет справиться с Финляндией «за две недели» и он сможет к 21 декабря преподнести себе и стране «маленький» внешнеполитический подарок. Однако ни Ворошилов, ни Семен Тимошенко, сменивший его на посту наркома обороны в две недели не уложились, и война продолжилась в следующем году, сопровождаясь огромными потерями в живой силе и технике.

Не всё так однозначно было и с культом личности. Многие поступки и слова Сталина раскрывают определённую игру вокруг этого вопроса. Откровенные и масштабные визуальные проявления культа сочетались с его непроясняемыми вербальными интерпретациями. Историк Леонид Максименков обращает наше внимание на то, что к 1939 году культы Сталина и Ленина были закреплены как иконообразные ипостаси формально-равноправных вождей Октября. В то же время стало очевидным, что агитационные органы партии не заинтересованы в независимой разработке ленинской темы вне соотнесения её со сталинской. Любая неконтролируемая информация о двух вождях, особенно информация историко-биографического характера, могла оказаться губительной для архитектоники сталинского культа. Не случайно именно в этот момент определённого замешательства при становлении канонов жанра раздались

И.В. Сталин и Иоахим Риббентроп

высочайшие окрики, предписывавшие политические, эстетические и цензурные законы для ленинианы и сталинианы. В этом надо рассматривать историю подготовленной Детгизом книги «Рассказы о детстве

Сталина». Она была направлена на отзыв генсеку, и вскоре издательство получило ответ, датированный 16 февраля 1938 года. «Я решительно против издания, – писал Сталин. – <...> Книжка изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок – брехуны (может быть, “добросовестные брехуны”), подхалимы. <...> Но не это главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских людей (и людей вообще) культ личности вождей и непогрешимых героев. Это опасно, вредно. <...> Советую сжечь книжку. И. Сталин».

За год до юбилейных торжеств Николай Ежов подал в Верховный Совет СССР докладную записку с предложением присвоить имя Сталина городу Москве. Основанием для этого послужили «обращения трудящихся Советского Союза». Так, член партии Зайцев писал Ежову: «Гений Сталина является историческим даром человечеству, его путеводной звездой на путях развития и подъёма на высшую ступень. Поэтому я глубоко убеждён в том, что всё человечество многих будущих веков с удовлетворением и радостью воспримет переименование Москвы в Сталинодар. Сталинодар будет гордо и торжественно звучать многие тысячелетия». Однако до переименования дело не дошло. Как доложил Президиуму Верховного Совета СССР Калинин, сам Сталин высказался против.

Чем мотивировалась отрицательная реакция Сталина на подобные предложения, показывает запись беседы Лиона Фейхтвангера со Сталиным и затронутая в ней тема восхвалений. «На моё замечание <...>

он пожал плечами. Он извинил своих крестьян и рабочих тем, что они были слишком заняты делами и не могли развить в себе хороший вкус, и слегка пошутил по поводу сотен тысяч увеличенных до чудовищных размеров портретов человека с усами – портретов, которые мелькают у него перед глазами во время демонстраций. Я указываю ему на то, что даже люди, несомненно обладающие вкусом, выставляют его бюсты и портреты – да ещё какие! – в местах, к которым они не имеют никакого отношения, как, например, на выставке Рембрандта. Тут он становится серьёзен. Он высказывает предположение, что это люди, которые довольно поздно признали существующий режим и теперь стараются доказать свою преданность с удвоенным усердием. Да, он считает возможным, что тут действует умысел вредителей, пытающихся таким образом дискредитировать его. «Подхалимствующий дурак, – сердито сказал Сталин, – приносит больше вреда, чем сотня врагов». Всю эту шумиху он терпит, заявил он, только потому, что он знает, какую наивную радость доставляет праздничная суматоха её устроителям, и знает, что всё это относится к нему не как к отдельному лицу, а как к представителю течения, утверждающего, что построение социалистического хозяйства в Советском Союзе важнее, чем перманентная революция».

В этой записи заметны продуманные сталинские заготовки, прикрывающие тщательный контроль задачи и восприятия своей личности – отсутствие вкуса у простых людей, которые слишком заняты работой, умысел вредителей или опоздавших с признанием

новой власти, наивность строителей культа, которые, однако, знают, что концепция Сталина «круче» концепции Троцкого.

Если рассматривать историю формирования культа Сталина с точки зрения развития конструировавшихся режимом проектов памяти о вожде, то 60-летний юбилей советского лидера даёт богатый материал для совершенно новых ракурсов изучения идеологических манипуляций той эпохи. Скажем, вырисовывается такой неожиданный сюжет, как борьба самого Сталина с его же культом. Точнее, даже не столько с самим культом, сколько с культом дурным и неэффективным. То есть субъекты памяти в 1939 году – это уже даже не столько откровенные враги (с ними то и так всё ясно!), а неумелые, безграмотные (а значит – вредные и опасные) творцы культа. Получилась парадоксальная ситуация – культурный герой, ставивший на место своих неумных и безвкусных почитателей, в определенном смысле задавал алгоритм собственного разоблачения в годы хрущёвской «оттепели». Разоблачения дозировано-аккуратного – дабы не задеть слишком многих, остававшихся во власти в конце 50-х – начале 60-х творцов культа и соучастников репрессий (включая и само первое лицо партии). В эпицентре критики тогда находился именно сам культ – пафос реабилитаций был заметно скромнее. Субъектами памяти и в 1939 году, и двадцатью годами позже оказались именно тени культурного героя (вплоть до самого Сталина, низведённого до уровня такой тени и вынесенного из Мавзолея после XXII съезда партии). Нетрудно заметить, что начало подобному «раздвоению» личности культурного героя как раз и положил вождь в 1939 году.

1949: триумф и отчаяние

70-летие вождя, генералиссимуса, победителя Гитлера все ждали с особенным нетерпением. 21 декабря в Большом театре собрались представители различных слоев общества, весь цвет коммунистического мира. Всех поразила генеральный секретарь Компартии Испании Долорес Ибаррури. Речи присутствовавших были похожи одна на другую, а Долорес бросала в зал слова с такой силой, энтузиазмом и радостью, что напомнила подвижников, которые во имя своей веры шли на костер. При первых же её словах Сталин переменял позу, чуть приподнял голову. Он сидел в центре большого стола, занявшего всю сцену, по правую руку от него находился Мао Цзэдун, по левую – Никита Хрущёв (как секретарь ЦК и МК он вёл вечер). «Всё новые букеты цветов, – писал в мемуарах Алексей Аджубей, – особенно ярких и неожиданных в этот самый короткий, самый морозный день, ложились на стол перед Сталиным. Наконец, лицо его вовсе скрыл ворох цветов. – Отчего Никита Сергеевич не отодвинет букеты? – спросил я Раду (супруга Аджубея, дочь Хрущёва. – Г.Б.). – Но Сталин не просит об этом, – ответила она».

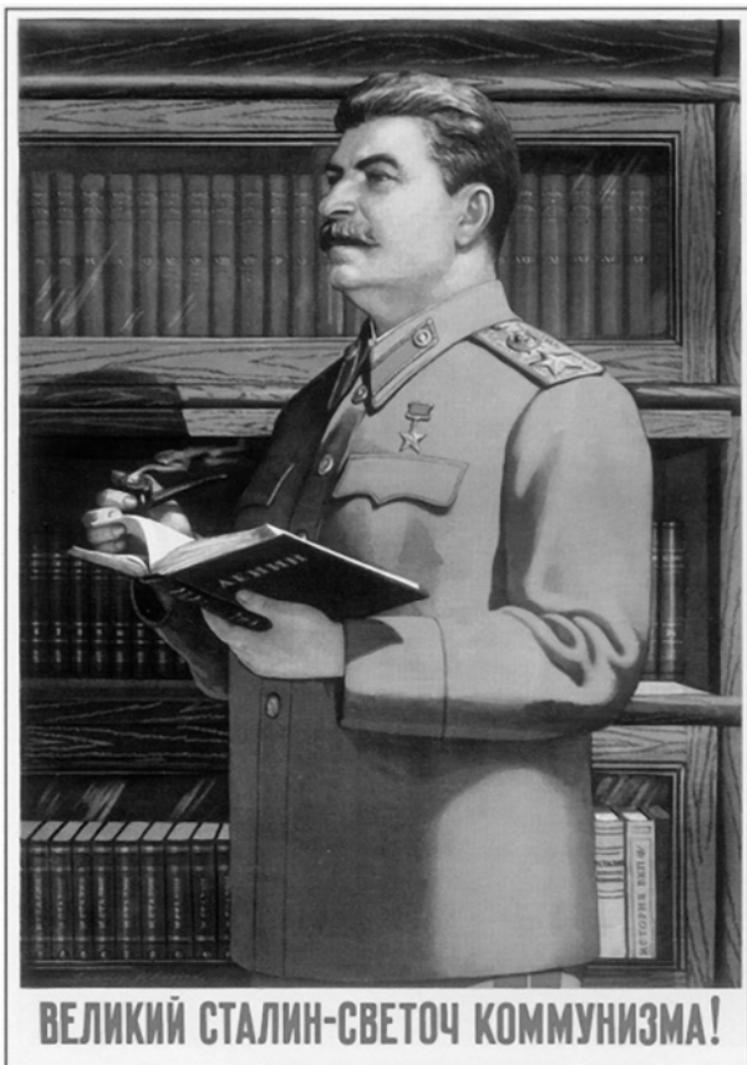
Четырёхчасовое собрание закончилось неожиданным образом. Сталин встал и направился... не к трибуне, а медленно покинул сцену. Что стояло за этим поступком? Нездоровье, усталость, что-то другое?

Казалось бы, всё шло по тщательно разработанному плану. Центральные газеты уже второй день печатали рапорты, приветствия, обязательства в честь

всенародного торжества. Много места отводилось фотографиям и плакатам вождя. Специальные полосы посвящались отчётам о том, как отмечается юбилей на всей планете. В связи с датой Президиум Верховного Совета предложил всем советским, центральным и местным учреждениям, посольствам, миссиям, консульствам и торговым представительствам СССР поднять на своих зданиях, железнодорожных станциях, водных пристанях и речных вокзалах, на судах военного и торгового флота, на жилых домах государственный флаг.

Заметной стала новая черта юбилейных мероприятий – повышенная обеспокоенность по поводу здоровья вождя. Это акцентировалось в здравицах, речах на собраниях и вопросах лекторам. Однако традиционные – к юбилею – изменения во властных структурах воспринимались в партии как признак силы, воли и способности навести порядок. После того как в годы войны Сталин возглавил правительство, туда из Политбюро переместился центр принятия управленческих решений. Партийный аппарат, благодаря которому Сталин обрёл единовластие, в сложившейся ситуации утрачивал своё прежнее значение и более не требовался вождю в качестве личной опоры. Однако после войны, когда генералиссимус должен был «ставить на место» различные группировки элиты и их лидеров, он вспомнил о личной опоре и сменил совнаркомовские рычаги управления на партийные.

Одновременно различными способами он уравнивал существовавшие центры власти. К примеру, 1949 год начался с ареста за «еврейский буржуазный

национализм» Полины Жемчужиной – жены Вячеслава Молотова, второго человека в стране. А в марте он потерял пост министра иностранных дел. Затем последовала массовая партийная чистка ленинградского партийного аппарата, освобождение от занимаемых постов руководителей области и города Петра Попкова и Якова Капустина. Одновременно шёл сбор компромата на Александра Кузнецова, Николая Вознесенского и Михаила Родионова, будущих главных фигурантов и жертв «ленинградского дела» 1950 года. Под конец 1949 года развернулось и дело «московское». 12 декабря решением Политбюро первый секретарь горкома партии Георгий Попов был отстранён от должности, началась чистка аппарата районного уровня. В Москву срочно вызывается Никита Хрущёв, который назначается не только секретарём ЦК и первым секретарем Московского горкома партии, но и рассматривается как своеобразный противовес Маленкову и Берии. Активно разворачивались и начатая в 1948 году борьба с так называемым космополитизмом и ликвидация «целой сети сионистских организаций».

Не уходила из-под контроля вождя и игра с собственным возвеличиванием. В частности, он воздержался от предложения писателя Леонида Леонова установить к 70-летию Сталина новое летоисчисление – со дня его рождения. В 1949 году Сталин вдруг решил сменить редколлегия «Правды», обосновав это намерение тем, что газета слишком раздувает культ его личности. Очевидцы рассказывали, что, медленно прохаживаясь по комнате, он начал называть членов редколлегии нового состава, все замерли. Рекомен-

довались на посты заведующих основными отделами те, которых давно уже не было в живых. Их уничтожили с согласия генсека, и он знал об этом. Никто не перебил Сталина. Главным редактором назначили Михаила Сулова, и тот всё отрегулировал.

К этому времени вождю, судя по всему, стало безразличным усиленное муссирование темы «Сталин – это Ленин сегодня». Он считал своё отождествление с вождем Октября отжившим. Как полагает историк Леонид Максименков, отделяя свой образ от фигуры основателя Советского государства, Сталин объективно облегчал своим наследникам трудную задачу быстрой и безболезненной замены сталинских символов ленинской символикой. В этом отразилась одна из особенностей сталинского культа: он не был статичной величиной, а даже при жизни вождя подвергался постоянным метаморфозам. Культ личности Ленина не входил в семантический ряд сталинизма в такой же форме, степени и объеме, как в конце 30-х годов. До войны режим всё ещё был занят легитимизацией власти Сталина, а теперь стала очевидной нецелесообразность словесных дифирамбов и апологетической информации о Сталине в канонизированном тексте, прямо ему не посвященном.

И всё же, что чувствовал и что задумывал Сталин, неожиданно покидая сцену Большого театра? Успокоенность и благодушие собравшейся старой номенклатуры? Непонимание новых опасностей и новой расстановки мировых политических сил? Неспособность уставшей страны собраться для нового рывка?

Да, документы свидетельствуют об ухудшении здоровья семидесятилетнего вождя, сокращении его работоспособности, возникновении настроений отчая-

ния – состояния, ранее ему совершенно неизвестного. На склоне лет, как замечают сталинские биографы, его уже больше волновало не описание собственного исторического пути, не коррективы, вносимые в его «Краткую биографию», а история Грузии, собственных истоков.

Все эти обстоятельства, однако, не мешали Сталину реалистично оценивать сложное положение СССР, особенно в связи с образовавшимся в 1949 году блоком НАТО. Готовность к новой схватке подпитывали успешные испытания атомной бомбы и полная победа коммунистов Китая в гражданской войне осенью 1949 года. США не захотели оказать правительству Чан Кайши массовой помощи. Сталин, расценив это как слабость американцев, решил продолжить натиск в Азии. Он санкционировал вторжение армии коммунистической Северной Кореи на юг Корейского полуострова. Реанимировались и методы Коминтерна в мировом коммунистическом движении. В ноябре 1949 года было объявлено, что Компартия Югославии находится «во власти убийц и шпионов», а её руководство во главе с Броз Тито – «фашистско-гестаповская клика». Так начиналась коминтернизация созданного после войны Коминформа.

Сталин действительно собирал силы и энергию для нового рывка, новой «великой чистки» высшей номенклатуры. Перемены диктовались своеобразным пониманием общих перспектив страны. По замыслу генсека, создаваемая в течение тридцати лет система должна была обрести окончательный облик – «дорасти» до такого уровня, который позволил бы перейти

к регулированию абсолютно всех социально-экономических процессов, заменить рынок и торговлю продуктообменом и распределением, осуществить переход

к коммуне как новому и единому типу общественно-производственных отношений. С подобной трансформацией Сталин отождествлял не только крупный шаг к коммунизму, но и окончательное уничтожение почвы для капитализма. С новыми перспективами связывался и решающий удар по корыстным интересам высшего чиновничества, неисчезающей коррупции (именно по этим причинам ежегодная ротация кадров достигла 20–22 процентов), системе «кормления» на разных уровнях партийно-государственного аппарата. Однако достижение искомого идеала предполагало новые репрессии, которые не случились.

Энигматичный уход со сцены Большого театра – вот наиболее знаковая метафора юбилея 1949 года. Можно сказать, что спустя двадцать лет повторилась ситуация контраста юбилеев Октябрьской революции и Сталина. Если тридцатилетие Октября, как отмечалось выше, стало римейком предыдущего юбилея, то семидесятилетие вождя явилось, без преувеличения, кульминационным символическим торжеством всей сталинской эпохи. Страна выдержала и достойно пережила эту кульминацию. А вот сам виновник торжества, похоже, так и не сумел найти своё новое место на этом буквально вселенском празднике. Культурному герою ощутимо требовался некий новый статус. Сам Сталин отчётливо ощущал такой запрос. Кстати, не исключено, что разнообразные параэсхатологические и конспирологические изыскания некоторых сегодняшних авторов, пишущих «апокрифы» о чуть было не состоявшейся в конце 40-х реставрации монархии, не лишены определённой логики. Во всяком случае, от вождя ожидался ход именно такого

уровня – нетривиальный и разом менявший весь привычный политико-идеологический ландшафт советской империи. Понимать-то Сталин это понимал, но вот были ли способен осуществить? Да и позволило бы ему пойти на такое «сумасбродство» его ближайшее окружение? Вряд ли. А потому гораздо правильнее было уйти со сцены – в прямом смысле этого слова, дабы остаться на ней главным действующим лицом в переносном смысле. Однако это, безусловно, подготовленное действие разыгранное в Большом театре, оказалось промыслительным – и для судьбы конкретной исторической личности, и для бытия её культурного героя.

1959: испытание памятью о вожде

После смерти Сталина прошло шесть лет. Его имя практически исчезло со страниц газет. Решением ЦК от 21 октября 1959 года Министерству культуры СССР было разрешено снять с продажи и списать как устаревшие издания «Краткого курса» истории ВКП (б), Краткой биографии И.В. Сталина, работы Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Ещё совсем недавно окружение Сталина молилось на него, а теперь рассуждало о совсем других вещах – к примеру, о пользе коллективного руководства. Многие думающие люди воспринимали это как оскорбление нравственного чувства. Не случайно отход от сталинизма часто начинался с желания защищать Сталина.

Литературный критик и публицист Игорь Дедков объяснял, что это желание выросло из попранного

чувства справедливости и правды, а не там, где искали службы госбезопасности – личное неблагополучие или влияние западных «радиоголосов». Однако после XX съезда защита Сталина стала невозможной по тем же нравственным причинам, но неизмеримо более глубокого свойства. Так были предопределены поведение и жизненная философия наиболее последовательной и независимой части молодежи. «Человеческие убеждения (вместе с усвоенными догмами) – писал Дедков – меняются нелегко... и никогда – по государеву указу, под давлением большинства, референдумов, опросов, под газетно-телевизионным нажимом. Обстоятельства переменчивы, верх берёт то одна, то другая сила, но к любой из них, восторжествовавшей, не знающей сомнений и не признающей альтернатив, относятся слова поэта: “Наверно, вы не дрогнете, / Сметая человека. / Что ж, мученики догмата, / Вы тоже – жертва века”. Если скомандовать: “Кру-гом!”, то повернётся ли вслед за туловищем и щелкнувшими каблуками с той же покорностью духовное существо человека – ещё вопрос».

Закрытые сводки КГБ за 1959 год фиксировали нарастание «нездоровых взглядов» именно после осуждения культа личности Сталина. Среди преподавателей-коммунистов одной из школ Свердловска высказывались мысли о том, что «коммунизм – идилия красоты, лганья и грубости». Или: «Интересно, кого пошлют бороться за идеи? Опять молодёжь? Мы уже устарели и, кажется, тупеем. Чёрт возьми всю эту борьбу в прятки». В объяснительной записке, составленной преподавательницей отделу УКГБ Свердловской области, можно было прочесть: «В годы

Отечественной войны я как в чистый кристалл верила в И.В. Сталина, по его зову пошла защищать Родину и, получив от него благодарность, я её хранила, как драгоценнейший документ, но когда я услышала о тех безобразиях, которые делал Берия, находясь по работе совместно со Сталиным, я потеряла идеал борьбы. В тот момент я бы наложила на себя руки, если бы у меня не было родителей».

Обращает на себя внимание выражение «борьба в прятки». Если иметь в виду «секретность» доклада Хрущёва, недосказанность и ограниченность постановления ЦК о преодолении культа личности, а также указания на соблюдение «меры критики культа», то это выражение вполне оправданно. Достаточно вспомнить отношение к писателю Владимиру Дудинцеву, обвиненному за то, что своим романом «Не хлебом единым» он пытался «под флагом борьбы против культа личности нигилистически перечеркнуть достижения советского народа и советской литературы за тридцать девять лет». И уж тем более судьбу Бориса Пастернака, исключённого из Союза писателей за публикацию за рубежом романа «Доктор Живаго». Вышедшая в 1959 году в издательстве «Посев» книга историка Абдурахмана Авторханова «Технология власти» сразу же попала в спецхран. По решению Политбюро она была перепечатана ограниченным тиражом (около 100 экз.) и с грифом «Рассылается по особому списку» передавалась членам Политбюро, секретарям ЦК и некоторым членам ЦК. После XX съезда они могли узнать о том, как была устроена их собственная машина при Сталине.

Казалось, возвращались времена борьбы с космополитизмом. Нападки на писателей, делился своими наблюдениями Илья Эренбург, были связаны с изменением политической ситуации. Люди старались не вспоминать о XX съезде и, конечно, не могли предвидеть XXII съезд. «Молодёжь пытались припугнуть, и студенты перестали говорить на собраниях о том, что думали. <...> Поворот был резким», – признавался позднее Эренбург.

Лакмусовой бумажкой глубины десталинизации, начатой сверху и стихийно поддержанной снизу, являлся масштаб гражданских реабилитаций жертв политических репрессий. Но этот процесс быстро прервался. В руководстве страны было немало людей, которые разделяли ответственность за террор, боялись прошлого и считали допустимым сохранение этого инструмента в резерве для удержания власти. Поэтому не нравственными мотивами руководствовался Хрущёв, определяя своё отношение к Сталину в связи с 80-летием со дня его рождения и ориентиры для конструирования памяти о нем. Редакционная статья газеты «Правда», помещённая 21 декабря в подвалах второй и третьей страниц на десяти колонках, называлась «Стойкий борец за социализм». Содержавшиеся в ней выражения типа «виднейший и активнейший деятель», «выдающийся теоретик и пропагандист», дежурные повторения положений XX съезда и постановления о культе создавали впечатление попятного движения. Причиной этого могло быть только выступление так называемой «антипартийной группы» в 1957 году, которая попыталась кулуарно, втайне от ЦК, снять Хрущёва. И хотя переворот не

состоялся, и реставрации сталинских порядков не произошло, обратила на себя внимание позиция «либерального» крыла ЦК в лице Дмитрия Шепилова, которого невозможно было отнести к лагерю оголтелых сталинистов. Он протестовал против нового вождизма, причем по идейным, а не властным побуждениям.

Быть может, смягчающей пилюлей для Хрущёва стало полученное им в начале 1959 года письмо Василия Сталина. В нём от души клеймились Молотов, Маленков, Каганович и Ворошилов: «Двойные подлещи! Сначала всё свалили на Сталина, а потом, прикрываясь любовью (!) к Сталину <...> хотели сорвать своё разоблачение, не стесняясь обманывать партию и народ. <...> Якобы защищая Сталина от нападков Хрущёва – повели борьбу с Хрущёвым – основной задачей, однако, имея своё собственное спасение от полного разоблачения, отнюдь не думая о Сталине, ибо использовали это уважаемое имя как фиговый листок, для скрытия своей отвратительнейшей действительности. <...> Надо открыть глаза партии и народу на эту двойную игру!.. Надо твёрдо и ясно сказать, что Хрущёв боролся за прогресс Родины, и является вождем нашего движения вперед – чему отдал всю свою жизнь Сталин – тогда как вся эта группа именно кощунствовала и ради спасения своей шкуры шла на всё».

Василию Сталину, умершему при странных обстоятельствах в 1962 году, не довелось узнать о новом – на этот раз удачном – заговоре против Хрущёва и восхождении Леонида Брежнева.

Лукавая хрущёвская десталинизация предопределила брежневскую стыдливую ресталинизацию. Такое

хождение по кругу объяснимо с позиции того, что произошло с проектом памяти о Сталине в эти годы. Возвращаясь назад, вспомним, что неудача ельцинского проекта антипамяти об Октябрьской революции коренилась в том, что волюнтаристским образом героев и субъектов поменяли местами, ликвидировав при этом зоны антипамяти как таковые и тем самым сделав предпринятую рокировку изначально малоубедительной. Хрущёв же осуществил точно такую же рокировку, но при сохранении и даже дальнейшем огораживании от посторонних зон антипамяти. А потому его борьба с культом Сталина также изобиловала невнятными шагами и не досказанными до конца разоблачениями. В каком-то смысле брежневская ресталинизация явилась пускай стыдливой, неуверенной, с бесконечными оглядками на мировое общественное мнение (причем, как сейчас понятно, не только социалистическое) попыткой вернуть пошатнувшуюся советскую систему в равновесное положение. Именно поэтому такая ресталинизация казалась совершенно естественной и уместной – несмотря на разительно усиливавшееся несоответствие имиджа дряхлевшего советского лидера и образа его в общем-то ровесника – культурного героя, победившего фашизм и создавшего мировую сверхдержаву.

1969: стыдливая ресталинизация

Подготовка к 90-летию Сталина велась сталинистами и антисталинистами заранее и, судя по всему, основательно. Сначала в январе и феврале выстрелил

журнал «Коммунист», объявивший Сталина «борцом за дело рабочего класса» и «выдающимся полководцем». Как бы в ответ в Москве по рукам пошла статья некоего Иванова (русского, члена КПСС) «О национальном стыде великороссов (К предстоящему 90-летию со дня рождения И.В. Сталина)». Центральное положение этой статьи: «Тот не великоросс, кто не испытывает великого стыда за 1968 год». Вступление в Чехословакию советских войск наложило на всех клеймо исторического позора. Искупить его можно, только следуя начинаниям «Пражской весны», только отринув «идеалы» сталинской казармы.

Одновременно негласно в крупных городах распространялась небольшая рукопись под названием «Время не ждёт» – своеобразный программный документ ленинградской группы западнического толка. Авторы протестовали против номенклатуры, ставшей «формой собственности». Альтернативой бюрократической стихии могли быть, по мнению авторов, выборность, сменяемость, гласность, отделение от партии и государства судопроизводства, милиции, армии и госбезопасности. Без политической демократии невозможно заставить «правлящую номенклатуру» уступить, нельзя предотвратить «возрождение сталинизма».

В сентябре–октябре журнал «Октябрь» опубликовал роман Всеволода Кочетова «Чего же ты хочешь?» – политический манифест правых, которые ратовали за укрепление авторитаризма и ностальгировали по железному порядку. Писатель устами своих героев откровенно критиковал не только «ревизионистов» и «ниспровергателей», но и режим, установившийся после XX съезда.

В ответ около 20 известных представителей советской интеллигенции, в том числе академики, писатели, старые большевики направили в ЦК КПСС на имя Брежнева письмо с осуждением романа «Чего же ты хочешь?». Не вдаваясь в литературные достоинства произведения, авторы письма выразили протест против поднятия на щит не Ленина накануне его 100-летнего юбилея, а Сталина. Обращавшиеся к генсеку возмущались: несмотря на осуждение культуры личности, Кочетов в каждой главе не просто возвеличивает Сталина, а проводит мысль, что после XX съезда советское общество начало вырождаться, а устами героев романа произносится: «В чём тут криминал – быть сталинистом?» А то и прямо: сталинисты – «властители дум в широком народе».

К разочарованию Кочетова, намечавшееся широкое обсуждение его сочинения было отменено сверху. Также неожиданно были свёрнуты и проработки писателей и идеологического актива по поводу исключения Александра Солженицына из Союза писателей. Возможно, на эти решения повлияли протесты западных интеллектуалов. В Европе раздавались требования о бойкотировании СССР. И даже в Москве, когда Солженицын появился на первом исполнении 14-й симфонии Дмитрия Шостаковича (по личному приглашению композитора), публика недвусмысленно выразила своё сочувствие писателю. Десятки людей подходили к нему и просили дать автограф.

21 декабря в «Правде» вышла с нетерпением ожидавшаяся редакционная статья «К 90-летию со дня рождения И.В. Сталина». Она появилась в подвале второй страницы на пяти колонках и оставила

у внимательных читателей впечатление двойственности и компромиссности оценок. Во всяком случае репрессии в период правления Сталина не были отнесены к числу его теоретических и политических ошибок, а культ – нанес вред, но «не изменил и не мог изменить природы социалистического общества».

В этом контексте совершенно по-иному воспринимались серьёзные дискуссии, развернувшиеся на Западе. В книгах Вернера Хофмана, Герберта Маркузе и статьях Витторио Страды сталинизм трактовался как чрезмерно ориентированный на власть порядок внутренних и внешних отношений общества, объявившего переход к социализму. Названные авторы предлагали разделять власть, связанную с силой государства и политической структурой, и господство – как социально-политическое состояние. Господство лежит в основе власти. Диктатура пролетариата – это не структура господства, а структура власти. Из этого различия, по мнению мыслителей, проистекает невозможность ставить знак равенства между сталинизмом и фашизмом при всем их формальном подобии – идеологии единственной партии, руководимой одним вождем, террористической полиции, централизованной экономики и пр. Принципиальное различие между сталинизмом и фашизмом – в системах господства (частной и общественной собственности, социальных целей систем). Сталинизм – система всеохватывающей власти. Следовательно, критика сталинизма не может ограничиваться критикой культа личности. В противном случае она превращается в субъективный волюнтаризм, который «сваливает на одну личность зло всей эпохи».

Для такого уровня обсуждения сталинизма в СССР понадобится ещё двадцать лет.

Нельзя не признать: в рамках дозволенного в 1969 году были предприняты все возможные шаги, призванные восстановить разрушенные неумелой хрущёвской десталинизацией идеологические ориентиры. Другое дело, что все постхрущёвские ресталинизаторы – от Сулова и до нынешних апологетов вождя – неизбежно спотыкаются об одно зримое и непреодолимое противоречие: что и кто суть субъекты памяти в проекте памяти о Сталине? Сам вождь, как указывалось выше, недвусмысленно видел в роли таких субъектов собственные же дефектные отражения, созданные по недомыслию или, напротив, злонамеренно. Однако апелляция к подобного рода субъектам выглядела бы странной и неизбежно скатывалась бы к анекдотичной (пускай хвалебной, но при этом всё же анекдотичной, а потому неуместной) сталиниане. Вот почему демонизация «британского шпиона» Берии и обезличенные эживоки на некие волюнтаристские силы выглядят ничуть не менее одиозными, чем многие сегодняшние респектабельные построения о «заговоре» космополитических элит в конце 40-х – начале 50-х или всевластии микояновской торгово-теневой мафии.

1979: культ без личности

К 1979 году Леонид Брежнев занял все мыслимые партийные, государственные и общественные посты – их было в его коллекции больше, чем у Сталина. Но важно другое – к Брежневу всё чаще привязывалось

понятие, которое, казалось, навсегда выпало из партийного лексикона, – вождь. Дискредитированное Сталиным, оно теперь возвращалось в идеологический арсенал. Первым слово «вождь» произнёс Андрей Кириленко, а затем его повторяли Динмухамед Кунаев, Гейдар Алиев, Эдуард Шеварднадзе, Виктор Щербицкий. Однако наполнение этого понятия было искусственным. Создавалась видимость вождизма, единовластие имитировалось. А потому остро ощущался недостаток действительно твердой руки, способной навести порядок и начать глубокие экономические преобразования. Символом этих ожиданий негласно становился образ Сталина, который вспоминался всё чаще и чаще. Стихийно к этому образу тянулись различные слои населения.

В школьных учебниках конца 1970-х годов имени Сталина почти не было, но его фотографии можно было очень часто видеть на лобовых стеклах грузовиков. Некоторые западные эксперты усматривали в этом не просто протест против слабости брежневского руководства, а наличие в русском народе устойчивой любви к «великому человеку» и ностальгию по «старым добрым временам».

В сводках КГБ и анонимных письмах наверх не скрывалось, какие вопросы звучат среди людей: «Что делается? Куда мы катимся? О каком коммунизме может идти речь? Кто верит в этот коммунизм? Абсолютно никто! Мы, будучи молодыми, так верили в светлое будущее! Так надеялись на что-то хорошее! Ну и что же теперь? Всё хуже и хуже мы живем. Сплошные проблемы». В числе этих проблем назывались обесценивание денег и дефицит, огромные

очереди за необходимыми продуктами, блат как неотъемлемая черта системы торговли, равнодушие. «Если бы Вы знали, – писал некто Иванов в письме на домашний адрес первому секретарю Свердловского обкома партии Борису Ельцину, – какие анекдоты сочиняет народ про Брежнева, про наше правительство! И ведь, понимаете, всё правильно, всё верно подмечено! Брежнева народ ненавидит, молодёжь его не уважает, смеется над ним. В печати и по радио сплошная говорильня, сплошные призывы и фразы».

Традиционная для 21 декабря юбилейного года редакционная статья в «Правде» под названием «К 100-летию со дня рождения И.В. Сталина» была далека от всех этих проблем и, скорее всего, разочаровала читателей. Приход к власти Юрия Андропова каким-то образом стал реализацией чаяний на возвращение к порядку и перемены к лучшему. Он оказал мощное, напоминавшее сталинский стиль работы с кадрами давление на номенклатуру, использовавшую государственную собственность в своих интересах. Складывалось впечатление, что Андропов стал готовить мобилизационный рывок, ускорение, чтобы вывести страну из застоя.

Столетие вождя выпало на время апогея брежневского благополучия – ещё не рухнули мировые цены на ближневосточную нефть, а до афганской авантюры оставались считанные дни. И сотворённый под этот юбилей проект памяти как нельзя лучше соответствовал именно такому благополучию. Советская система нуждалась в Сталине, но в Сталине медийном – из сериала «Освобождение», – но, упаси Бог, не более того. Такой медийный, или, скажем сильнее, прирученный

Бухути Закариадзе в роли Сталина в фильме «Освобождение»

Сталин сполна удовлетворял ностальгический запрос на героику, тем более что требовавшаяся доза подобной героики вполне ограничивалась возможностями телеэкрана. Общество – заметим, именно общество, а не только его коррумпированная элита – одновременно и нуждалось в Сталине, и ни в коем случае не хотела выпускать его с экранов телевизоров в реальную жизнь. Через несколько лет, когда преемник Брежнева предпримет непоследовательные и фрагментарные попытки навести элементарный порядок в стране, недовольными окажутся не только «верхи», но и «низы» – научившиеся жить и вертеться в мутной воде застоя. Иными словами, растяжка между засушенными сусловскими формулировками редакционной статьи «Правды» и сказочным образом гения из эпопеи «Освобождение» была предельно адекватна породившей её эпохе и полностью соответствовала тогдашнему запросу на «реабилитированного» Сталина.

1989: ловушки деконструкции тоталитаризма

Летом 1987 года в журнале «Коммунист» завершился круглый стол по проблемам советского прошлого, его участники собрались уже уходить, но молодой историк Владимир Козлов остановил всех фразой: «Нас не поймут, если мы не коснемся культа личности». Так всё ещё называли проблему сталинизма. Но Козлов предложил ввести в научный оборот термин «режим личной власти», заимствованный из книги

Николая Бухарина «Экономика переходного периода» и замечаний Ленина на полях этой работы. К 110-летию Сталина термин «сталинизм» звучал громче, хотя многие обществоведы продолжали его сторониться, считали «не нашим». Когда стало ясно, что перестройка невозможна без отрицания административно-командной системы, естественным было обращение к отцу этой системы, с чьим именем она ассоциировалась, её олицетворению и символу – к Сталину. Появление в газете «Советская Россия» 13 марта 1988 года статьи Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами», явно направленной на историческую реабилитацию Сталина, а значит, и созданной им системы, последовавший меньше чем через месяц – 5 апреля – редакционный ответ «Правды» обострили проблему разоблачения Сталина и сталинизма. Желание провести водораздел между Лениным и Сталиным было в то время всеобщим. На людей обрушился поток информации о «белых пятнах» сталинского периода.

В 1989 году в «Известиях ЦК КПСС» впервые был опубликован секретный доклад Хрущёва на XX съезде. Часть делегатов первого и второго Съездов народных депутатов открыто критиковали сталинскую систему, давали негативную оценку секретным протоколам пакта Молотова–Риббентропа, приняли Декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». Появилось общество «Мемориал». Михаил Горбачёв восстанавливал нить, оборванную в 60-е годы, – произошел поворот в политике реабилитации,

начал готовиться указ «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 1920–1950-х годов». Открыто назывались имена палачей Большого террора.

Однако публицистика, распространяя сведения о преступлениях Сталина, в то же время множила количество ошибок, воспроизводила старые, давно отвергнутые наукой мифы (например, о причастности Сталина к агентуре охраны). В 1988–1989 годах людям, писавшим о проблемах сталинизма, конечно, было трудно предвидеть все последствия разоблачения сталинизма. Читательская реакция показывала, что в России по-прежнему не одна правда, а ровно столько, сколько людей. И тем не менее ученые стали формулировать вопросы о предпосылках и доктринальных корнях сталинизма, о коллективной ответственности ЦК партии, о выявлении социальных сил, на которые опирался Сталин. Достоянием читателей становились исследования зарубежных исследователей. Американский историк Стивен Коэн в кампании против Сталина объяснял выгоды опоры на Бухарина, поскольку именно последний превратился в «символ борьбы между реформаторами-антисталинистами и консерваторами-неосталинистами в коммунистическом мире – от Москвы до столиц еврокоммунизма».

Весь Запад внимательно следил за процессом переосмысления истории в СССР. Французский историк Франсуа Кокэн справедливо отмечал: некоторые советские авторы пришли к выводу, что в рождении сталинизма в той или иной мере участвовали представители всех уровней государства и общества. Причины этого не могут быть сведены только к личному страху или эгоизму. Они (эти причины) связаны и с определенными амбициями (личными, патриотическими или другими), влиянием идеологической об-

работки и даже просто с привычкой почитать «начальство». Ясно, что сталинский режим опирался, по крайней мере, на пассивное сотрудничество представителей различных общественных слоев. Поэтому в феномене Сталина необходимо отличать то, что являлось специфичным для этой личности, и то, что определялось системой и от Сталина не зависело.

Сталинская волна шла на спад по мере нарастания внутренних перемен. И как справедливо замечал Леонид Радзиховский, на этот раз речь шла не просто о «втором разоблачении» Сталина, а о ликвидации основ тоталитаризма – монополии партии на власть и идеологию, а главное – государственной собственности. Не забудем и о внешних факторах. Революции разной степени «бархатистости» прокатились по всей Восточной Европе: коммунистические режимы сыпались, как костяшки домино. Сигналом к сходу лавины, как теперь очевидно, стало решение «берлинского вопроса». Падение стены означало не только окончание холодной войны, а крах коммунизма, финал сталинского наследия. Через два года это случится и в СССР. Пока же первые социологические опросы, проводимые открыто, показали, что Сталин по популярности занял место в конце первой двадцатки знаменитых исторических деятелей.

Правда, тогда ещё никто не подозревал о коварных ловушках деконструкции тоталитаризма. Поэт Тимур Кибиров, представитель московского концептуализма, попробовал фантастически перестроить памятник Сталину в памятник Пушкину, сопровождая это действие умилениями «лирического героя» по поводу преодоления сталинизма. Всё это завершается

«неожиданной» передачей поэту сталинского контекста при одновременном сохранении пушкинского:

Пушкин – наш! Народу он любезен!
Он артиллеристам дал приказ!
С трубкой мира, с молодежной песней
он в боях выращивает нас!

Нельзя не согласиться с культурологом Игорем Ермаченко в том, что Кибиров уже тогда указал на потенциальную опасность, коренящуюся в историческом сознании, – опасность того, что на деле оно окажется суммой стереотипов, своего рода трансформером, открытым для любых манипуляций. То есть деконструкция тоталитаризма способна оборачиваться его реконструкцией под флагом возвращения к «исторической правде».

Последовательные предположения героя о перестройке памятника Сталину в памятник Ленину, Черненко, Карлу Марксу, Пугачёву и, наконец, Пушкину – не цепочка абсурдистских акций, а ироничное чередование этих персон. Ленин в «очеловечивающей» стилистике пьес Михаила Шатрова идёт на первом месте, поскольку это ближайшая стадия возвращения к истокам «подлинного социализма». Черненко идёт на втором месте как «меньшее в сопоставлении со Сталиным зло» и как показатель горизонта ожиданий «реалистов», которые были застигнуты перестройкой врасплох. Маркс – отсылка к «марксистской оппозиции» в СССР и одновременно возможная платформа ревизии «реального социализма». Пугачёв – образ стихийно-хрестоматийный, но одновременно скрытая эманация и революционно романтизированного Ленина, и Пушкина. Наконец, сам Пушкин – «наше всё» и соответственно максимум ожиданий.

Проблему личной ответственности, пресловутого субъективного фактора в истории высвечивал от противного и Дмитрий Пригов:

Нет. Сталин тоже ведь – не случай,
Не сам себе придумал жить,
Не сам себе народ придумал,
Не сам придумал эту смерть,
Но сам себе придумал смель
Там, где другой бы просто умер,
Чем жить.

Сегодня очевидна справедливость этих предвидений. Но тогда 1989-й заканчивался показательным отсутствием в «Правде» традиционной статьи об очередном

Гори, музей Сталина

юбилее Сталина. А в это время в городе Гори проходил учредительный съезд «Общества защиты Сталина», в Москве создавалась партийная группа «Единство – за ленинизм и коммунистические идеалы» во главе с Ниной Андреевой.

Горбачёвская десталинизация походила на десталинизацию хрущёвскую в главном – она точно так же поменяла местами культурного героя и субъектов, оставив при этом нетронутыми заповедные зоны антипамяти. Конечно, таких зон на излёте 80-х стало гораздо меньше, чем на излёте 50-х, да и уровень их закрытости был уже гораздо слабее. Однако они сохранялись – причем уже самим фактом своего существования в виде аморфных и легко проницаемых сегментов пространства памяти такие зоны как бы

провоцировали действия, направленные на слом в принципе всего советского проекта памяти о Сталине. Однако судьба этого проекта оказалась более удачной, нежели проекта, организовывавшего историческую память об Октябрьской революции. Во-первых, у нового режима не было ни сил, ни желания (последнее обстоятельство доказывают события последующих манипуляций вокруг имени вождя) полностью и окончательно уничтожить этого культурного героя. Во-вторых, с памятью о Сталине произошло то, чего не случилось с памятью об Октябре. Официальному (пускай слабому и половинчатому, но при этом всё же исходящему от действующей власти, что в условиях нашей страны немаловажно) проекту анти-памяти был противопоставлен мощный и хорошо организованный контрпроект, отражавший настроения значительной части общества и его элит. Есть соблазн предположить, что за этим контрпроектом также проглядывают кремлевские уши – уж слишком он непотопляем, и его судьба столь разительно отличается от судьбы советского проекта памяти об Октябре. Однако пока что такой соблазн подкрепляется лишь догадками и версиями – и ничем более.

1999: в ожидании вождя

120-летие Сталина впервые отмечалось в новой стране, которая после событий 1991–1993 годов и дефолта 1998-го была не просто уставшей от катастрофических перемен, но и фактически лишена ясных смыслов существования. Разъедающая апатия и безразличие

проникли во все поры социального организма. Люди равнодушно взирали на начавшийся летом 1999 года на Северном Кавказе новый виток дезинтеграции государственного пространства России. В этом вакууме в общественном сознании вновь возник образ Сталина.

К парламентским выборам в декабре 1999 года был создан новый сталинистский блок «За СССР». По всей столице появилось лицо вождя на плакатах – слабый отзвук того, как это выглядело во времена расцвета его славы (эта партия, кстати, совсем немного не добрала до пяти процентов, необходимых для попадания в Думу). Особый смысл приобретало решение Главной военной прокуратуры от 30 сентября 1999 года об отмене вердикта Военной коллегии Верховного суда СССР и снятии с Василия Сталина всех политических обвинений (клевета на руководство партии, антисоветская пропаганда).

В 1999 году журнал «Наш современник» и некоторые коммунистические и патриотические издания («За Родину, за Сталина!», «Русский вестник» и др.) без ссылок на источники опубликовали сенсационные материалы о том, что в 1939 году Сталин радикально изменил государственный курс по отношению к Православной церкви. Он якобы прекратил гонения на духовенство и верующих, провел в ноябре–декабре того же года массовую амнистию осужденных по церковным делам. Авторы приводили даже «Выписку из протокола № 88 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1939 года» с подзаголовком «Вопросы религии» за подписью Сталина. Новую версию церковно-государственных отношений подержали некоторые профессиональные историки, она

быстро проникла в отдельные вузовские учебники и хрестоматии, рекомендованные Министерством образования РФ.

Историк Игорь Курляндский провёл тщательное расследование «сенсации» и сделал по её поводу ряд официальных запросов. В результате отсутствие подложного «документа» от 11 ноября 1939 года ему засвидетельствовали Центральный архив ФСБ, где хранятся документы НКВД, и Архив президента РФ, где находится фонд Политбюро ЦК. На самом деле не проводилось никакой массовой амнистии осужденных по церковным делам ни в ноябре–декабре 1939 года, ни позднее. А «справка» Берии от 22 декабря 1939 года на имя Сталина о выпуске в ноябре и декабре десятков тысяч человек, пострадавших по церковным делам, оказалась фальшивкой.

То есть для поддержания образа Сталина стали использоваться не просто мифы и домыслы, но и прямой подлог, фальсификация документов. Одновременно апологетические биографии вождя брались под защиту некоторыми представителями академической науки. Именно так произошло с книгой «Полководец Сталин», написанной в 1999 году Борисом Соловьёвым и Владимиром Суходеевым. В предисловии действительного члена РАН Юрия Кукушкина даже умеренные критики вождя превентивно объявлялись «фальсификаторами истории», представителями «антинародных сил», которые «нагло искажают» прошлое, применяют «подлые методы» и повторяют тезисы «гитлеровских пропагандистов».

Когда научная оценка становилась угрожающим политическим манифестом, сохранялась лазейка для

фантастических художественных допущений. Именно этим и воспользовался Владимир Сорокин в своем романе «Голубое сало». В юбилейном году читателю предлагался фантастический мир тоталитарной идиллии, в отличие от реального послевоенного мира. Берлинская стена превращалась в символ не разделения, а единства двух империй, вся система международных отношений держалась на дружбе-вражде пассионарных вождей – Сталина и Гитлера. Они ведут борьбу за неуничтожаемую творческую сверхэнергию – голубое сало. В финале Гитлер проигрывает советскому вождю решающую схватку за голубое сало: «Голубое сало хлынуло в мозг Сталина. <...> Мозг Сталина стал расти. Череп вождя треснул. Это... я! – успел проговорить Сталин. Мозг разорвал его череп, раздулся бело-розовым шаром, коснулся стены и стола. <...> Мозг Иосифа Сталина постепенно заполнял Вселенную, поглощая звезды и планеты».

Эта аллегория отражала основную причину крушения тоталитарных режимов как в Германии, так и в СССР и даже при фантастическом раскладе – если бы им удалось в союзе достичь мирового господства. Собственная энергия власти и творческая энергия общества перерастают тесные рамки режима и обрушивают его. Как признавался Сорокин в одном интервью, «тоталитаризм – это такой диковинный цветок, который очень редко цветёт».

По странному стечению обстоятельств в 1999 году сталинский юбилей практически совпал с думскими выборами, исход которых фактически означал поражение той части элиты, которая ориентирова-

лась на Юрия Лужкова и перешедшего на его сторону Евгения Примакова и поддерживала этих политиков в их противостоянии ельцинскому Кремлю. А значит и официальному кремлевскому преемнику – Владимиру Путину. Пропутинское «Единство» обошло «Отечество – Всю Россию» экс-премьера и московского мэра. Казалось, что на фоне решающей схватки за ельцинское наследство об очередной круглой дате со дня рождения Сталина никто и не вспомнит. Однако произошло как раз обратное – эта схватка (точнее, её завершающая и наиболее загадочная фаза) оказалась осенённой именем вождя.

Любопытно, что на следующий день после юбилея, 22 декабря, в «Независимой газете» (негласно считавшейся на протяжении второй половины 1990-х и в самом начале 2000-х новой кремлевской «Правдой»), в которой, в частности, незадолго до думских выборов были опубликованы вероятные сценарии смещения Путина с премьерского поста – что, возможно, и предотвратило их осуществление) вышла статья главного редактора Виталия Третьякова под броским заглавием «Сталин – это наше всё». Автор отмечал: «Просвещённый чекист Владимир Путин, просвещённый жестокий реформатор Анатолий Чубайс, просвещённый олигарх Борис Березовский – вот три лика Сталина сегодня». То есть получалось, в конце 1999-го для решения конкретной прикладной (но на тот момент самой главной!) политической задачи – обеспечения преемственности власти – был вызван дух именно Сталина.

Впоследствии решительные действия Владимира Путина по наведению элементарного порядка, укреп-

лению государственности, возведению вертикали власти, его обращение к советской символике, возрождение им сталинского гимна, но с новым текстом каким-то образом отодвинули образ Сталина в тень. «Левада-Центр» зафиксировал, что даже после тяжелого экономического кризиса 1998-го с утверждением «наш народ никогда не сможет обойтись без руководителя такого типа, как Сталин, рано или поздно он придёт и наведет порядок» в 1999-м согласились всего лишь 18 процентов опрошенных.

Символическая реставрация сталинизма в ситуации транзита власти 1999 года – убедительное подтверждение того, что новая российская власть не желала расставаться с образом вождя так же легко и бесповоротно, как с символикой Октябрьской революции. В определенном смысле сталинский юбилей 1999 года явился повторением юбилея 1979-го: в памяти о вожде, определенным образом сконструированной и преподнесенной, в 1999 году нуждались практически все – и власть, и элиты, и общество. Можно без преувеличения сказать, что тогда этот культурный герой поделился своей харизмой с ельцинским преемником, оказавшимся точкой сборки распадавшегося социума, национальным консенсусом, организующим началом конструктивного большинства против деструктивного меньшинства. Но в главных проектах 1999-го и 1979-го оказались абсолютно идентичными: и там, и там Сталин был чересчур медийным, даже гламурным (в 1999-м). Ощущение фантасмагоричности происходящего от сравнения вождя с главным приватизатором и главным олигархом возвращало в последние месяцы брежневского

благополучия, когда дозированное телеупотребление Сталина превращалось в стимулирующую инъекцию национального адреналина и оставалось абсолютно безопасным для всех пороков и изъянов существовавшего режима.

2009: Сталин с нами, Сталин – в нас

В 2009-м, по существу, завершался марафон, начавшийся ещё в 2003-м, когда отмечалось 50-летие ухода Сталина из жизни. Тогда в Музее современной истории России (бывшем Музее революции) открылась выставка «Сталин: человек и символ». Перед посетителями предстали фотографии, плакаты, письма и подарки Сталину от рабочих и руководителей зарубежных стран. Создатели выставки использовали сталинские реликвии из богатейших запасников музея. Многие экспонаты не видели дневного света с тех самых пор, как Никита Хрущёв, придя к власти, развенчал культ личности. Экспозицию посетили тысячи людей. «Такого не припомним, – признавались служительницы музея, – очередь у кассы выстраивается с самого утра. Прямо паломничество какое-то».

Начиная с 2004 года, когда исполнилось 125 лет со дня рождения Сталина, развернулась настоящая борьба его образов – прежде всего на телевидении. Экранизации по произведениям Анатолия Рыбакова, Варлама Шаламова, Александра Солженицына показывали Сталина как преступника и тирана. А сериалы типа «Сталин.Live» выстраивали образ победителя, архитектора порядка и справедливости. Причём,

полагая, что полностью обелить вождя не удастся, авторы «Сталин.Live» откровенно предлагали зрителям поиграть в мифы. Сталина превращали чуть ли не в святого, игнорируя реальную подоплеку его отношений с Церковью. Акцент исключительно на войне и предзаданной Победе должен был вытеснить память о репрессиях, а триумф – ответственность за развязывание войны и заплаченную цену. На это активно работала не только военная и религиозная, но и семейная канва сериала. Расчёт понятен: если не получится с возвеличиванием героя, то уж сентиментализация его отношений с родными сработает непременно.

Избрание в начале XXI века мифа в качестве познавательного инструмента советской реальности не было случайным. Старые знания и законы можно опровергнуть новыми, а мифы не дают такой возможности, они повторяют канонические объяснения. При этом рукотворные политические мифы ничего не скрывают, их тактика – не правда и не ложь, а просто отклонение от реальности. Именно с этой стороны и стали предприниматься попытки ресталинизации. Очевидно, что некоторые группы интеллектуалов захотели сделать историю вновь иррациональной. Или не историю, а игру в историю. При доминировании иррациональных доказательств легче манипулировать сознанием, а следовательно, и поступками людей. Так послушное прошлое может обернуться иллюзией послушного будущего. И в нем, к примеру, не исключена канонизация Сталина. Не случайно же, наверное, под конец 2008 года в храме в Стрельне выставили икону с изображением

Сталина. Надо отдать должное руководству РПЦ, которое мгновенно отреагировало на это и осудило

инициатора этого шага – настоятеля храма игумена Евстафия (Жакова).

Запутанным технологиям игры в «Сталин.Live» и различным псевдоисторическим провокациям мощную конкуренцию составляли откровенные и завораживающие тексты мифотворцев вроде Александра Проханова. На международной конференции АИРО-XXI по старо-новым российским мифам он назвал четыре причины, которые позволяют Сталину закрепиться в общественном сознании русского человека и стать «дивным мифом, с которым бессмысленно бороться, потому что любая форма борьбы с этим мифом только усиливает его, только укрепляет его».

Первая. Сталин возник из бездонных глубин русского сознания. Запечатлел неискоренимые русские архетипы. Воплотил глубинные коды русского человека, неистребимые, откуда существует Россия.

Вторая. Сталин создал глыбу государства. Он пронизал его мистическим светом, наделил запредельной мечтой, поместил в лучезарный ореол сказочной утопии о вселенской справедливости, о братском равенстве, о достижении райского блаженства.

Третья. Сталин не просто манил народ из-за горизонта этой нарисованной на клеенчатом коврикe картинкой. Он предложил народу – нет, не той половине или трети, или одной седьмой, которая сидела в лагерях, но другой, находившейся по эту сторону колючей проволоки – идею героизма, идею творчества, идею непрерывной вертикальной мобильности.

Четвёртая. Сталин сотворил чудо Победы 1945 года. Конечно, её выиграли и танки Т-34, и секретари райкомов, и, конечно, заградотряды со штрафниками.

Но пропаганда, говорящая о том, что народ, а не Сталин, выиграл войну, смехотворна, потому что народ не выиграл японскую войну, народ не выиграл германскую войну. На излёте того темпа, того ресурса, который был добыт народом в результате Победы, произошёл полет Гагарина – этого богочеловека, который тоже является частью сталинского мифа.

В принципе, вокруг этих четырёх постулатов писателя и развернулась дискуссия в 2009 году. Сталин стал чуть ли не главной темой общественной дискуссии. Не проходило и дня без телепередачи или фильма о Сталине, о нем спорили колумнисты и участники интернетовских форумов, а в блогосфере продолжалось обсуждение результатов телевизионного проекта «Имя Россия», где Сталин занял третье место. Разброс мнений определили высказывания типа «Сталин – реинкарнация Петра I» (писатель Святослав Рыбас) и «Сталин – органический продукт сатанинской большевистской системы» (депутат Владимир Мединский). А часть уязвленной интеллигенции сосредоточилась на новом издании книги Виктора Ерофеева «Хороший Сталин» с рассуждениями о том, что настоящая судьба России – Сталин, что для этого народа он как раз и хорош, потому что «русская душа по своей природе сталинистка».

Под подобные представления легко можно было подвести и политологическую базу. Во всяком случае, обратило на себя внимание заявление Михаила Делягина о том, что оптимальная программа российской модернизации должна заключаться в своего рода «неосталинизме», то есть в концентрации ресурсов при государственном стимулировании, возможно

Метро «Курская-кольцевая»

более массовой интеллектуальной деятельности и максимально быстром и широком применении её результатов. «Жесткость государственного управления и использование не заимствованных, а отвечающих национальной культуре институтов демократии (если не путать их с коррупционной импотенцией) не противоречат ни интеллектуальной деятельности (чему примером служат Япония и Сингапур), ни успеху в современной глобальной конкуренции и технологическом прогрессе (помимо них примером является Китай)», – подчёркивал Делягин.

В августе 2009 года показательно совпали первое заседание президентской комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России и открытие после реконструкции вестибюля станции метро «Курская» с восстановленной строкой старого гимна: «Нас вырастил Сталин на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил». Спустя два месяца главный архитектор

Москвы заявил, что нужно вернуть и памятник Сталину, который стоял в вестибюле станции при жизни вождя. Этот выпад, однако, уравновешивался обнародованием решения о том, что в обязательную школьную программу включаются фрагменты главной антисталинской книги советской эпохи – «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына.

В октябре завершилось «историческое дело», возбужденное по иску внука Сталина Евгения Джугашвили к «Новой газете» и её автору Анатолию Яблокову о защите чести и достоинства Иосифа Джугашвили. Заседания Басманного районного суда Москвы привлекли редкий интерес российской общественности и СМИ. Истец просил признать вымышленными, не соответствующими действительности и унижающими честь и достоинство Сталина сведения, содержащиеся в статье «Виновным назначен Берия», о том, что «Сталин и чекисты повязаны большой кровью», что «Сталин и члены Политбюро ВКП(б), вынесшие обязательное для исполнителей решение о расстреле поляков (имеется в виду «катынское дело». – Г.Б.), избежали моральной ответственности за тягчайшие преступления» и др. Выслушав участников процесса и исследовав собранные по делу доказательства, суд посчитал, что исковые требования удовлетворению не подлежат. Однако чуть позднее со Сталина было фактически снято обвинение в организации убийства Сергея Кирова. Обнародование в Санкт-Петербурге дневника убийцы Николаева закрыло (скорее всего, не окончательно, а на какое-то время) «дело» о злодее из-за кремлевских зубцов и превратило выстрел в Смольном 1 декабря 1934 года в трагическую развязку банального трудового спора.

Представление о состоянии и настроениях общества в год 130-летия со дня рождения Сталина давало исследование ВЦИОМа. 29 процентов россиян хотели бы видеть во главе государства политика, подобного Сталину. Это существенно меньше, чем несколько лет назад – в 2005 году желавших видеть у власти лидера сталинского типа было 42 процента. Количество убежденных противников сталинских методов руководства за последние четыре года также увеличилось с 52 до 58 процентов. Число тех, которые затруднились ответить на вопрос, возросло с 7 до 13 процентов. Увеличилось также количество респондентов, равнодушно относящихся к личности Сталина. Если в 2001 году таких было 13 процентов, то в 2009 году имя Сталина не вызвало никаких эмоций у 28 процентов опрошенных. При этом положительные эмоции по отношению к нему испытывают 37 процентов россиян, а на негативное отношение указали 24 процента респондентов. Определение Сталина как жестокого тирана, уничтожившего миллионы людей, поддержали 35 процентов опрошенных. Столько же заявили о его выдающейся роли в победе в Великой Отечественной войне. Выросло также количество россиян, считающих Сталина мудрым руководителем. Если в 1998 году таких было 16 процентов, то в 2009-м – 21 процент.

Довольно весомо на этом фоне прозвучали и слова президента Дмитрия Медведева 30 октября в День памяти жертв политических репрессий о том, что террору и «преступлениям Сталина» не может быть оправдания. В ответ некоторые политологи поспешили намекнуть на то, что организаторам первой

и второй десталинизаций – Хрущёву и Горбачёву – их борьба с вождем не принесла счастья, обоих сбросили.

В итоге юбилейный год так и закончился невнятицей относительно перспектив новой – третьей – попытки десталинизации. В свою очередь обзор всех фактов и мыслей по поводу Сталина и сталинизма в 2009 году оставляет горький осадок. Много шума и ругани, обоюдной злобы и суеты, но крайне мало продвижения в осмыслении и оценке этого уникального явления XX века. В этом отношении ушедший год оказался провальным. Академическая наука просто промолчала. Публицистика тоже не предложила новых идей.

По сути, проект памяти о Сталине 2009-го ничем не отличался от проекта 1999-го. Ни очередной всплеск телесталинизма, ни резкие медведевские оценки вождя ровным счетом ничего не означали. Они лишь создавали ту самую рекламную разноголосицу, без которой немислимо общество потребления, в том числе потребления утонченного – идейно-смыслового и ценностно-эстетического. Если советский проект памяти об Октябрьской революции и постсоветский антипроект срослись в нечто кентаврическое, то с проектом памяти о Сталине получилось иначе. В неразрывное целое сплелись сразу три проекта памяти – старый советский, новый официальный антипроект (сегодня сводящийся преимущественно к президентской риторике) и новый же общественный контрпроект. И в этом «трёхглавом» качестве память о Сталине была каталогизирована в качестве товара в супермаркете идеологического ширпотреба. Выбор при таком раскладе становится исключительно де-

лом вкуса, а не результатом притяия или неприятия рациональных доводов из прежде закрытых для доступа зон антипамяти. Само противостояние культурных героев и субъектов памяти теряет всяческий смысл, когда выбор диктуется жаждой разнообразия, скоропреходящей модой или котирующимся стилем. Любое морализаторство становится бессмысленным, когда оценке подвергается не феномен памяти, а рыночный товар.

Как преодолеть плен сталинского образа?

И тем не менее десять сталинских юбилеев – достаточная основа, чтобы увидеть и как сам Сталин обустроивал эти праздники, и как власть, потеряв вождя, не могла пройти мимо круглых дат, пытаясь прояснить для себя и страны нечто важное. Понятно, что сегодня абсолютно неактуальны разговоры о практическом или теоретическом сталинизмах. Есть биография конкретного человека, но есть и образ, неотделимый от легенды. Конкретная биография подлежит изучению, уточнению, обсуждению. Образ выполняет совершенно иную задачу. В нём мало конкретных сведений, много размытости. В его создании исключительно важную роль играют стереотипы, которые эмоционально окрашены и обладают большой устойчивостью. И если личный опыт человека противоречит стереотипу, то в этом случае большинство людей либо просто не замечают этого противоречия, либо считают его лишь некоторым исключением, подтвер-

ждающим правило. Это открывает большие возможности для манипуляции сознанием, особенно со стороны тех, которые владеют СМИ.

Однако последний сталинский юбилей показал, что впервые не власть освещает и трактует фигуру Сталина, а сам образ Сталина, выскочивший из-под контроля, конструирует пространство памяти, указывает, как его надлежит трактовать и увязывать с сегодняшней повесткой дня, за что хвалить и за что осуждать. (Последнее явилось подлинным новшеством именно последнего юбилея: на фоне пересудов об устойчивости тандема и ставших модными в нынешней политтусовке пари о сроках его раскола медийный Сталин образца 2009-го, казалось, имел лишь единственный недостаток – он не обеспечил преемственности собственной власти.)

Это происходит потому, что в игре со Сталиным власть обнаружила непоследовательность, а значит – слабость. Сначала была предпринята попытка внедрить по заказу Кремля наставление для учителей с новым образом Сталина как «эффективного менеджера». Причём, в режиме апологии авторитаризма, имперской державности и по-сталински «счастливой истории» для воссоздания национальной идентичности. Затем в тех же учебниках появились поясняюще-примиряющие интонации о роли сталинизма в истории страны, его вторичности по сравнению с ролью объективных обстоятельств. Но эти паллиативные ходы перекрыла оценка Сталина Медведевым. А до этого он заявил о недопустимости возрождения «железного занавеса», о важности учёта социальной «себестоимости» при оценке реформ. А это сильно

расходится с текстами, которые скроены по лекалам апологии изоляционизма, оправдания насильственной коллективизации ради индустриального скачка, трактовки ГУЛАГа как побочного продукта эффективной сталинской политики.

При Сталине власть была лидером, определяла вектор движения, чётко формулировала задачи. Сегодня власть перестала быть безусловным лидером. И люди с патерналистским сознанием стали апеллировать к понятному и привычному образу Сталина. Действительно, нет ему ни вечного забвения, ни вечного покоя. Одни просят у Сталина защиты от бюрократов и мздоимцев, протестуют против последствий кризиса и инфантильной социальной политики, ужасаются трагедиям 2009 года, раскрывшим неэффективность властных структур всех уровней. Другие – хотят уйти «в мир уютный, мир домашний, погруженный в сладкий сон» (Игорь Иртеньев).

Но отсюда вырисовываются направления возможного преодоления Сталина.

Власть должна быть сильной и справедливой, но не в сталинском смысле, не своей сакральностью, а выдвиганием общества на передние позиции, не имитацией опоры на него, а предоставлением именно ему права формировать властные структуры. Понятным, масштабным и привлекательным должен быть предлагаемый обществом в союзе с властью чертеж будущего. И не дай Бог осуществиться словам тех, которые считают, что перекрыть Сталина можно только такой же великой Победой 1945 года, только построением «великой державы». В этом случае Сталин будет, наверное, преодолён, только Россия исчезнет.

И это не пустые опасения. В последнее время голоса тех, которые буквально в открытую заявляют, что ради великой идеи не жаль никакого «количества» «антропомассы», раздаются всё громче и громче. А общество почему-то не обращает никакого внимания на подобные тревожные симптомы: ему гораздо интереснее расшифровывать намёки и недосказанности членов тандема в адрес друг друга и соизмерять получающиеся расшифровки с мифом Сталина.

Не громкими призывами о десталинизации или грозным судом над Сталиным надо заниматься. Пора начать хотя бы с малого – к примеру, реабилитировать всех без исключения лиц, осужденных внесудебными чрезвычайными органами. Число таких лиц, по утверждению Лаврентия Берии и Андрея Вышин-

ского, в период с 1927 по 1939 год составило 2,1 миллиона человек. Эти органы и их приговоры до сих пор не объявлены незаконными – а значит, вынесенные ими решения до сих пор обладают юридической силой. У политического руководства страны сегодня есть все основания, чтобы раз и навсегда закрыть эту страницу прошлого. Пока же реабилитация продвигается медленно. Если дело затрудняется выплатой смешных пособий детям репрессированных (до 10.000 рублей), то надо помнить, что для этих семей важны не деньги, а восстановление справедливости и всей правды.

Что же касается мифа о Сталине, то его дешифровка может быть не только делом учёных. Современные арт-проекты способны сделать любой миф смешным и абсурдным. Ведь сумел же Эдвард Радзинский с присущим ему актерским темпераментом и литературным даром преодолеть устойчивые стереотипы и создать (в пику мнениям о «торжествующей серости» и «гениальной бездарности» Сталина) демонический образ ярчайшей, незаурядной личности эпохи, точнее – «князя Тьмы» в окружении бездарностей и трусов. А с демона какой спрос?

Пройдёт ещё десять лет... Понятно, что страна станет другой, её движение в истории наполнится новыми смыслами. Поколение молодых людей, проявивших сейчас равнодушие к Сталину, займёт ключевые позиции в обществе. Возможности новых социальных и информационных коммуникаций окончательно сделают любой культ, любой интеллектуальный абсолютизм смешными и глупыми. Но те же самые нанотехнологии и механизмы soft power от-

кроют такие фантастические возможности массового промывания мозгов, по сравнению с которыми сталинская идеологическая индустрия покажется детской игрушкой. Нет сомнения, что споры сталинистов и антисталинистов будут восприниматься как примитивная архаика. Однако нет уверенности в том, что обществу не будет навязано какое-то иное ценностно-смысловое размежевание – может быть даже сводящееся к глубинным архетипическим основаниям идентичности (например, заточенное на этничность или на проблему сопряжения политкорректности с правом свободы совести).

Правда, в любом случае станет очевидным, что никакой миф Сталина не обладает должной конкурентоспособностью на концептуальном рынке жесткого и сложного XXI века. В этом смысле очевидная незавершённость общественной дискуссии о Сталине лишней раз свидетельствует о том, что для нас XXI столетие ещё не наступило, что мы застряли в очередном «длинном» – на этот раз XX-м – веке. И сама постановка проблемы – как нам преодолеть Сталина – оказывается дурной обманкой, заставляющей одних страшиться возможности повторения в том или ином виде тоталитаризма более чем полувековой давности, а других – опасаться утраты чёткого и понятного символа, позаимствованного из той же эпохи.

Порой возникает ощущение, что нас преднамеренно сталкивают лбами, заставляя полемизировать о тенях «давно минувших дней», заполняя этими тенями всё пространство переживаемого ныне момента, насильственно удерживая в прошлом и не пуская

в настоящее и тем более – в будущее, в то время как для человека свойственно жить в своем времени – единственно органичном и естественном для него.

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА И ВЛАСТЬ

Накануне каждого юбилея Победы власть внимательно продумывала свои шаги, с какими-то решениями торопилась, дабы они громче «прозвучали» в преддверии 9 мая, иные, непопулярные, напротив, откладывались «на потом». Идеология подстраивалась под дух 45-го, чтобы на волне действительно всенародного праздника представить режим в выгодном свете и придать ему – как неизбежному центру торжеств – дополнительный импульс общественного внимания. И желательно наиболее позитивного.

Поэтому восприятия Победы в Великой Отечественной – пожалуй, наверное, как никакого другого события нашего недавнего прошлого – зависят не только от столкновений парадно-официозной и подлинно-народной памяти о ней, а также от смен преобладавших умонастроений, но и от способов управления ими.

1945: подчинение памяти

Чем явственнее ощущалось приближение Победы, тем сильнее пережитое в военное лихолетье заполняло сознание и вытесняло в нём всё случайное, мимолётное, прежние удачи и обиды. Страшные жертвы

и разрушения, шок от массовых убийств, террора, эксплуатации, учинённых гитлеровцами, и в то же время героическое народное сопротивление, повседневный подвиг в тылу, на «домашнем фронте», уникальная координация усилий и воли отдельных людей в целостное, общее для всех состояние не шли ни в какое сравнение с испытанным в довоенное время. Победа несла огромный энергетический заряд. Компенсацией горя и потерь становилось понимание того, что перенесённое в годы войны вдохнуло необыкновенный оптимизм и веру в то, что всё изменится к лучшему. На это работал и громадный международный авторитет, который приобрела страна в годы войны.

Между тем политической элите надо было разобраться с теми «ловушками» памяти, в которые она невольно попадала с выдвинутыми во время войны новыми политическими установками, сыгравшими роль своеобразных скрепов общества. Среди них – активизация патриотических чувств, пересмотр роли Церкви, роспуск Коминтерна, снятие «табу» на многие формы хозяйствования и другие. В частности, кампания по превозношению русской культуры, доказательству её самобытности вела к неприемлемому «славянофильству». Подчёркивание в годы войны преемственности между старой, дореволюционной, и советской Россией запутывало вопрос об идеологической целостности её истории: некоторые учёные требовали оправдать «колониально-захватническую политику» царизма, представить в качестве «реакционных» крестьянские восстания под руководством Разина и Пугачёва, движение декабристов; оппонен-

ты этой точки зрения объявлялись последователями «норманистов». Усиление имперских настроений – естественная реакция на подобные споры.

Освобождение оккупированных территорий порой порождало неожиданные вопросы. Например, почему после изгнания с них немцев русские земли переименовываются в «украинские», почему используется термин «российский народ» вместо «русского» с его делением на великорусов, малорусов и белорусов?

Идеологический маятник зашёл здесь довольно далеко. Назвав русский народ «руководящей силой в великом Советском Союзе», Сталин фактически провозгласил новую стратегию в этнополитической сфере. До сих пор такая характеристика прилагалась лишь к партии и рабочему классу, но никак не этносу. Был выставлен «пробный камень» в предстоящей масштабной идейно-политической игре, облакаемой в форму не только славословий и выпадов, но и культуртрегерских инвектив. Вождя, по всей видимости, не отпускали тревоги, связанные с возможными неблагоприятными для режима новыми приливами чувств этнической самооценности нерусских народов, памяти о ней. Национальное никак не желало соединиться с интернациональным в его великорусско-советском обличье. Поэтому следовало, согласно сталинской диалектике, ликвидировать одну из двух противостоящих сторон, привести национально-культурную сферу к общему, великорусскому, знаменателю.

Пройдёт совсем немного времени, и разыгрывание великорусской идеи в небывалых доселе масштабах захлестнёт общество, культуру и науку. Однако до

этого наметилась тенденция минимизации уклонов в сторону национально-государственной идеологии, которые открыто проявились и отчётливо запомнились в период войны.

Победа объективно усилила потенциал консенсуса, а не конфликта в обществе. Но иной взгляд на ситуацию мог вызревать у поколения новейших «декабристов», запомнивших в заграничных походах 44–45-го другую, нежели в советской стране, жизнь. Это поколение надо было поставить на место. На любые раздумья по поводу причин и цены Победы спешно накладывался пластырь большевистской догматики. Тезисы о «непреоборимой силе социалистического строя», «организующей и руководящей идее», «вдохновляющей и решающей роли партии» многие десятилетия сопровождали годовщины Победы.

В официальной пропаганде быстро стиралось различие между двумя этапами войны, нигде нельзя было найти намёков на то, что в 1941 было много случаев предательства, бездарности, трусости. Запрет накладывался на темы коллаборационизма и депортации. Даже естественное, с точки зрения победителей, стремление понять побеждённого врага – уже не как людоеда-фашиста, изверга, тупого гунна, а как человека – подлежало жёсткой цензуре.

Управление памятью, формирование лика Победы исключительно со сталинским профилем (не случайно с 1946 по 1950 годы 9 мая газета «Правда» выходила с большим портретом Сталина), естественно, было невозможно без совершенствования механизма отслеживания настроений и мыслей людей. Под контроль попадали слухи, реплики, обмолвки – всё то, что обычно называется гласом народа. В этой же плоскости работали многочисленные партийные пропагандистские группы, составлявшие многостраничные перечни вопросов, которые задавались в самых

разных аудиториях. Своеобразным каналом информации являлась перлюстрация частной переписки. Внимательно изучались анонимные письма, поступавшие в редакции газет. Избирательно проводилось подслушивание элитных групп населения. Специфическим источником фиксации настроений являлись даже специальные отчёты, составляемые на основе услышанных продавцами магазинов разговоров в очередях. Прибавим ко всему этому доносы, поступавшие в большом количестве в самые различные инстанции. Всё это выстраивалось во всевозможные, часто дублировавшие друг друга цепочки прохождения информации на самый верх, где и определялась судьба «носителей крамолы».

Этих усилий оказалось достаточно для того, чтобы сформированная в годы войны общая воля фронта и тыла разбилась на тысячу мелких, индивидуальных и частных волей. «Опьянённые победой, зазнавшиеся, – размышлял о причинах авторитета режима после войны писатель-фронтовик Фёдор Абрамов, – мы решили, что наша система идеальная... и не только не стали улучшать её, а, наоборот, стали ещё больше догматизировать».

Подчинение войсковым командирам было заменено на повиновение тем, кого до Победы Сталин держал в тени. Национальные паруса были сняты, как будто их и не было. Новая идеологическая кампания теперь приобрела агрессивные формы под видом так называемой борьбы с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом. Режим тотальной манипуляции, освящённый нравственным авторитетом Победы, таким образом, получил передышку. Но

противоречия, созданные игрой на свободе и национализме, игнорирование внутренней логики этих великих основополагающих начал любого общества делали данную передышку кратковременной. Власть, по-видимому, тогда и сама не осознавала, что к утаиваемому и плохо освещённому память возвращается постоянно. «Страдания памяти» возникают не столько от пережитого ужаса, сколько от невозможности его объяснить.

Примечателен призыв Сталина (в одной из речей перед избирателями Сталинского округа Москвы) подвергнуть победителей критике и проверке, нужными для дела и для самих победителей, дабы они не зазнавались и оставались скромными. Причастность к Победе не давала права на какой-то исключительный статус. Данная установка транслировалась на все «этажи» советского общества. Причём «наверху» спрос с «победителей» был гораздо жёстче, чем «внизу». Адресные репрессии в отношении армейской верхушки должны были наглядно продемонстрировать, кто здесь подлинный Хозяин и творец Победы.

Таким образом, до 1953 года в восприятии Победы существовала парадоксальная ситуация. Её официальное декларативное прославление шло бок о бок с официальной же – но не заявленной открыто, подразумеваемой и обрамляемой прозрачными намёками – девальвацией. Подчинение памяти осуществлялось прямолинейными и незатейливыми методами. В период с окончания войны и до смерти вождя режим лишь примерялся к возможному очередному переходу в новое качество. Да и сама Великая Отечественная ещё продолжала восприниматься в контексте те-

кущего момента. К тому же никаких двусмысленностей (типа причастности к революционному ареопагу лиц, объявленных позднее «врагами народа») у недавней Победы не было. Поэтому вплоть до ухода Сталина так и не сложилось какого-либо содержательного проекта памяти. Любой подобный проект построен на определённой игре с прошлым. Но пока такой игры не требовалось. Всё было достаточно «прозрачно». Пространство памяти оказалось «законсервированным» до наступления новой политической конъюнктуры.

1955: локализация пространства памяти

Десятилетие Победы стало не просто первым юбилеем, но и первым опытом целенаправленного реформатирования пространства памяти под новые идеологические потребности. На повестке дня стояла задача масштабной дискредитации Сталина и, следовательно, связанной с его именем мифологии. Глубинные различия между довоенными и послевоенными образами вождя, его стилистикой и проектным видением перспектив развития как самой власти, так и руководимого ею общества, делали 1945 год фактически системообразующим каркасом сталинизма. Поэтому десакрализация Сталина неминуемо должна была означать и десакрализацию Победы, несмотря на то, что сам он и инициировал эту десакрализацию.

Уже 9 мая 1953 года, спустя два месяца после его смерти, слова «День Победы», «Победа» не появились в газетных «шапках» и были упомянуты лишь

в традиционном приказе министра обороны. Юбилейный же май 1955 года, когда до XX съезда оставалось менее года, стал как бы генеральной репетицией подготавливаемого поворота – обличения Сталина при сохранении в неизблемости сотворённой им идеократической системы властвования.

В данной ситуации память о войне и одержанной в ней Победе, память, устойчиво ассоциировавшаяся с образом Сталина, должна была подвергнуться своеобразной стерилизации. Пространство памяти необходимо было локализовать на таких сюжетах, которые бы замыкались на покойного вождя лишь опосредованно, или же вовсе не имели к нему никакого отношения.

С этой точки зрения режиссура первого юбилея выглядела оптимальной. Главным ритуальным действием празднования стало состоявшееся 8 мая торжественное заседание советской партийно-государственной верхушки в Большом театре. На этом заседании впервые после смерти Сталина были расставлены новые акценты в официальной трактовке Победы.

Во-первых, обращает на себя внимание выбор докладчика для основного выступления. Им стал не кто-то из первых лиц (пожелавших, видимо, заранее дистанцироваться от события, устойчиво связанного в общественном сознании с именем Сталина), а всего лишь один из военных функционеров – первый заместитель министра обороны и главком Сухопутных войск Иван Конев. Фигура эта, безусловно, известная, была всё-таки не настолько встроена в сталинскую мифологию Победы, как тогдашний министр

Большой митинг СССР 9 мая 1955 года. Выступают представители народа победителей, орденов и отличившиеся воинами, участники с подполковником Самсоном Арзам и Виктором Жарского Флота, командиром Даниилом Даниловым. На сцене также выступили: генералы М. С. Конев, Г. М. Назаров, М. З. Сабуров, А. И. Никитин, Е. К. Поповичевский, В. М. Яковлев, П. В. Давыдов, Е. С. Верещагин, М. А. Суриков, З. С. Хрущев, С. М. Булатов, В. А. Буцаев, В. В. Герасим, А. М. Косыгин, Ф. Д. Соловьев, В. Г. Крутиков, В. В. Жигарев, Н. С. Бурлаков, В. М. Яковлев, М. З. Поповичевский, С. И. Яковлев, С. С. Баранов, С. С. Сабуров, В. А. Ротенберг.

обороны Георгий Жуков. К тому же выставление в качестве докладчика второго, а не первого лица в служебной иерархии военного ведомства как бы изначально занижало статус и самого доклада.

Более того, сам текст доклада Конева совершенно нетипичен для той победной риторики, которая будет сопровождать празднование 9 мая вплоть до наших дней. Первый заместитель министра обороны говорил исключительно о военных аспектах Великой Отечественной и одержанной в ней Победы. Таким образом, как корпоративная принадлежность самого докладчика, так и зачитанный им текст в известной степени локализовали пространство памяти именно на военной – хотя и значимой, но всё-таки прикладной по своему содержанию – стороне праздника.

Во-вторых, в контексте подобной локализации очень естественно прозвучала и локализация роли самого генералиссимуса. Конев назвал Сталина исключительно председателем Государственного коми-

тета обороны и Верховным Главнокомандующим (низведение вождя до конкретной командно-управленческой должности звучало в унисон с общей установкой на инструментальную милитаризацию Победы), который-де «был назначен» на этот пост «решением Центрального Комитета и Советского правительства». Имя Сталина прозвучало в докладе лишь один единственный раз, и то после подчёркивания заслуг как действующих руководителей (Хрущёва, Булганина, Ворошилова, Кагановича), так и уже скончавшихся к тому времени (Жданова и Щербакова). Названный «комплект» фигур соответствовал сложившемуся на тот момент балансу группировок, влияний и наследников определённых кланов и тенденций. А главное – являлся коллективным вождем, выдвигавшимся на место бывшего вождя, подготовленного на ритуальное заклание на грядущем партийном форуме.

Примечательна ещё одна локализация пространства памяти на событии, вообще никоим образом с Победой не связанном. 7 мая 1955 года, то есть накануне вышеупомянутого заседания, также в Большом театре состоялось торжественное мероприятие, посвящённое 200-летию Московского университета. МГУ был награждён орденом Трудового Красного Знамени, и в тот же день на Ленинских горах, близ недавно отстроенного Главного здания университета, произошло событие, по своему жанру вообще несвойственное стилистике советской жизни, – приуроченный к юбилею корпоративный митинг студенческой молодёжи. Пресса уделила празднованию университетского юбилея колоссальное внимание,

сопоставимое по своему масштабу с освещением мероприятий 9 мая.

Таким образом, совершенно различные действия в Большом театре шли одно за другим. Данный факт не мог не ослабить знаковой насыщенности собственно победных торжеств. Размах же народного участия в обоих мероприятиях оказался просто несопоставимым. В отличие от массового митинга на Ленинских горах, то есть события, сконцентрировавшего значительное количество людей в определённом месте, гуляния на День Победы в московских парках имели локальный и рассеянный характер, чем также резко контрастировали с молодёжно-студенческим праздником 7 мая. Если же ещё принять во внимание, что в День Победы военного парада на Красной площади не было, так как в соответствии с устоявшейся на то время традицией он был проведён 1 мая, то «размазанность» праздничного настроения на события и даты, непричастные к Победе, буквально впечатляет. Не остаётся никакого сомнения в некоей изначально предзаданной и инсценированной диффамации первого рубежа знакового для страны исторического события.

Властью было сделано всё для того, чтобы десятилетний юбилей «сталинской» Победы остался как бы незамеченным. Вождь, ещё совсем недавно предназначавшийся на роль единственного культурного героя (будь проект памяти всё-таки запущен при его жизни), оказался ныне субъектом, который новая власть торопилась «сбросить» в зону антипамяти. Однако именно в силу данного обстоятельства, а также в результате суетливых попыток советского руко-

водства «выдавить» опостылевший образ Сталина из любых памятных ассоциаций с Победой вождь всё же присутствовал в ауре юбилея – хотя бы даже в качестве определённой фигуры умолчания.

1965: прорыв в пространство жизни

С октября 1964-го номинально началась другая эпоха, но фактически ещё несколько лет осмысливалось, переваривалось то, что ей досталось «в наследство» от «субъективизма-волюнтаризма»...

На различного рода совещаниях, прошедших буквально накануне двадцатилетия Победы, новым секретарём ЦК по вопросам идеологии Петром Демичевым, сменившим в качестве «руководителя» данного направления главного консультанта Хрущёва Леонида Ильичёва, были сделаны знаковые заявления: «Мы навязчиво говорим о культе Сталина. Решение XX съезда было правильное. Но нельзя сваливать всё на мёртвого Сталина»; «“Один день Ивана Денисовича” Солженицына – это патология».

После смещения Хрущёва кампания против Солженицына стала набирать силу – на закрытых собраниях и инструктажах слушателям объявляли, что он изменил Родине, был в плену, служил полицаем. А вскоре после юбилея будет запрещён его роман «В круге первом» и одновременно арестованы Юлий Даниэль и Андрей Синявский. Многое тогда прояснила фраза, произнесённая начальником ГлавПУРа генералом Алексеем Епишевым: «Там в “Новом ми-

ре” говорят, подавай им чёрный хлеб правды, а на кой чёрт она нам нужна, если она невыгодна».

В конце апреля 1965-го на рассмотрение ЦК КПСС были внесены специальные тезисы к 20-летию Победы, подготовленные в Институте марксизма-ленинизма под руководством Петра Поспелова. В этих тезисах содержались положения, которые можно было оценивать как косвенную реабилитацию Сталина. Неизвестно, как протекало в Президиуме ЦК обсуждение этих документов. Во всяком случае, если судить по результатам, то при обсуждении вопроса о Сталине возобладала умеренная точка зрения. Тезисы Поспелова не были приняты, и в печати вообще не появилось никаких официальных тезисов ко дню Победы.

К юбилею также был подготовлен заключительный 6-й том «Истории Великой Отечественной». В нём, в частности, приводилась численность общих людских потерь Советского Союза – 20 млн человек. И хотя такое количество потерь устно официально называлось с 1961 года, Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати СМ СССР не давало разрешения на опубликование этих данных. Санкция была дана лишь после вмешательства ЦК. С шеститомником был связан и ещё примечательный факт: в вышедших первых пяти томах опальный Жуков упоминался 16 раз, а Хрущёв – 126. Поэтому в 6-м томе именной указатель благоразумно не поместили. А опала «маршала Победы» сменилась на милость: Жукова стали приглашать на различные торжественные собрания, тогда же ему поступило предложение от издательства АПН опубликовать его мемуары.

Стоит ли поэтому говорить о том, что на фоне столь разительных идеологических перемен двадцатилетие Победы во всех отношениях резко контрастировало с первым юбилеем. Несмотря на то, что прошло всего лишь полгода после смены власти, официальное отношение к Отечественной войне обрело принципиально иную окраску. Статус самого праздника изменился до неузнаваемости. Отныне официальные доклады на торжественных заседаниях, посвящённых юбилейным вехам Победы, стали исключительной прерогативой первых лиц. Сами же тексты превратились чуть ли не в программные документы, в которых собственно само юбилейное событие являлось лишь поводом для того, чтобы в очередной раз расставить акценты в официальном видении внутренней и внешней политики.

Пространство памяти, соотносимое с восприятием и смысловым наполнением праздника, начало преодолевать искусственную локализацию на частных, вспомогательных или вовсе посторонних событиях и стремительно разрастаться буквально до пределов пространства самой жизни. Очевидно стремление нового режима «застолбить» это пространство метками с победной символикой, «освятить» такой символикой повседневность даже в самых, казалось бы, тривиальных её проявлениях.

В данном смысле событиями одного ряда выглядели выпуск в обращение новой рублёвой монеты с изображением памятника советскому воину-освободителю в берлинском Трептов-парке и провозглашение Брежневым в торжественном юбилейном докладе дня 8 марта нерабочим. На первый взгляд, оба эти

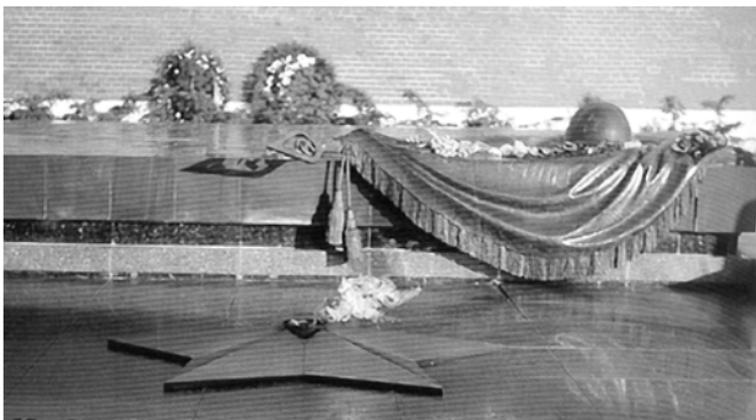
факта не представляют собой ничего исключительного, выбивающегося из обоймы ординарных пропагандистских приёмов. Однако если взглянуть на данные события именно сквозь призму своеобразной экспансии пространства памяти в пространство жизни, то их значение приобретает совершенно особый смысл.

Рублёвая монета – ежедневный расходный бюджет для подавляющей части тогдашнего работающего населения. Налицо и ассоциативное сходство нового юбилейного рубля с медалью. Такая «медаль», становясь в буквальном смысле слова разменной монетой повседневной жизни советского человека, отнюдь не понижала свой ритуальный статус, но, напротив, как бы даже героизировала обыденность, в каком-то смысле укрепляя чувство Победы во дне сегодняшнем.

Аналогично расшифровывалось и превращение Международного женского дня в выходной. Казалось бы, данный шаг выглядел несколько неуместным, смешивающим воедино совершенно различные

образы, даже несмотря на усиленно муссируемый тезис о трудовых подвигах советских женщин и их вкладе в дело Победы как в тылу, так и на фронте. Но в данном случае на первое место выходил даже не сам праздник 8 марта, но его трансформация из дня будничного в праздничный, нерабочий. И всё это – под сенью Победы, по санкции 9 мая. Конечно, подобная связка образов Победы и поздравления женщин не могла утвердиться в памяти надолго – хотя бы из-за различной эмоциональной окраски обоих праздников. Совсем скоро содержание самого Международного женского дня вытеснило воспоминания о причине его превращения в дополнительный выходной для советского человека. Однако провозглашение данного решения в юбилейном докладе воспринималось именно как существенный штрих к новой (как бы сказали позже, – «с человеческим лицом») интерпретации Дня Победы.

Ещё одним шагом, характеризующим затеянный властью прорыв пространства памяти в пространство жизни, стала очень своеобразная сакрализация самой среды обитания народа. Именно на двадцатилетие Победы было утверждено почётное звание «города-героя» и произведены первые его присвоения Москве, Ленинграду, Волгограду, Киеву, Севастополю, Одессе, а также Брестской крепости (звание «крепость-герой»). Образ героя перестал быть сугубо персонифицированным. Учреждение подобного «клуба» особо отличившихся в годы Великой Отечественной городов стало как бы новым, реализованным спустя столетия «изданием» Святой Руси. В обоих случаях объектом сакрализации оказывалась не конкретная

личность, но сама земля, ойкумена, прославившаяся подвигом или – что то же самое – подвижничеством. Смыслом такой сакрализации в обоих случаях было исторжение конкретного человека из опутывавшей бытовой обыденности и погружение его в особый мир, где господствуют иные ценности и мотивации. При всей глубинной разнице между напряжённым духовным опытом русского Средневековья и пропагандистскими технологиями брежневской эпохи в обоих случаях сакрализация пространства жизни играла важную роль в воспитании личности. В секулярное советское время именно память брала на себя функции, прежде относившиеся к сфере религиозного опыта.

Новой «Святой Руси» требовалась и подобающая организация ритуального пространства. Спустя два года после юбилея Победы у стен Кремля возник первый «алтарь» складывавшегося культа – могила Неизвестного солдата. Зажжённый здесь (кстати, опять-таки самим Брежневым – будто верховным

жрецом) Вечный огонь был не первым в нашей стране, но третьим – после Марсова поля в Ленинграде и Малахова кургана в Севастополе. Но именно после открытия мемориала в Александровском саду подобные сооружения, композиционно оформлявшие Вечный огонь, стали возникать в различных населённых пунктах Советского Союза, причём независимо от их статуса. В стране действительно образовалось как бы единое и унифицированное пространство памяти, представлявшее собой систему стольных градусов («городов-героев») и храмовых сооружений (мемориалов). Отдельные мемориалы представляли собой целые комплексы мегалитов, организовывавших огромные ландшафты. Поначалу такие комплексы возникали в Восточной Европе, скорее, как наши политико-культурные форпосты (воин-освободитель в Трептов-парке, «Алёша» в Болгарии). Возведённый в середине шестидесятых комплекс на Мамаевом кургане представлял собой уже именно архитектурно-скульптурную организацию пространственного ландшафта памяти, исполненного серией образов с очевидными религиозными аллюзиями – взять хотя бы богородичный подтекст центральной фигуры комплекса, Родины-матери.

Двадцатилетний юбилей Победы ознаменовался и другими новшествами, например, Минутой Молчания и Парадом на Красной площади. Однако если традиция Минуты Молчания стала непрямым атрибутом каждого Дня Победы, то с парадами получилось сложнее. В советское время они так и «не прижились» на 9 мая, оставшись неизменным элементом празднования 7 ноября. И дело здесь не в том,

что двух ежегодных парадов оказалось бы избыточно. Советский режим никогда не принимал в расчёт затраты, если они оказывались идеологически оправданными. Думается, что в отказе от ежегодных парадов 9 мая и сохранении их на 7 ноября проявилось глубинное противостояние этих обоих праздников – базовых для советского режима. Если 7 ноября мы праздновали создание новой политической системы нашей страны, то 9 мая по идее должно было стать не только событием, подтвердившим жизнеспособность этой системы, но и началом её качественно нового существования. Последнее в чём-то удалось сполна (например, космос), но в широком социальном смысле ожидания подлинно новой жизни, дарованной Победой, явно зависали. Праздник

консервировался исключительно как ритуальный, и приоритет (а вместе с ним и парады) остался за 7 ноября.

Вместе с тем именно Победа фактически становилась единственной легитимацией советского строя. После тёмной истории со смещением Хрущёва власть пыталась укрепиться в том числе и за счёт масштабного расширения пространства памяти. Заявленный в 1965 году проект такого расширения не имел чёткого конечного целеполагания, но лишь обозначал само магистральное направление.

Подобная «экспансия» пространства памяти в пространство жизни самым неожиданным образом отразилась в художественном творчестве тех лет и, прежде всего, кинематографе. Во второй половине 60-х – начале 70-х на экраны вышло несколько знаковых лент, каждая из которых по-своему интерпретировала и преподносила заданную «сверху» задачу по приближению героики Великой Отечественной ко дню сегодняшнему. Диапазон ракурсов и углов зрения был здесь гораздо более сложным, нежели банальное противостояние либерального шестидесятилетнего и официозного взглядов на Победу. Тем более что и самого-то противостояния как такового попросту не было. Топорные попытки партийного руководства направить творческое осмысление военной темы в нужное русло парадоксальным образом оборачивались неординарными сценаристским замыслами и режиссёрскими находками. В результате иной – отличный от официозного и становившегося всё более и более окостенелым – образ Победы не был монополизирован исключительно шестидесятилетней стилистикой, но обрёл и иные творческие воплощения.

Собственно говоря, даже шестидесятнический «почерк» известных кинолент не был единообразным. Взять хотя бы такие непохожие фильмы, как

вышедшие буквально друг за другом «Июльский дождь» Марлена Хуциева (1966) и «Женя, Женечка и «Катюша»» Владимира Мотыля (1967).

Картина Мотыля поражает своим совершенно нетипичным для военной тематики настроением. Лёгкий комедийный сюжет на фоне завершающих месяцев Великой Отечественной. Идущая через весь фильм шуточная песня про «капли датского короля». Наконец, абсолютно неприемлемый для советского кинематографа взгляд на врага как тоже на человека. И всё это – предельно корректно, тактично, без опущения и даже без какой-либо претензии на изображение «другой» войны. Война всё та же, и Победа в ней – самая настоящая. А вот настроение после фильма – совершенно необычное: лёгкая грусть, не подавляющая своей безысходностью и невосполнимостью утрат, но жизнеутверждающая и – что самое важное – как бы с иной стороны подводящая к скорби и памяти по оставшимся на полях сражений.

У Хуциева – заход к теме памяти с другой стороны. Исполненные серьёзностью (серьёзностью искренней и неподдельной, на какую способны, пожалуй, только лишь дети) взгляды мальчишек, оказавшихся посреди традиционной встречи ветеранов на День Победы у Большого театра, пробирают до дрожи. Вот они – хранители памяти, те, кому предстоит отстаивать право прошлого на своё существование, а через это – обретать собственное будущее. Эти дети появились на свет после не только 45–го, но и 53–го. Поэтому они непричастны той непростой и трагической истории, которая выпала на долю их отцов

и даже, может быть, старших братьев. Отсюда – и их право на причастность к Победе.

Пройдёт ещё немного лет, и та же самая мысль об освящении Победой всех последующих поколений прозвучит в фильме «Офицеры» (1971), который уже никак нельзя рассматривать в контексте шестидесятилетней стилистики. Проникновенность теперь достигается не вычурностью, а, напротив, простотой, может быть, даже нарочитой, но от этого только ещё более сильной. «Любовный треугольник» на фоне лихолетий Гражданской, Великой Отечественной и начинающейся «холодной» войн – не содержание, а, скорее, обрамление главной и сквозной идеи фильма: наследовании героики прошлого, её своеобразной «вакансии» для дня сегодняшнего.

Смысловая квинтэссенция картины наглядно раскрывается в её заключительных кадрах, представляющих собой видеоряд из жизни основных героев, проходящий под замечательную и любимую разными поколениями вот уже более тридцати лет песню. Песню, расставляющую в том числе и требуемые идейные акценты. Вдумаемся в её слова. Ведь она – не столько о «героях былых времён», от которых «не осталось порой имён» и которые «стали просто землёй и травой». Песня эта – об их памяти и сохранении героического опыта: «Только грозная доблесть их поселилась в сердцах живых»; «Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой». На лицо и символическая переключка с хуциевскими ребятами из финальной сцены «Июльского дождя». Там – детское испытующее и пронизывающее, будто

иницирующее на подвиг – вглядывание в ветеранов. Здесь – «глаза молодых солдат с фотографий увядших глядят». И, наконец, главное, то, к чему подводит вся песня: «Этот взгляд, словно высший суд для ребят, что сейчас растут. И мальчишкам нельзя ни солгать, ни обмануть, ни с пути свернуть».

Главным героем фильма оказывается Ваня – внук героя Георгия Юматова, потерявший родителей в Великую Отечественную, отданный дедушкой-генералом в суворовское училище и ставший офицером ВДВ. (Пофантазируем: может быть, впоследствии полковником бравший Кабул, а ещё позже – генералом – Грозный.) Вот оно – наглядное погружение пространства жизни в пространство памяти. Насколько такое мастерское погружение можно считать заслугой режима – сказать трудно. Но, по крайней мере, совершенно отчётливо ясно другое. Социальный заказ власти оказался выполненным настолько профессионально, что в конечном итоге ударял и по самому «заказчику», всё более увязавшему в абсурде «застоя», наглядно контрастировавшем с героикой фильмов той эпохи.

Кинематографическое пространство памяти не только демонстрировало несоответствие героики прошлого мерзостям дня сегодняшнего, но и активно обличало их. Сначала – аккуратно и, вроде бы, в пределах допустимого. Как, например, в «Белорусском вокзале» (1970), где ветераны как носители абсолютного нравственного начала противопоставлялись омертвелому равнодушию бюрократизма. Затем обличительный глас кино начал звучать громче, и под его критику попала самая верхушка режима.

Борьба в руководстве уходящего в небытие Третьего рейха, мастерски изображённая в «Семнадцати мгновениях весны» (1973), воспринималась как прозрачный намёк на ситуацию в треугольнике Кремль – Старая площадь – Лубянка. Медвежью услугу режиму оказала и суперофициозная эпопея Юрия Озерова «Освобождение» (1971). Заказанная «сверху» в качестве своеобразной знаково-культурной ресталинизации, призванной заменить уже нереальную общественно-политическую ресталинизацию, эпопея, идеализировавшая управленческий и военно-командный гений вождя, неминуемо подталкивала к сравнению этого образа со сдававшим буквально на глазах генсеком и его геронтократическим окружением.

Характерной особенностью брежневского проекта памяти явилось отсутствие в нём нежелательных субъектов. Правда, данное обстоятельство трудно назвать заслугой собственно самого проекта. Так вышло само собой. Какие-то нежелательные для режима сюжеты прошлого типа роли союзников, коллаборационизма или тем паче пакта Молотова–Риббентропа были для того времени совершенно неактуальными. Зато привнесение ауры Победы в советскую повседневность позволяло сглаживать её неустроенность, а также существенно подправлять стремительно ухудшавшийся имидж власти. Поэтому усиленная эксплуатация образов 45-го, эксплуатация, обернувшаяся фактическим паразитированием на них, стала характерной чертой официальной советской идеологии вплоть до её краха на рубеже 80-х – 90-х годов.

1975: в контексте «строек коммунизма»

Несмотря на то, что следующий юбилей Победы отмечался при том же режиме, что и предыдущий, между ними было мало общего. Вместо размаха и помпезности 1965 года – минимализм 1975-го: официальная часть мероприятий 9 мая свелась лишь к возложению венков к Мавзолею и могиле Неизвестного солдата.

Новые акценты в интерпретации юбилея, как и прежде, были расставлены в докладе Брежнева с весьма характерным названием – «Великий подвиг советского народа». В преддверии принятия новой Конституции, в которой предполагалось подчистить прежние устаревшие классовые дефиниции и активно использовать более широкое и обтекаемое понятие народа, юбилейный доклад генсека был чем-то вроде апробации. Тем более что повод для рассуждений о советском народе был, пожалуй, наиболее удачным и беспроблемным. Великая Отечественная действительно переплывала разномастное в социальном и национальном отношениях население Советского Союза в единую общность.

Ещё одним знаменем времени, отразившимся в докладе Брежнева, стало активное обращение к молодёжи как наиболее деятельной и активной части общества. Движение стройотрядов, освоение новых месторождений – то есть явления, буквально на глазах преображавшие страну, – творились руками молодого поколения. «Вся наша страна по существу – огромная стройка», – афористично заметил генсек

в юбилейном докладе. Пространство жизни, в которое со времени двадцатилетнего юбилея Победы стремилось разрастись пространство памяти, обрело к середине 70-х вид стройплощадки. Соответственно и символика победных торжеств также обрела молодёжно-стройотрядовские черты. Кульминацией раз-

вернувшегося незадолго до юбилея общесоюзного начинания под лозунгом «Работать за себя и за того парня» стала манифестация столичной молодёжи 9 мая 1975 года на Красной площади. Событие это выглядело поистине незаурядным. При всей своей вышколенности и отрететированности молодёжная манифестация заметно отличалась от традиционных демонстраций трудящихся хотя бы уже своей энергетикой. В преддверии запланированных на лето того же года Хельсинкского совещания и стыковки в космосе советского «Союза» с американским «Аполлоном» подобная новая стилистика победных торжеств являлась своего рода превентивным наступательным внешнеполитическим манёвром. И – надо сказать – манёвром, сполна оправдавшим возложенные на него надежды.

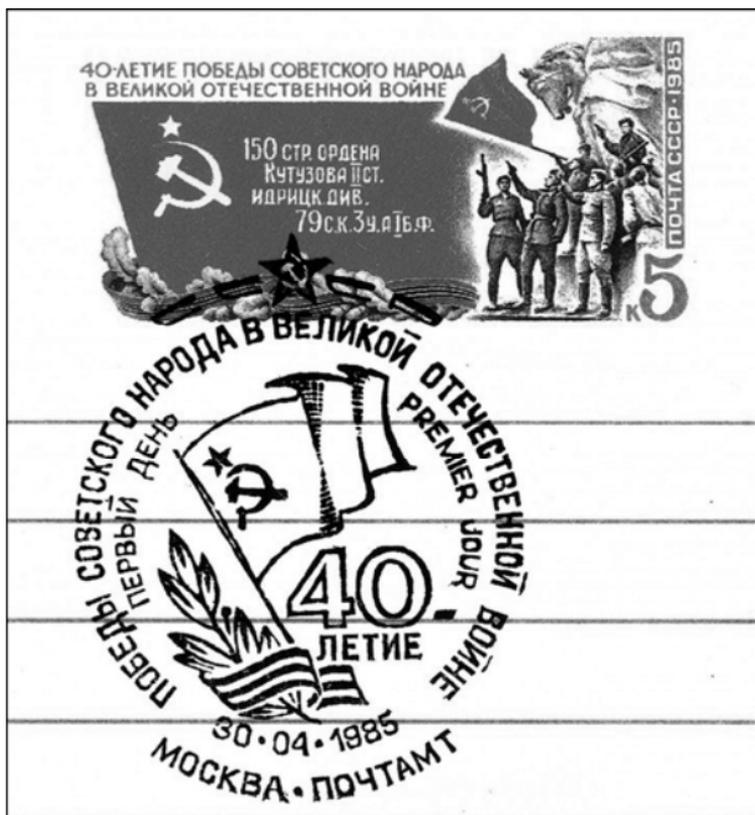
1985: в предчувствии перемен

С приходом к власти Горбачёва неизбежность перемен ощущалась повсеместно. Однако на праздновании сорокалетия Победы наступление «политической весны» никак не отразилось. Точнее, отразилось самым несуразным образом. Новый генсек впервые после многолетнего перерыва в юбилейном докладе помянул Сталина. Причём просто именно помянул, сказав фразу, полностью соответствовавшую объективной реальности: «Гигантской работой на фронте и в тылу руководили партия, её Центральный Комитет, Государственный комитет обороны во главе с Генеральным секретарём ЦК ВКП (б) Иосифом Вис-

сарионовичем Сталиным». Симптоматично, что даже это совершенно обезличенное, формальное и лишённое какой-либо политической оценки упоминание имени вождя вызвало продолжительные аплодисменты, а о Горбачёве пошла молва как о сильном политике, не побоявшемся после длительного замалчивания назвать имя Сталина. Вкупе со слухами о якобы готовившемся тогда обратном переименовании Волгограда в Сталинград эта обмолвка накануне 9 мая на какое-то время сформировала представление о заявленной на недавнем Пленуме перестройке как о продолжении андроповского «закручивания гаек».

Ритуальной новацией сорокалетнего юбилея стало возобновление парада на Красной площади. Причём на этот раз в прохождении строем мимо Мавзолея приняли участие не только представители военно-учебных заведений и родов войск, но и ветераны войны, а также подразделения, костюмированные в форму советских военнослужащих времён войны. Данная особенность парада явилась знаковой: действие обрело театрализованные черты и, соответственно, существенно изменило свой статус. Однако режим пока ещё оставался прежним, и подобные нововведения в ритуал, который по-прежнему воспринимался как сугубо презентационный, не могли не расшатывать устоявшиеся на протяжении десятилетий идеологические штампы.

Другой отличительной чертой этой первой горбачёвской и одновременно юбилейной весны стали два субботника. Помимо обычного, ленинского, ещё один, состоявшийся между Первомайскими праздниками и Днём Победы и приуроченный к юбилею.

У этого дополнительного субботника был свой вполне прагматичный резон: между 1 и 9 мая получалось слишком много выходных, и сокращение количества нерабочего времени за счёт объявления коммунистического трудодня явилось выходом из этой ситуации, хотя и непопулярным.

Самой же непопулярной чертой юбилея стало ожидание антиалкогольной кампании, начало кото-

рой новый генсек лично и в открытую приурочил именно к завершению юбилейных торжеств. Ещё накануне Первомая в стране начался торгово-закупочный бум в винно-водочных магазинах. Повсеместно утвердилась установка отметить День Победы и помянуть павших «по-настоящему» в последний раз. Столица и крупные города в одночасье оказались наводнёнными как бы «самиздатовскими» ксерокопиями доклада о катастрофическом положении в стране в связи с ростом пьянства и алкоголизма. Обращали на себя внимание и политические акценты якобы «самиздатовского» материала. Главным виновником спаивания советского народа там назывался Троцкий. Своеобразным отголоском такого «стихийного антитроцкизма» нового режима стали яркие и образные обличения Троцкого, прозвучавшие в докладе Горбачёва два года спустя, на семидесятилетнем юбилее Октябрьской революции.

Ещё одной особенностью сорокалетнего юбилея Победы стала артикуляция самого слова «память». Эта артикуляция проявилась даже не в официальной риторике торжеств. Память и воспоминания сами по себе вдруг стали главными героями дня, самостоятельными и самоценными точками сборки творческой рефлексии по поводу очередной вехи 45-го. «Эта память опять от зари до зари беспокойно листает страницы», – эти строки поэта-фронтовика Михаила Дудина, положенные на музыку и исполненные звездой советской эстрады 80-х Юрием Антоновым, регулярно звучали в те майские дни 85-го, став как бы даже неофициальным гимном 40-летия Победы. По какому-то странному совпадению именно

памятование оказалось в сюжетном центре и других написанных к юбилею военных песен. «Помню, как сейчас, наш десятый класс закружила вьюга фронто-

вая», – пробирала до слёз София Ротару. «Помнит Вена, помнят Альпы и Дунай тот поющий и цветущий яркий май», – напоминали «Сябры».

На протяжении двадцати лет пространство памяти разрасталось до пределов пространства жизни, вбирая в себя последнее и срачиваясь с ним. Обратной стороной этого процесса неминуемо становилась сопричастность пространства памяти пространству власти «застойного» советского режима. Вместе с тем Великая Победа продолжала оставаться неколебимым ценностно-нравственным мериллом, и потребность в её отграничении от деградировавшего режима становилась всё острее и острее. Сосредоточение на образе непосредственно самой памяти оказалось определённым выходом из этой непростой ситуации. Выходом, прочувствованным и заявленным людьми творческими, острее других ощущавшими востребованность новых акцентов в интерпретации Победы.

Однако за этой неожиданной артикуляцией слова «память» прозрачно угадывалась и иная причина. К середине 80–х организационно оформилось и фактически легализовалось массовое одноимённое движение, зародившееся в нашей стране ещё в хрущёвские времена как реакция на официальный нигилизм в отношении традиционных национальных, в том числе и православных ценностей, объявленных властью наследием сталинщины. В данной ситуации стало естественным обращение движения «Память» к стилистике и риторике консервативных православно-монархических организаций России начала XX века и, следовательно, в целом к разного рода конспирологическим сюжетам.

Сорокалетний юбилей Победы дал богатую пищу для размышлений на этот счёт. 9 мая в газете «Труд» было помещено информационное сообщение о торжественном заседании в Кремле, речь Горбачёва, а также обычная в подобных случаях фронтальная фотография сидящих на сцене КДС высокопоставленных участников заседания и самого генсека, выступающего с трибуны. Чтобы укрупнить фигуру Горбачёва, её с помощью фотомонтажа несколько выдвинули вперёд, однако при этом по какой-то причине не заретушировали часть его головы. В результате перед изумлёнными читателями «Труда» предстала следующая прямо-таки демоническая картина. На трибуне выступает Горбачёв, а за его спиной, на первом ряду почётных участников заседания, перед избранным на только что состоявшемся Пленуме членом Политбюро Егором Лигачёвым лежит голова нового генсека. Можно себе представить, какие слухи породила эта фотография вкупе с валом «самиздатов-

ских» антитроцкистско-антиалкогольных прокламаций! А год спустя в ряде газет за некоторое время до аварии на Чернобыльской АЭС были опубликованы странные рисунки, которые в духе становившейся всё более и более модной конспирологии стали расшифровываться как схема энергоблоков этой электростанции с пометой того, на котором произойдёт авария, а также с точной датой самого трагического события. Страна стремительно входила в новую фазу своего существования с совершенно непривычной для здравого смысла советского человека политической метафорикой...

В целом же в 1985 году пространство памяти по-прежнему доминировало в пространстве повседневной жизни советского человека. В этом космосе ценностей и мотиваций не было места прагматике, однако остро ощущалась потребность каких-то, пускай и не артикулированных «сверху», перемен. Новый прорыв в осмыслении истории войны пришёлся на 1990-й, когда в «Комсомольской правде» 5 мая появилась статья с немыслимым по тем временам названием – «Украденная Победа». Смысл её сводился к доказательству, что в войне действовали две переплетающиеся, но разнородные силы: народ и система, олицетворяемая сталинским режимом. В первый период система оказалась основной силой, правда, малоэффективной. Ей ничего не оставалось, как на время отойти, приспособиться, дать народу развернуться во всей его мощи. Эта главная действующая сила выдвинула из своей гущи военачальников, расплатилась массовым героизмом, миллионами жизней. Обе силы внесли свой вклад в итог: если сила

Рисунок, сделанные уже после катастрофы графитчиками из Германии и Белоруссии

народная освобождала, то сила системная, идущая вослед, тотчас заключала освобождённых в свои стальные объятия. Так и Победа была перехвачена на финальном этапе. Народ из главной, одухотворённой силы автоматически вернулся в ряд орудий, инструментов. И трагизм состоял в том, что это было почти неизбежно: народ не имел ни социальной связанности, ни правовых механизмов, которые помогли бы прогнать обанкротившееся правительство в 41–м, не отдать ему Победу в 45–м. На основную движущую силу Победы, объявленную Сталиным «винтиком», срочно подыскивали крепкую гайку. Система лихорадочно надвигала плиту официоза, заdraивала приоткрытые в войну люки – дабы не допустить взрыва изнутри.

Острая дискуссия по поводу «Украденной Победы» провела чёткий водораздел между ветеранами – носителями парадной и подлинной памяти о войне. Первые обращались к Горбачёву с требованием призвать к ответственности авторов за клевету на советскую действительность, издевательства над памятью о войне. Вторые выражали признательность за восстановление памяти и чести погибших и «возвращение Победы» тем, кто её действительно выстрадал и заслужил.

Однако власть демонстрировала откровенное пренебрежение к выпестованному ею же самой пространству памяти, не смогла или не захотела овладеть, пожалуй, наиболее эффективной для нашего менталитета технологией управления – через держание и целенаправленное конструирование этого пространства. Симптоматично, что коллапс режима произошёл в тот год, когда празднование Дня Победы явилось разменной монетой в противостоянии «ретроградного» союзного центра и молодой «демократической» российской власти.

1995: в пространстве симулякров

Даже после распада Советского Союза День Победы остался, пожалуй, единственным праздником прошлой эпохи, который по-прежнему отмечался – в том числе и на официальном уровне.

Хотя в первое время после распада СССР Победа как один из краеугольных камней советского прошлого подверглась массивной дискредитации. В 1992–м огромным тиражом вышла «нефантастическая повесть–документ» Виктора Суворова «Ледокол» с версией о подготовке Сталиным агрессивной войны против Германии. Она расколола не только историков, но и многомиллионную читательскую аудиторию. Демифологизируются подвиги 28 гвардейцев-панфиловцев и Александра Матросова. Появляются работы о массовом коллаборационистском движении, в том числе службе миллионов русских, украинцев и представителей других национальностей в вермахте и частях СС, работе во вспомогательной полиции и органах оккупационной администрации.

По мере усиления патриотической риторики и ориентации режима Ельцина вал разоблачений под вывеской поиска «правды истории» стал спадать, зато значение празднования 9 мая вновь начало усиливаться. Когда же подошло время полувекового юбилея Победы, российская власть решила превратить эту дату в масштабную акцию собственной презентации, имея в виду маячившие впереди очередные президентские выборы 1996 года.

Столь помпезно и официально День Победы ещё никогда не отмечался. При этом официальная идеология празднования оказалась целиком заимствованной из советского прошлого. Кремлёвские политтехнологи попросту не стали вшивать в уже устоявшуюся и обкатанную на протяжении предыдущих десятилетий структуру памяти никаких новых акцентов из рыночной эпохи. Единственное, на что тогда отважились пойти, так это на перенесение героики Великой Отечественной на проводившуюся с декабря 1994 года операцию российских силовых структур в Чечне. Этим переносом было оправдано и широкое задействование участников этой операции в парадах и других торжественных мероприятиях.

Власть не только повторила, но и значительно дополнила прежний советский сценарий празднования Дня Победы. Спустя десять лет после предыдущего – сорокалетнего – юбилея на Красной площади состоялся парад. Восстановление Воскресенских ворот сделало невозможным участие в параде военной техники. Поэтому было решено не отказываться от столь зрелищного мероприятия, но провести его на Кутузовском проспекте, рядом с достроенным (ещё одна впечатляющая акция ельцинского режима) комплексом Музея Победы на Поклонной горе.

Однако был и ещё один аргумент в пользу проведения именно такого двойного парада, и этот аргумент являлся уже целиком и полностью продуктом своей эпохи. Прибывшие на празднование полувекового юбилея Победы лидеры ведущих мировых держав не сочли бы для себя возможным становиться даже невольными участниками демонстрации современной

Почтовый блок, вытущенный к 50-летию Победы

военной техники чужого государства. Поэтому разнесение во времени и пространстве двух парадов – строевого и военной техники – было обусловлено и соображениями международного политеса.

За превращение Москвы в центр буквально мирового празднования полувекowego юбилея окончания Второй мировой войны власти пришлось заплатить дорогую цену. Лидеры Запада, прибывшие в российскую столицу прежде всего для того, чтобы продемонстрировать свою поддержку Ельцину, имея в виду перспективу президентских выборов 1996-го, превратились, по сути, в главных героев дня. Именно к ним оказалось прикованным всё внимание как власти, так и прессы. Доходило порой до смешного. При подготовке кремлёвского приёма никак не могли выстроить логику рассаживания за столом высоких гостей. Наконец, было решено разместить их тем ближе к Ельцину, чем дальше они занимали свои посты. По иронии судьбы, рядом с российским президентом оказался тогда германский канцлер.

После нескольких лет официозного нигилизма к советскому прошлому столь же официозный поспешный возврат к прежним ритуалам и церемониям, причём даже с задействованием знаковых фигур советской эпохи, производил сильное впечатление. В особенности это касается обоих парадов. Парад на Красной площади принимал Маршал Советского Союза Виктор Куликов. Как и в 1985-м в парадном строю прошли не только нынешние военнослужащие, но и ветераны, для которых даже была разработана специальная форма – мужская и женская. Более того, в парадный ритуал на Красной площади оказался

*Памятник Г.К. Жукову на Манежной
площади. Установлен в 1995 году*

идеально вписанным и Мавзолеем Ленина – сооружение, несколько лет перед этим предаваемое анафеме официальными лицами государства, начиная с самого высокого уровня. Президент, премьер и спикеры обеих палат Федерального Собрания принимали парад, расположившись на Мавзолее, подобно членам Политбюро. Правда, тогда, в 1995–м, данное сооружение «реабилитировали» лишь частично, исключительно в качестве удобной трибуны – надпись «Ленин» была стыдливо замаскирована.

Подлинное «возрождение» Мавзолея случилось год спустя – 9 мая 1996–го. Теперь уже Ельцин стоял на трибуне один, остальные – ярусом ниже, на боковых площадках. Даже Сталин не позволял себе столь явного знакового выпячивания собственной персоны. Советские ритуалы вообще всячески демонстрировали, будто первое лицо – не отдельная, пусть и уникальная во всех отношениях, личность (генсек), а коллектив избранных (Политбюро и – в меньшей степени – ЦК). Ельцин же, как бы напротив, подчёркивал, что он сейчас – не столько президент, сколько Верховный Главнокомандующий, принимающий парад своей армии. Его коллеги по участию во власти – люди сугубо гражданские и поэтому не смеют находиться рядом. Они, словно свита, должны почтительно отступить от священной особы военного вождя. Имперские аллюзии действия очевидны. Более того, фамилия (точнее, партийный псевдоним) человека, погребённого в Мавзолее, на этот раз была оставлена открытой, видимо, для подтверждения полной и окончательной «реабилитации» советского периода как неотъемлемой части единой и неразрывной исторической традиции.

Можно, конечно, рассматривать затеи с Мавзолеем в контексте аналогичных предвыборных трюков 1995–1996 годов – «воссоединения» с Белоруссией, придания знамени Победы статуса государственного флага, появления на полуофициозном телеканале ОРТ откровенно проельцинской аналитической передачи «Дни» известного прежде своей оппозиционностью к режиму Александра Невзорова. К тому же, ещё год спустя, в 1997–м, президент не только отказался 9 мая вновь подняться на Мавзолей, но и опять заговорил о необходимости его ликвидации. Всё это лишний раз доказывает, что власть воспринимала празднование Дня Победы как очередную пиар-акцию, оценивая её результативность лишь применительно к конкретному моменту и поставленной задаче. Безусловно, и раньше официальным ритуалам был характерен подобный технологизм. Однако при этом сохранялась, по крайней мере, видимость серьёзного отношения к такому действию. Теперь же чуть ли не в открытую признавалось исключительно пропагандистское значение этой помпезной пиар-акции.

Власть даже не смогла должным образом извлечь символические дивиденды из юбилея Победы для идеологического обеспечения чеченской кампании, да и вообще для хотя бы самой общей мотивационной поддержки российских Вооружённых сил. В угоду прибывшим на юбилей западным гостям боевые действия в Чечне были в очередной раз приостановлены, за что потом – также в который уже раз – пришлось заплатить лишними человеческими жизнями. Впечатляющий парад военной техники на Кутузовском проспекте, в котором участвовали даже относительно

новые и находящиеся ныне на вооружении образцы, стал фактически реквиемом для погибающего отечественного оборонно-промышленного комплекса.

Декоративность юбилейных торжеств, попытка с их помощью отвлечь внимание от катастрофического положения дел как в стране в целом, так и в сфере её безопасности проявились и в знаковых событиях, последовавших за юбилейными торжествами. 24 июня 1995 года, в день полувекового юбилея легендарного парада Победы, на котором гитлеровские знамёна и штандарты были повержены к подножию Мавзолея, Россия переживала шок от нападения бандитов Басаева на Будённовск и от унижительных телефонных переговоров премьера с их главарём. В декабре того же года трагическая катастрофа на российской военной базе в Камрани унесла жизни нескольких лётчиков из пилотажной группы «Русских Витязей», пролетевшей над Кутузовским проспектом в финальной части парада военной техники.

Репертуар телеканалов в дни празднования 50-летия Победы оказался до отказа заполненным хорошо знакомыми советскими фильмами о войне, причём не только традиционными для 9 мая заключительными сериями эпопеи «Освобождение». После нескольких лет практически полного господства на экранах второсортного импорта погружение в доельцинскую эпоху производило сильное впечатление. Доходило даже до курьёзов. Так, накануне 9 мая были в один день, друг за другом показаны все двенадцать серий «Семнадцати мгновений весны». Сбылась давняя мечта наших зрителей, буквально забрасывавших Останкино подобной просьбой на протяжении двадцати

Кадр из фильма «Семнадцать мгновений весны»

с лишним лет, прошедших со времени первого показа фильма Татьяны Лиозновой. Демонстрировались не только полюбившиеся фильмы, но и запавшие в душу программы. В частности, были повторены «Голубой огонёк» от 9 мая 1975 года и легендарный концерт Клавдии Шульженко в Колонном зале Дома союзов. Очевидно, что столь откровенное обращение к трогательным и дорогим образам прошлого должно было – по замыслу лиц, делавших этот юбилей, – хотя бы как-то оттенить искусственность празднования, несоответствие его идеологии тяжёлой ситуации, в которой находилась страна из-за растущей инфляции, усугублявшейся бедности подавляющей части населения, не затухающего на Северном Кавказе очага напряжённости. В этом смысле навеянные с телеэкрана ностальгические воспоминания оказы-

вали неоценимую услугу – возвращали настрой искренности и проникновенности, волей-неволей переносившийся и на окружающую действительность. Данную особенность юбилея точно подметил тогдашний главред «Независимой газеты» Виталий Третьяков, назвавший 9 мая «неофициальным днём памяти по Советскому Союзу».

Полувековой юбилей Победы оставил по себе противоречивое впечатление. С одной стороны, пространство жизни, вот уже много лет объятые пространством памяти, вдруг в одночасье оказалось пространством симулякров. И получилось так, что именно память, оставшись, по сути, единственным источником живой творческой энергии посреди этих выхолощенных образов, начала одухотворять их, преодолевая бутафорскую натуру и наделяя содержательным смыслом и самостоятельным значением. С другой стороны, праздник всё же состоялся. Не сбылось гамлетовское пророчество – «связь времен» не порвалась. Более того, ключевая веха советской истории была не только полностью реабилитирована, но и обрела своего рода системообразующее для государственности РФ значение. 9 мая стало нашим новым 7 ноября, а парад на День Победы – с тех пор обязательный элемент этого праздника.

Что же касается непосредственно самого проекта памяти, то в его топике произошла буквально революционная перемена. Субъектно-объектные взаимоотношения власти и памяти стали меняться на прямо противоположные. Власть становилась всё менее и менее способной манипулировать памятью. Противостояние культурных героев и субъектов оказалось

снятым из-за своей неактуальности. Функции же культурного героя в пространстве памяти перенеслись на саму власть, питающуюся энергией отражённого памятью прошлого и попросту неспособную существовать без этого источника.

2005: в пространстве официозного минимализма

С приходом Путина память о Победе начала претерпевать странную мутацию – во многом аналогичную той, которую испытал и сам нынешний режим. Эта мутация заметна, если сравнивать две инаугурации Путина, состоявшиеся накануне 9 мая.

Первая инаугурация 2000 года проходила в обстановке откровенного отождествления новоизбранного президента как бы с самим духом Победы. К этому времени уже фактически завершилась собственно войсковая часть контртеррористической операции в Чечне, и эта локальная, но нелёгкая и чрезвычайна значимая для РФ победа выглядела как бы отблеском той, главной Победы 1945–го. Также незадолго до инаугурации и, соответственно, до 9 мая Путиным была подписана Военная доктрина государства – первый за всю нашу более чем тысячелетнюю историю документ подобного рода. И по своему содержанию, и по времени утверждения эта доктрина дополняла образ сильного Верховного Главнокомандующего и делала его сопричастным ауре Дня Победы.

Но спустя всего лишь четыре года, на следующей инаугурации, состоявшейся также накануне 9 мая, –

Президентский полк

совершенно другой президент. Точнее, совершенно другой пиар того же самого президента. Никаких знаковых увязок инаугурационных торжеств с приближающимся Днём Победы не прочитывалось. Сам инаугурационный ритуал поражал уже не своим минимализмом. Последний как специфическая путинская стилистика политического действия стал к тому времени некоей нормой нынешнего Кремля. Удивительно выглядело курьёзное новшество инаугурации – торжественное прохождение по Соборной площади военнослужащих Президентского полка в парадной форме, представляющей собой ремейк русской амуниции XIX века, причём как пешим, так и конным строем. Эта декоративная державность и имперскость будто бы преднамеренно контрастировали с состоявшимся 9 мая традиционным парадом, ставшим в последние годы весьма незатейливым. Здесь

всего было понемногу: несколько дежурных фраз Верховного о значении Победы как эффективного опыта противостояния международному терроризму, камерный парад с гражданским министром обороны, немножко показательных строевых выступлений – вот и всё. Создавалось впечатление, что инаугурационный парад на Соборной площади (парад, окрещённый общественным мнением как «игрушечный» и «карманный», так как зрителем его был лишь сам президент) как бы противопоставлялся параду 9 мая. Что же произошло? Неужели возрождённый и превращённый Ельциным в главный государственный праздник, День Победы утратил при его преемнике такое значение?

Да, действительно, вместо крутого государственника можно было видеть не менее крутого радетеля монетизации льгот. Причины столь очевидной перемены образа президента – предмет для особого разговора. Здесь же важно проследить, как синхронно с этой переменой трансформировалось и официальное восприятие Великой Победы. Память о Великой Отечественной была остро востребована в первые месяцы президентства Путина прежде всего в ситуации второй чеченской войны. Однако здесь очень скоро произошла явная подмена приоритетов.

Да, действительно, при Ельцине официальное – нарочитое и продиктованное вполне объяснимыми мотивами текущей внешнеполитической конъюнктуры – подчёркивание союзнического фактора в Великой Отечественной стало несколько неадекватным реальной роли Второго фронта. Но речь тогда могла идти только лишь о некотором нарушении исторических

пропорций. Союзнический аспект, хотя и начал выпячиваться несоразмерным образом, однако, по-прежнему продолжал играть лишь подчинённую, обеспечивающую роль. И тогда это вполне могло быть воспринято как естественный перекоc в обратную сторону после несправедливого и практически абсолютного замалчивания в советское время роли союзников. Тем не менее на полувековой юбилей Победы высокие зарубежные гости приехали всё-таки, в первую очередь, как руководители партнёров России, но вовсе не как вчерашние союзники.

При Путине же (и особенно после 11 сентября 2001 года) панегирическое возвеличивание союзников сконцентрировалось на формулировке, выворачивающей наизнанку прежнюю мотивацию. Теперь фактически Вторая мировая (заметим, именно она, а не

Великая Отечественная) стала обозначаться чуть ли не как своеобразная «генеральная репетиция» интернациональной борьбы с общим врагом. Кто же этот общий враг? В феврале 2003-го, на праздновании 60-летия Сталинградской битвы, Путин провёл своё известное уподобление «террористов» «нацистам 30–40-х годов». Прагматическая аргументация президента понятна, и об этом он прямо заявил в январе текущего года на юбилее освобождения Освенцима.

Такое уподобление способно в определённой степени приглушить свойственные европейскому общественному мнению двойные стандарты в отношении борьбы с терроризмом на Северном Кавказе. Отсюда – и призыв «отбросить все второстепенные разногласия и сплотиться против общего врага» по примеру того, как это было «в годы Второй мировой войны».

Пространство памяти оказалось подменённым одной из своих функций – актуализацией прошлого в контексте событий текущего момента.

Произошла эта подмена не сразу. Ещё в 2000 году в своём ярком и, без преувеличения будет сказано, буквально героическом выступлении в Видяево перед родственниками моряков погибшего «Курска» (выступлении, из которого кремлёвские имиджмейкеры смогли бы извлечь колоссальные дивиденды для Путина, будь оно соответствующим образом преподнесено и не оказался «трофеем» оппозиционных журналистов) президент активно прибегал к образам именно Великой Отечественной. Американская трагедия 11 сентября 2001 года фактически – на тот момент – сняла международные претензии к России по поводу Чечни, однако одновременно сделала неизбежным встраивание нашей страны в международный антитеррористический пул под главенством США. В этой ситуации Великая Победа и стала лишь «генеральной репетицией» предстоящих спустя более полувека совместных союзнических контртеррористических операций.

В этом контексте обрёл новое звучание тезис об «украденной Победе» – теперь уже в трактовке Александра Зиновьева: победители в «холодной войне» развернули тотальную фальсификацию истории с тем, чтобы отнять у победителей в Отечественной войне величайшую победу в истории «горячих войн».

Не явились ли в каком-то смысле горькой платой за подобный смысловой «размен» духа 1945–го унижительные знаковые пощёчины, наносимые России её нынешним врагом именно 9 мая – в 2002–м в Кас-

пийске, а в 2004–м – в Грозном? Было объявлено о беспрецедентных мерах безопасности в столице в предстоящий День Победы. Шокирующее впечатление произвело заявление командующего войсками Командования специального назначения о готовности уничтожать пассажирские самолёты, захваченные террористами. Возникали аллюзии вовсе не с победным маем 45–го, а, скорее, с тревожной осенью 41–го.

В отличие от чёткой и последовательно проговариваемой установки на преемственность между фашизмом и нынешним терроризмом и, следовательно, между антигитлеровской коалицией и сегодняшним международным партнёрством России, иные смысловые акценты кремлёвского восприятия Великой Победы тогда буквально поражали своим минимализмом и аморфностью. Власть избегала каких-либо сильных знаковых акций. Например, обратное переименование Волгограда в Сталинград не отрицалось в принципе, но считалось «преждевременным». Акцент с идеологии переносился на проблемы социального обеспечения ветеранов, однако, очевидной была несуразность официальных заявлений на этот счёт на фоне прокатившейся в начале 2005 года по России «седой революции», направленной против монетизации льгот.

Более того, в повышенном внимании к участникам войны прочитывался и ещё один крайне тревожный подтекст, проявившийся в частности в декабре 2004 года, во время посещения президентом посвящённого Московской битве военно-театрализованного представления на Алабинском полигоне Таманской дивизии. Зрелищность действия намного превосходи-

ла его смысловое наполнение. Но насторожил даже не этот, многократно усиленный электронными СМИ эффект действия. Обратила на себя внимание высказанная после представления одним из ветеранов мысль о том, что для большинства фронтовиков 60-летие станет последним в их жизни юбилеем, и поэтому предстоящие торжества должны быть адресованы прежде всего им. Эти слова могли бы выглядеть лишь частным мнением, не будь они высказаны в присутствии президента и, следовательно, обозначены как определённая установка. Бесспорно, ветераны – главные герои праздника, но вовсе не единственные его адресаты и потребители. В последнем случае подобная локализация пространства памяти попросту уничтожила бы День Победы как главный и консолидирующий общество праздник.

В 2003–м, на праздновании 9 мая в Туле, президент сказал: «В День Победы мы прикасаемся к обжигающей правде войны». Эта «обжигающая правда» сполна проявилась в полемике, развернувшейся на недавнем заседании в Орле Российского организационного комитета «Победа». Обращает на себя внимание отнюдь не растиражированное СМИ заявление генерала Валентина Варенникова о новых фильмах – «Штрафбат», «Московская сага», «Дети Арбата» – как о лживых. В конце концов, даже «обжигающая правда войны» – у каждого своя. И генерал, не только прошедший Великую Отечественную, но и оказавшийся уже в преклонном возрасте политзаключённым, а затем в открытую, на правовом поле доказавший свою невиновность, имеет полное право на свою собственную правду. «Обожгла» на орлов-

ском заседании произнесённая с явным подтекстом просьба того же Варенникова хотя бы до праздника наложить мораторий на очередные реформистские инициативы его ведомства, а также Минобразования. Или пикирование с тогдашним главой Минсоцразвития Михаилом Зурабовым московского мэра Юрия Лужкова. И всё это на глазах у первого лица в государстве.

На совещании в Орле, пожалуй, впервые столь явственно совпали два пространства – власти и памяти. Руководство страны формулировало концепцию юбилейных торжеств уже не просто как очередную пиар-акцию, но, скорее, как способ проведения на их волне конкретных управленческих решений.

2010: поиски смысла праздника продолжаются

65-летие Победы было отмечено не только тем, что ряд тенденций приобрел устойчивый характер, но и потому, что произошло возвращение к некоторым старым традициям. В третий раз (начиная с 2008 г.) парад на Красной площади проводился с участием военной техники. Помимо уже известных моделей техники, таких как танки Т-90, боевые машины пехоты БМП-3, бронетранспортеры БТР-80 и другие, были продемонстрированы системы, недавно принятые на вооружение и ещё ни разу не бывавшие на парадах – бронированные патрульные машины «Дозор», тяжелые огнеметные системы ТОС-1, зенитные ракетно-артиллерийские комплексы «Панцирь»,

зенитно-ракетные системы С-400, и, наконец, пусковые установки подвижного грунтового ракетного комплекса «Тополь-М». Зрелищность параду добавила техника времен Великой Отечественной войны – танки Т-34/85 и созданные на основе этой модели самоходные установки СУ-100, аналогичные тем, что участвовали в сражениях второй половины войны. В воздушном параде было задействовано 127 самолетов и вертолетов, вплоть до стратегических бомбардировщиков.

Центральным событием Дня Победы стало участие в параде иностранных военных подразделений. В едином строю вместе с российскими военнослужащими и солдатами стран СНГ торжественным маршем прошли подразделения армий государств антигитлеровской коалиции – Великобритании, США и Франции, сыгравших значительную роль в разгроме гитлеровской Германии. Вооруженные силы западных

союзников представляли военнослужащие соединений, отличившихся в годы Второй Мировой войны: батальон полка уэльской гвардии, воевавшего в Бельгии в 1940 году и вернувшегося в Европу летом 1944, пилоты и техники знаменитой эскадрильи «Нормандия-Неман», 2-й батальон 18-го пехотного полка армии США, участвовавший в высадке в Нормандии. В параде участвовал также почетный караул Вооруженных сил Польши, в форме 1945 года, символизируя боевое братство советских и польских солдат, сражавшихся плечом к плечу от Белоруссии до Берлина.

По Красной площади прошли сводные батальоны армий Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Украины. И это напомнило всем об интернациональном боевом братстве народов СССР, каждый из которых внес свой вклад в Победу 1945 года. Военные парады и торжественные прохождения войск в честь

Победы состоялись в 61 городе России, а также в пяти городах Украины, в городе-крепости Брест и в Минске.

Пять лет назад, накануне 60-летия, концепция юбилейных торжеств не могла не учитывать развернувшуюся «войну памятников» и «войну памятей», попытки принизить роль Советского Союза в войне. В 2010 г., спустя почти 20 лет после распада СССР, вопреки многим прогнозам, появилось больше возможностей для единства и согласия вокруг Дня Победы и сотворенного этой датой пространства памяти. Оно не знает границ, не различает национальностей, стоит выше текущих политических обстоятельств и конъюнктуры. 9 мая не удалось принести в жертву национализму или этноцентризму. Во многих странах СНГ День Победы официально является праздничным и нерабочим днем, развернулась социальная забота о ветеранах войны – жилищная, медицинская, финансовая. Там, где государство не предусматривает подобную поддержку, включаются иные рычаги помощи. Однако наиболее показательной чертой укорененности праздника является то, насколько он обростаёт новыми традициями, особенно, когда они проявляются снизу. Акция «Георгиевская ленточка», рожденная в России, охватила Грузию, Молдавию, Белоруссию, Таджикистан, ряд областей Украины. Накануне Дня Победы в Киеве стартовал международный проект «Летят журавли». В нем приняли участие более тысячи молодых людей, которые занимались поисковой работой, выезжали на места боев, обустроивали воинские захоронения, записывали воспоминания ветеранов, создавая уникальный архив

свидетельств участников войны. Личные истории фронтовиков подняли из неизвестности акции «Память сердца», которую проводит Международный фонд «Русский мир», а также «Фронтовой альбом», организованный РИА Новости.

Весь юбилейный год вокруг Дня Победы проходили дискуссии, обостренные к тому же историей с «фальсификацией истории» и созданной Администрацией Президента РФ одноименной комиссии. Однако её деятельность ничем не запомнилась. К примеру, она стыдливо промолчала по возбужденному московской мэрией вопросу о допущении изображения Сталина в праздничную столицу. История с плакатами генералиссимуса подтвердила факт продолжающейся борьбы за постсоветскую идентичность. Часть общества восприняла это как доказательство постепенной реабилитации Сталина в России, другая –

апеллировала к противоположной тенденции, которую озвучил президент Дмитрий Медведев, в частности, в интервью газете «Известия» накануне юбилея. Он подробно разъяснил свою личную и государственную – негативные – позиции в отношении Сталина и попыток «ренессанса сталинизма».

Размышления о войне, о цене победы и о степени достоверности её отражения в кино и на телевидении оживила премьера нового фильма Никиты Михалкова «Предстояние». Задолго до этого режиссер строил планы организовать показ 9-го мая на Красной площади, сразу после того, как отгремят залпы победного салюта. На огромном экране, подвешенном с помощью аэростатов, проецировалась бы трехчасовая «грандиозная кинофреска о грандиозной киновойне». Однако премьерный показ благоразумно перенесли с площади в Кремлевский дворец, а под конец апреля фильм вышел в массовый прокат.

В этом контексте в обществе снова возник вопрос: для кого праздник? Для ветеранов, так поздно обеспеченных квартирами? Но они по-прежнему живут хуже тех, кто был побежден в войне. Для власти, нескромно выпячивающей себя, решающей с помощью юбилея проблемы внутренней и внешней устойчивости? Но праздники проходят, а проблемы остаются. Трагедия, случившаяся 8–9 мая на крупнейшей угольной шахте «Распадская» в Кемеровской области, показала это. В целом же проект памяти о Победе в её 65-ю годовщину постигла похожая участь, что и оба других проекта – Октябрьской революции и Сталина. Этот проект – несмотря на все усилия нынешней власти сохранить День Победы

как главное событие, связывающее новую Россию с её советским прошлым, – подвергся коррозии обыденностью, утратил свою заостренность (неважно – положительную или отрицательную, как в случае с проектом памяти о Сталине), превратился в ещё один объект информационно-пропагандистского потребления. Причем объект компилятивный, претендующий на новизну, но на практике представляющий собой механическую сшибку знаковых сюжетов прошлого с сегодняшней конъюнктурой.

Возможное будущее памяти о Победе

Память – это не только бронза и гранит, нередко подавляющие грандиозными формами, но простое, негромкое человеческое слово, сказанное о тех, кто сражался и умирал... Память о Победе не может быть приватизирована тем или иным режимом власти, как, впрочем, и такими новообразованиями «гражданского общества», как военно-исторические клубы, играющие в «войнушку» и коллекционирующие вперемешку советские Ордена Славы и немецкие Железные Кресты. Можно ли вообще создать идеальное пространство памяти? Наверное, нет. Так же как и нельзя сконструировать идеальное пространство власти. Однако пространство власти доступно лишь немногим – большинство взирает на него со стороны. К пространству же памяти причастны все без исключения. А значит – и ответственны за него!

Праздник Победы давно стал решающим фактором для конструктивного национального согласия, в котором нуждаются и власть, и общество. Именно

Компьютерная игра Hearts of Iron II (День Победы II)

Память способна стать тем третейским судьёй, который только и способен поддерживать стабильность. Память судит, что называется, по гамбургскому счёту. И у неё есть веские обвинения к обеим сторонам – как власти, так и обществу.

Что касается власти, то тут всё более-менее ясно и не вызывает сомнений. Следует только заметить, что уже сразу после Победы (нравственный авторитет которой и даёт право на такой гамбургский счёт) были сформулированы сценарии, сполна отыгранные уже под конец века, – технологий целенаправленного демонтажа Союза ССР, тупиковых попыток национально-государственного строительства в многонациональной и поликультурной стране, альтернативных моделей социализма, особой роли конфессиональных институтов.

Первые сигналы прозвучали именно тогда, в первые послевоенные годы, но они так и остались по-настоящему не понятыми зазнавшейся от Победы властью. Кто знает, быть может, осталась бы иная память о Сталине и его режиме, не прозевай бы они столь доверительных к победившей власти сигналов. Эти сигналы в обилии подавались самыми разными людьми. Простыми гражданами, любящими свою Родину и поверившими после леденящих социальных экспериментов 30–х в то, что можно положиться на тех, кто «наверху». Маршалами, ощутившими доверие Верховного. Наркомами, вкусившими ответственную самостоятельность в командовании своими танкоградами. Дипломатами, предоставившими внушительные ноты доверия к стране-победительнице.

В моменты духовного единения у власти появляется особая возможность слышать сигналы, поступающие к ней с разных «этажей» общества. А, услышав, адекватно понять и принять к действию, тем самым, в перспективе, оказаться не объектом очередного слома, а самой возглавить поход против

коррупцированной чиновничьей гидры, уже не раз губившей российскую государственность.

Но и с общества также особый спрос. Оно не имеет права на какую бы то ни было презумпцию невиновности и незапятнанности, в отличие от кругом виноватого режима. Сваливать всю вину «наверх» наивно. Подобный нравственный авторитет ещё надо заслужить. Выход здесь единственный – напряжённо сотворчествовать тем начинаниям власти, которые с точки зрения здравого смысла созидательны. Не чаять лёгкой наживы в горниле очередной смуты, а беречь импульс энергии национального единства и согласия, которые ещё сохраняются вокруг Дня Победы и сотворённого этой датой пространства памяти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любой культ проходит стадию становления, развития и упадка. Юбилей может начинаться с локализации памяти о нем, но затем он способен развёрнуться в пространстве жизни и повседневности, перенестись в сферу образов и отражений. Пространство памяти, связанное с юбилейным событием, может возвращаться в пространство власти, но уже на правах не объекта, но субъекта, причём чуть ли не определяющего и обеспечивающего легитимацию статусной политики. Так было с юбилеями революции 1917 года, но особенно – с юбилеями Сталина, которые парадоксальным образом связали Октябрь и Победу 1945.

Однако сам Сталин не хотел встраивать 9 мая в единую конструкцию главных идеологических советских праздников. У этого праздника, по всей видимости, не было необходимой чистоты – непростительные ошибки правительства, невероятная цена, заплаченная за победу, начавшаяся «холодная война» с бывшими союзниками.

Юбилеи Победы сначала при Брежневe, но особенно после 1995 г. стали превращаться в главный национальный праздник страны, в символическую опору постсоветских режимов власти. Но их встраивание в новую конструкцию, попытки превращения Победы в национальную идею размывают память

о тех, кто выстоял на фронте и в тылу. Права Юлия Латынина – никому и ни разу не удалось справиться с непосильной задачей: как сделать, чтобы в идеологической заданности праздника не потонула его человеческая суть?

Юбилеи важны, но совсем необязательно придавать им культовые черты. Они связаны с прошлым, с прошлыми прорывами и победами, они не способны прямо или косвенно обеспечивать новые успехи сегодня. Более того, юбилеи мешают критическому взгляду на современную ситуацию, реальной оценке смыслов будущего.

Все попытки встроить День России 12 июня в современное пространство памяти, используя старые механизмы управлением им, пока ничего не дали. Согласно последним опросам «Левада-Центра», большинством населения эта дата воспринимается лишь как дополнительный выходной. То же самое относится и к другим государственным праздникам – 1 мая и 4 ноября. Чтобы стать всенародными, как считает депутат Государственной Думы Константин Косачев, необходимо соединение трех условий: естественная гордость за страну, объединение поколений, объединение вокруг праздников всех политических оппонентов.

Как бы там ни было, но юбилеямания и сопутствующие ей игры вокруг привязки отмечаемых событий и связанных с ними исторических личностей к текущей политической конъюнктуре будут продолжаться. Уже слышны заявления о приближающейся череде столетних юбилеев эпохальных событий минувшего века – Первой мировой войны, обеих рево-

люций 1917 года и далее – по списку исторических дат. Неожиданно всплывают и совсем уж кажущиеся странными даты типа четырехсотлетия Дома Романовых. Хотя последнее обстоятельство хорошо укладывается в развернувшуюся новую волну «возвращения исторических названий» московским улицам или в те же попытки (пока бесплодные) власти переписать историческое прошлое под нужды сегодняшнего политического процесса (например, всячески «обустроить» дату 4 ноября – и политически, и кинематографически).

Управлять памятью можно и должно – но весь вопрос в том, как именно управлять. Власть не должна брать на себя функции неусыпного блюстителя исторической чистоты любой ценой, как это было при советском режиме. Вместе с тем роль «эффективного менеджера», озабоченного лишь тем, как повыгоднее продать, вложить, заложить прошлое, получить с него процент или «срубить бабло», также представляется опасной. Подобные «эффективные менеджеры» – ничуть не меньшие фальсификаторы исторической истины, нежели их советские предшественники. И даже более того – не только фальсификаторы, но и могильщики: ведь если в советские времена официальная ложь лишь разжигала любопытство и жажду истины, то нынешнее опиаривание истории губит всякий интерес, порождает скуку и провоцирует безучастность. История же, как известно, прощает многое – кроме равнодушия...

Похоже, от культа новых юбилеев и сопутствующего таким юбилеям информационно-пропагандистского шума уже не удастся уберечься. Во всяком

случае – в ближайшем будущем. Вместе с тем не стоит уповать и на девальвацию ценностей тех или иных культов, происходящую со сменой поколений и мировоззрений. Ведь в России по-прежнему глубина трансформаций и динамика стереотипов по-прежнему зависят от власти, которая считает себя владычицей над временем и юбилейным его отмериванием. Но будущее непредсказуемо...

Указатель имен

А

- Абрамов Ф. – 174
Авторханов А. – 125
Аджубей А. – 113
Аджубей Р. – 113
Алексеев В. – 68
Алексеев М. – 83
Алиев Г. – 134
Аллилуева Н. – 94
Аллилуева С. – 65
Андреев Д.А. – 14
Андреева Н. – 137, 143
Андропов Ю.В. – 65, 135
Антонов Ю. – 202
Афанасьев Ю. – 71

Б

- Балаян Л. – 94
Басаев Ш. – 216
Бергсон А. – 7, 8
Березовский Б. – 149
Берия Л.П. – 116, 125, 147, 158, 164
Берия Л.П. – 104, 133
Брежнев Л.И. – 67, 68, 127, 131, 133, 135, 136, 183, 186, 196, 238
Булганин Н.А. – 179
Бухарин Н.И. – 43, 72, 93, 137, 139

В

- Вайль П. – 63
Варенников В. – 226, 227
Владимир Святой – 14
Владимов Г. – 65
Вознесенский А. – 76
Вознесенский Н. – 116
Войков П.Л. – 26
Володарский В. – 21
Ворошилов К.Е. – 35, 60, 75, 96, 106, 179
Вышинский А.Я. – 165

Г

- Гагарин Ю.А. – 155
Генис А. – 63
Гитлер А. – 46, 105, 113, 148
Глинка М. – 99
Горбачёв М.С. – 76, 91, 137, 160, 199, 200, 202, 205, 208
Городецкий С. – 99
Гранин Д. – 76
Громов М.М. – 39
Гурко В. – 83

Д

- Даниэль Ю. – 181
Дантон Ж.Ж. – 66
Дедков И. – 122, 124

Делягин М. – 155, 157
Демичев П. – 181
Деникин А.И. – 92, 96
Джугашвили Е. – 158
Дудин М. – 202
Дудинцев В. – 125

Е

Евстафий (Жаков), игумен – 154
Евтушенко Е. – 75
Ежов Н.И. – 45, 104, 109
Еличев – 29
Ельцин Б.Н. – 77, 78, 135, 209, 212, 214, 221
Епишев А. – 181
Ермаченко И. – 141
Ерофеева В. – 155
Ефремов О. – 67, 71

Ж

Жданов А.А. – 179
Жемчужина П. – 116
Жигулин А. – 53
Жуков Г.К. – 59, 178, 182
Жуков Е. – 65

З

Зайцев – 109
Залыгин С. – 76
Зиновьев А. – 224
Зиновьев Г.Е. – 21, 23, 31, 32, 43, 46, 72, 93
Злобин А. – 76
Зурабов М. – 227

И

Ибаррури Д. – 41, 113
Иванов – 129, 135

Ильичёв Л. – 181
Иовчук М. – 56
Иргеньев И. – 163
Искандер Ф. – 76

К

Каганович Л.М. – 60, 127, 179
Кайши Чан – 119
Калинин М.И. – 29, 93, 109
Каменев Л.Б. – 31, 43, 46, 72
Каменев С.С. – 96
Каплер А. – 44
Капустин Я. – 116
Касаев А. – 14
Керенский А.Ф. – 87
Кибиров Т. – 74, 75, 140, 141
Кириленко А. – 134
Киров С.М. – 35, 158
Князев В. – 53
Кобелянский С. – 101
Козлов В. – 136
Кокэн Ф. – 139
Колчак А.В. – 92, 93, 96
Кольцов М. – 44
Кондратьев В. – 76
Конев И. – 177, 178
Косачев К. – 239
Косыгин А.Н. – 60
Кочетов В. – 129, 131
Козэн С. – 72, 74, 139
Краснов П.Н. – 92
Краснопевцев Л. – 60
Кривицкий В. – 43
Крупская Н.К. – 44
Кузмин М.А. – 53
Кузнецов А. – 116
Кукушкин Ю. – 147
Куликов В. – 212
Кунаев Д. – 134

Курляндский И. – 147

Куусинен О. – 56

Л

Лакшин В. – 76

Латынина Ю. – 239

Ленин В.И. – 9, 18, 20, 22, 29,
31, 32, 35, 41, 44, 46, 50, 55,
59, 63, 66, 72, 79, 86, 87, 92,
93, 95, 106, 117, 131, 137,
142, 214

Леонов Л. – 116

Леонтьев Л. – 56

Лигачёв Е. – 205

Лиознова Т. – 217

Лужков Ю.М. – 149, 227

Луначарский А.В. – 21, 23, 35,
67

М

Максименков Л. – 106, 117

Маленков Г.М. – 116, 127

Маркс К. – 55, 142

Маркузе Г. – 132

Матросов А. – 209

Медведев Д.А. – 159, 162, 233

Мединский В. – 155

Милюков П.Н. – 50

Митин М. – 56

Михалков Н.С. – 233

Молотов В.М. – 60, 116, 127,
137, 195

Мотыль В. – 191

Моцарт В.А. – 23

Мухина В.И. – 39

Н

Наполеон Бонапарт – 104

Невзоров А. – 215

Николаев Л. – 158

Нора П. – 9

О

Озеров Ю. – 195

Островитянов К. – 56

П

Пастернак Б.Л. – 125

Петр I – 155

Поляков – 29

Попков П. – 116

Попов Г. – 116

Поспелов П. – 56, 182

Пригов Д. – 75, 142

Примаков Е.М. – 149

Проханов А. – 154

Пугачев Е. – 142

Пугачёв Е. – 170

Путин В.В. – 14, 16, 149, 219,
221–224

Пушкин А.С. – 140–142

Р

Рабинович А. – 22

Радзинский Э. – 165

Радзиховский Л. – 140

Разин С. – 170

Рембрандт ван Рейн – 111

Риббентроп И. – 137, 195

Робеспьер М. – 46, 66

Родионов М. – 116

Роллан Р. – 46

Ромм М. – 44

Ротару С. – 204

Рыбаков А. – 151

Рыбас С. – 155

Рыков А.И. – 43, 72

С

- Свердлов Я.М. – 66
Седов Л. – 43
Сельвинский И.Л. – 53
Семичастный В. – 65
Синявский А. – 181
Соколов Б. – 7, 8
Солженицын А.И. – 65, 82,
131, 151, 158, 181
Солженицына Н. – 82
Соловьев Б. – 147
Сорокин В. – 148
Спирин Л. – 92
Сталин В.И. – 95, 127, 146
Сталин И.В. – 9, 17, 39, 41, 43–
46, 50, 52, 53, 55, 56, 65, 79,
87, 90–99, 101, 103–106, 109,
111–114, 116, 117, 119, 121,
122, 124–129, 131–137, 139,
140, 142–144, 146–155, 157–
166, 171, 173–179, 181, 182,
199, 200, 207, 209, 214, 231,
233, 234, 236, 238

- Степанов – 31
Страда В. – 132
Стура Д. – 65
Суворов В. – 209
Сурков В. – 83
Сусанин И. – 99
Суслов М.А. – 117, 133
Суходеев В. – 147

Т

- Тимошенко С. – 106
Тито И.Б. – 119
Толстой А.Н. – 43
Томский М.П. – 43
Треппер Л. – 17

- Третьяков В. – 14, 149, 218
Троцкий Л.Д. – 17, 31, 32, 43,
53, 72, 86, 93–96, 112, 202
Трухановский В. – 65
Тухачевский М.Н. – 96
Тюлькин В. – 78

У

- Урицкий М.С. – 21, 66

Ф

- Федосеев П. – 56
Фейхтвангер Л. – 109
Фуко М. – 14

Х

- Харитонов Н. – 82
Хофман В. – 132
Хрущёв Н.С. – 59, 60, 62, 113,
116, 125–128, 137, 151, 160,
179, 181, 182, 189
Хуциев М. – 191

Ц

- Цвейг С. – 46
Цзэдун Мао – 62, 113

Ч

- Черненко К.У. – 142
Чкалов В.П. – 39
Чубайс А.Б. – 149

Ш

- Шагинян М. – 49
Шаламов В. – 151
Шатров М. – 66, 67, 71, 142
Шеварднадзе Э. – 134

Шевцов – 20

Шепилов Д. – 56, 127

Шостакович Д.Д. – 131

Штурман Д. – 17

Шульженко К. – 217

Шумяцкий Б. – 43

Шунков В. – 65

Щ

Щербаков А.С. – 179

Щербицкий В. – 134

Э

Энгельс Ф. – 55

Эншлен Ш. – 8

Эренбург И. – 126

Ю-Я

Юденич Н.Н. – 92, 93, 96

Юдин П. – 56

Юматов Г. – 194

Яблоков А. – 158

Геннадий Аркадьевич БОРДЮГОВ,
руководитель Международного Совета АИРО-XXI.

Автор книг:

- Чрезвычайный век российской истории: четыре фрагмента.
- История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества (в соавт. с В.А. Козловым).
- Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историкографические очерки (в соавт. с А.И. Ушаковым).
- Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина (в соавт. с Д.А. Андреевым).
- Вертикаль Большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447 (в соавт. с Марком Юнге и Рольфом Биннером) и др.

учебников и курсов лекций:

- Russia: A History of the Twentieth Century (в соавт. с С.В. Девятовым, Е.А. Котеленец).
- Россия: образы истории в мире (в соавт. с В.В. Барабашем, Е.А. Котеленец) и др.

составитель документальных сборников:

- Неизвестный Александр Богданов. В 3-х томах.
- Узник Лубянки. Тюремные рукописи Н.И. Бухарина.
- Moszkvanak Jelentjuk... Titkos dokumentumok. 1944–1948.
- Polska–ZSSR. Struktury podleglosci. 1944–1949 (совм. с Г.Ф. Матвеевым и др.)

- Советская военная администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды и С.И. Тюльпанов. 1945–1949. (совм. с Берндом Бонвечем и Норманом Неймарком).
- Советская политика в Австрии. 1945–1949 гг. (совм. с Вольфгангом Мюллером, Норманном Неймарком, Арнольдом Суппаном).
- Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова (совм. с Лотаром Майером, Л.А. Роговой и Н.С. Антоновой) и др.

редактор и руководитель авторских коллективов изданий:

- Исторические исследования в России – I, II. Тенденции последних лет.
- Национальные истории в постсоветских государствах – I, II.
- Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории (совм. с Фальком Бомсдорфом).
- Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей (совм. с Норие Иссии, Такеси Томита).
- Культура и власть в условиях коммуникационной революции (совм. с Карлом Аймермахером и Инго Грабовским).
- Мифы и мифология в современной России (совм. с Фальком Бомсдорфом).
- Россия: удачи минувшего века.
- Владимир Путин. Рано подводить итоги (совм. с А.Ч. Касаевым).
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах (совм. с Карлом Аймермахером и Астрид Фольперт) и др.

Издания АИРО в 2008–2010 гг.

2008

- Сиратори Тосио.* Новое пробуждение Японии. Политические комментарии 1933–1945. Составление, перевод, вступительная статья и комментарии доктора политических наук В.Э. Молодякова. («АИРО – первая публикация»).
- Danke, профессор Аймермахер. 12 писем из России. Сост. Г.А. Бордюгов, Т.М. Горяева.
- С.В. Константинов.* «В неверном озаренье славы...»: реформаторы и жертвы. Сост.: Давыдов О.В., Касаев А.Ч., Молодяков В.Э.
- Леонид Козлов.* В диалоге с прошлым.
- Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов. Предисл. С. Бабурина. Введ. Ст. Козна. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн., измен. и расшир.
- Харуки Вада – сенсей российской истории. Сост. Г.А. Бордюгов.
- Стивен Козн и Советский Союз / Россия. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов.
- Е.В. Суровцева.* Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е гг.). («АИРО – Первая монография»).
- А.А. Куреньшев.* Крестьянские организации Русского Зарубежья. (1920–1951 гг.). («АИРО – Монография»).
- Ф.Ф. Торнау.* Воспоминания кавказского офицера.
- Общее прошлое и современность. Материалы польско-российско-немецкого триалога историков и журналистов (Россия, Тверская область, «Гелиопарк-Эммаус» на Волге, 6–9 сентября 2007 г.).
- Глобальные вызовы – японский ответ / Рук. проекта Э.В. Молодякова.
- Прошлое: российский и немецкий подходы. Материалы российско-немецкого коллоквиума. Москва, 12–13 июля 2007 года. Под ред. Фалька Бомсдорфа и Геннадия Бордюгова.

- Роберт Эдельман.* Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР.
- А.Г. Тепляков.* Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. («АИРО – Монография»).
- И.А. Родионов.* Забытый путь. Из архивов писателя: письма, дневниковые записи, воспоминания, проза. Поиски материалов, обработка, комментарии, справочный аппарат журналиста Галины Стукаловой.
- Стивен Козн.* Долгое возвращение. Жертвы ГУЛАГа после Сталина / Пер. с англ. Ирины Давидян.
- Е.И. Щербакова.* «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е годы XIX века) / Под ред. Г.А. Бордюгова; послесловие Н.И. Дедкова. («АИРО — Первая монография»).
- Марк Юнге, Геннадий Бордюгов, Рольф Биннер.* Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД №00447.
- С.Б. Веселовский.* Московское государство: XV–XVII вв. Из научного наследия.

2009

- В. Волков, С. Соколов.* Антиманипулятор. Типизация постперестроечного государственного устройства в контексте глобализации и перестройки. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 24).
- Н.В. Кравчук.* История отечества глазами малоросса. (Метаисторические очерки). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 25).
- В.А. Рябинин.* Идеология «тайны беззакония»: философский и политический анализ идеологии «мондиализм».
- А.П. Ненароков.* В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга первая. Вдаль к началу. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).
- А.П. Ненароков.* В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга вторая. Свеча в доме. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).

Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания? Материалы российско-немецкого форума. Москва, Овальный зал ВГБИЛ, 3 декабря 2008 г. Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова, Екатерины Гениевой.

В.Н. Томилин. Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. («АИРО – Монография»).

Н.И. Бурнашева. В единении – сила! История кооперации Якутии (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.). (АИРО – Монография).

Эрик Кулевиц. Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. (АИРО – Первая публикация в России).

Russia: a history of the twentieth century. Materials for course the lectures / *G. Bordjugov, S. Devyatov, E. Kotelenets, A. Titkov.*

Ф.Д. Крюков. Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. Возвращаясь на улицу Юности.

Л.А. Боева. «Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа. («АИРО – Первая монография»).

Б.В. Соколов. Как провалилась бериевская «перестройка». Извержение *enfant terrible* из властных структур. Новые документы. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 26).

Япония 2009. Ежегодник.

Идейно-политические дискуссии в Советском Союзе в 1940–50-х гг. и национально-государственное размежевание 1990-х. Материалы круглого стола в «РИА Новости» 15 сентября 2009 г. Под редакцией Геннадия Бордюгова и Алана Касаева.

А.К. Конопацкий. Прошлого великий следопыт. Академик А.П. Окладников: страницы биографии.

Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

2010

Посадский А. От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. – М.: АИРО–XXI; ГПИБ. 2010. – 412 с.

- Цыганок А.Д.* Война на Кавказе 2008: русский взгляд. Грузино-осетинская война 8–13 августа 2008 года. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 328 с.
- Ирина Каргина.* Горечь полыни. Пропавший в «Поднятой целине». – М.: АИРО-XXI, 2010. – 216 с.
- Справочник молодого журналиста. – М.: «РИА Новости»; АИРО-XXI, 2010. – 512 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 1: Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 1024 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 2: Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 896 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 1032 с.
- Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А.* Образы России в мире. Курс лекций. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 296 с.
- Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2010.– 372 с.
- Носович А.Л.* Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 96 с.
- Кыласов А.В.* Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма.
- Гурвич Э.Б.* Взгляд в настоящее прошлое. Фрагменты семейной хроники Николая Ивановича Бухарина. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2010. – 176 с. + 56 с. илл.
- Загадки и тайны «Тихого Дона»: двенадцать лет поисков и находок. – М.: «АИРО-XXI», 2010. – 400 стр.
- Суровцева Е.В.* Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.). – М.: АИРО-XXI, 2010. – 128 с. (Серия «АИРО – монография»).

Стивен Козн. Утраченное наследие Горбачева. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 56 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 27).

Мировой кризис и Япония / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2009. – 256 с.

Научное издание

Серия «Историческая политика и политика памяти
в СССР, РФ и СНГ»

Геннадий Аркадьевич Бордюгов

ОКТЯБРЬ. СТАЛИН. ПОБЕДА.
Культ юбилеев в пространстве памяти

Дизайн, верстка и подбор иллюстраций: *Сергей Щербина*

I S B N 5 9 1 0 2 2 1 3 2 - 9

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 18.10.2010
Формат 70×100 1/32. Бумага офс.
Тираж 1000 экз. Усл. печ. л. 12,0.